

СТИВЕН КИНГ

ОУЭН КИНГ

Спящие
красавицы

18+

Оуэн Кинг
Стивен Кинг
Спящие красавицы
Серия «Темная башня (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37837423

Стивен Кинг Спящие красавицы:
ISBN 978-5-17-105966-8

Аннотация

«Спящие красавицы» – первая книга, написанная Стивеном Кингом в тандеме с его сыном Оуэном. Тихий уклад жизни маленького городка в Аппалачах нарушается необъяснимым явлением: женщины одна за другой впадают в странный сон, покрываясь тончайшими коконами. Тот, кто пытается их разорвать, пробуждает спящих – и сталкивается с нечеловеческой яростью и жестокостью... И именно в это время в городе появляется таинственная и невероятно красивая женщина, невосприимчивая к вирусу. Кто же она? Ангел, посланный спасти человечество? Или демон, которого следует уничтожить? Решить это и спасти мир от неизбежного хаоса предстоит мужчинам, и теперь они будут играть по собственным правилам...

Содержание

Персонажи	5
Спящие красавицы	11
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	53
Глава 3	93
Глава 4	135
Глава 5	171
Глава 6	209
Глава 7	245
Глава 8	253
Конец ознакомительного фрагмента.	266

Стивен Кинг

Спящие красавицы

Stephen King

Owen King

SLEEPING BEAUTIES

Серия «Темная башня»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King and Owen King, 2017

© Перевод. В. А. Вебер, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Посвящается Сандре Блэнд¹

¹ Сандра Аннетт Блэнд (1987–2015) – афроамериканка, арестованная 10 июля 2015 года за нарушение правил дорожного движения и три дня спустя найденная повешенной в камере. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Персонажи

Город Дулинг, административный центр округа Дулинг

Труман Мейвезер по прозвищу Трум, 26 лет, варщик метамфетамина

Тиффани Джонс, 28 лет, кузина Трумана

Линни Марс, 40 лет, диспетчер управления шерифа Дулинга

Шериф Лайла Норкросс, 45 лет, начальник управления шерифа Дулинга

Джаред Норкросс, 16 лет, ученик одиннадцатого класса средней школы Дулинга, сын Лайлы и Клинта Норкроссов

Антон Дубчек, 26 лет, владелец и сотрудник компании «Уборка бассейнов от Антона», КОО²

Магда Дубчек, 56 лет, мать Антона

Фрэнк Джиэри, 38 лет, сотрудник службы по контролю за бездомными животными муниципалитета Дулинга

Элейн Джиэри, 35 лет, волонтер благотворительной организации «Гудвилл» и жена Фрэнка

Нана Джиэри, 12 лет, ученица шестого класса средней

² Компания с ограниченной ответственностью.

школы Дулинга

Старая Эсси, 60 лет, бездомная

Терри Кумбс, 45 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Рита Кумбс, 42 года, жена Терри

Роджер Элуэй, 28 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Джессика Элуэй, 28 лет, жена Роджера

Платина Элуэй, 8 месяцев, дочь Роджера и Джессики

Рид Барроуз, 31 год, сотрудник управления шерифа Дулинга

Леанна Барроуз, 32 года, жена Рида

Гэри Барроуз, 2 года, сын Рида и Леанны

Дрю Т. Бэрри, 42 года, владелец страховой компании «Гарантия Дрю Т. Бэрри»

Верн Рэнгл, 48 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Элмор Перл, 38 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Рьюп Уиттсток, 26 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Уилл Уиттсток, 27 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Дэн Трит по прозвищу Тритер, 27 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга

Джек Албертсон, 61 год, сотрудник управления шерифа

Дулинга (на пенсии)

Мик Наполитано, 58 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга (на пенсии)

Нейт Макги, 60 лет, сотрудник управления шерифа Дулинга (на пенсии)

Карсон Стратерс по прозвищу Окружной Силач, 32 года, в прошлом участник турнира «Золотые перчатки»

Тренер Джей-Ти Уиттсток, 64 года, тренер футбольной команды средней школы Дулинга

Доктор Гарт Фликинджер, 52 года, пластический хирург
Фриц Мишем, 37 лет, механик

Барри Холден, 47 лет, государственный защитник

Оскар Сильвер, 83 года, судья

Мэри Пак, 16 лет, ученица одиннадцатого класса средней школы Дулинга

Эрик Бласс, 17 лет, ученик выпускного класса средней школы Дулинга

Курт Маклеод, 17 лет, ученик выпускного класса средней школы Дулинга

Кент Дейли, 17 лет, ученик выпускного класса средней школы Дулинга

Уилли Бурк, 75 лет, волонтер

Дороти Харпер, 80 лет, на пенсии

Маргарет О'Доннелл, 72 года, сестра Гейл, на пенсии

Гейл Коллинз, 68 лет, сестра Маргарет, регистратор дантиста

Миссис Рэнсом, 77 лет, пекарь

Молли Рэнсом, 10 лет, внучка миссис Рэнсом

Джонни Ли Кронски, 41 год, частный детектив

Джейми Хауленд, 44 года, профессор истории

Иви Блэк, примерно 30 лет, приезжая

Тюрьма

Джейнис Коутс, 57 лет, начальник женской тюрьмы Дулинга

Лоренс Хикс по прозвищу Лор, 50 лет, заместитель начальника женской тюрьмы Дулинга

Рэнд Куигли, 30 лет, дежурный женской тюрьмы Дулинга

Ванесса Лэмпли, 42 года, дежурная женской тюрьмы Дулинга, в 2010–11 гг. – чемпионка по армрестлингу Огайо-Вэлли в возрастной категории 35–45 лет

Милли Олсон, 29 лет, дежурная женской тюрьмы Дулинга

Дон Питерс, 35 лет, дежурный женской тюрьмы Дулинга

Тиг Мерфи, 45 лет, дежурный женской тюрьмы Дулинга

Билли Уэттермор, 23 года, дежурный женской тюрьмы Дулинга

Скотт Хьюз, 19 лет, дежурный женской тюрьмы Дулинга

Бланш Макинтайр, 65 лет, секретарь начальника женской тюрьмы Дулинга

Доктор Клинтон Норкросс, 48 лет, старший психиатр женской тюрьмы Дулинга и супруг Лайлы

Джанетт Сорли, 36 лет, заключенная № 4582511-1 женской тюрьмы Дулинга

Ри Демпстер, 24 года, заключенная № 4602597-2 женской тюрьмы Дулинга

Китти Макдэвид, 29 лет, заключенная № 4603241-2 женской тюрьмы Дулинга

Энджел Фицрой, 27 лет, заключенная № 4601959-3 женской тюрьмы Дулинга

Мора Данбартон, 64 года, заключенная № 4028200-1 женской тюрьмы Дулинга

Кейли Роулингс, 40 лет, заключенная № 4521131-2 женской тюрьмы Дулинга

Нелл Сигер, 37 лет, заключенная № 4609198-1 женской тюрьмы Дулинга

Селия Фроуд, 30 лет, заключенная № 4633978-2 женской тюрьмы Дулинга

Клавдия Стивенсон по прозвищу Бомбовая, 38 лет, заключенная № 4659873-1 женской тюрьмы Дулинга

Прочие

Лоуэлл Грайнер по прозвищу Маленький Лоу, 35 лет, преступник

Мейнард Грайнер, 35 лет, преступник

Микаэла Морган, урожденная Коутс, 26 лет, известная журналистка, «Новости Америки»

Сродник Благовест (Скотт Дэвид Уинстид-младший), 60 лет, Первосвященник Просветленных

Лис обыкновенный, от 4 до 6 лет

*Бедная или богачка, слабая иль стойкая,
Быть рабыней у мужчины – доля твоя горькая.
Женицую рождена ты? На страданье
родилась:*

*Будут лгать тебе, и мучить, и жестоко
втопчут в грязь.³*

Сэнди Пози «Рожденная женщиной». Слова Марты Шарп

*А по мне, ты просто не можешь не обращать
внимания на квадрат света!*

**Риз Мэри Демпстер, заключенная № 4602597-2
женской тюрьмы Дулинга**

*Ее предупредили. Ей объяснили. Тем не менее она
продолжала.*

**Сенатор Эддисон Макконнелл по прозвищу Митч о
сенаторе Элизабет Уоррен**

³ Перевод Н. Сидемон-Эристави.

Спящие красавицы

Мотылек вызывает у Иви смех. Приземляется на ее обнаженное предплечье, и Иви указательным пальцем легонько проводит по коричневым и серым волнам на крыльях. «Привет, красавчик», – говорит она мотыльку. Тот улетает. Выше, выше и выше, пока его не проглатывает ломтик солнца, запутавшийся в глянцевой зеленой листве в двадцати футах над Иви, которая устроилась среди корней.

Медно-красный шнур выползает из черной расщелины в стволе дерева и, извиваясь, скользит между пластинами коры. Змее доверия нет, это очевидно. С ней у Иви уже возникали проблемы.

Ее мотылек и еще десять тысяч других срываются с кроны дерева шуршащим, серо-коричневым облаком, скользящим по небу в сторону хилого соснового подростка по ту сторону луга. Иви поднимается, чтобы последовать за мотыльками. Ветки хрустят под ногами, высокая, по пояс, трава царапает кожу. Приближаясь к чахлому лесу, выросшему на месте вырубленного, Иви улавливает первые химические запахи – аммиак, бензол, нефть, множество других, десять тысяч надрезов на единственном клочке плоти – и теряет надежду, о появлении которой чуть раньше даже не подозревала.

Паутинки вырастают из ее следов и сверкают в утрен-

нем свете.

Часть первая

Старый треугольник

*А в тюрьме, что близко, семь десятков эсенин,
Вот бы где счастливо я бы обитал.*

*Треугольник⁴ старый прозвенел устало,
Эхом отозвался Короля канал.*

Брендан Биэн

Глава 1

1

Ри спросила Джанетт, наблюдала ли та когда-нибудь за квадратом солнечного света, проникающим в камеру через окно. Джанетт, ответила, что нет. Ри лежала на верхней койке, Джанетт – на нижней. Обе ждали, когда камеры откроют перед завтраком. Еще одно утро.

Сокамерница Джанетт, Ри, провела целое исследование солнечного квадрата. Как объясняла Ри, сначала он появлялся на противоположной от окна стене, потом скользил вниз,

⁴ Старый треугольник – большой металлический треугольник, ударами по которому утром будили заключенных дублинской тюрьмы Маунтджой.

вниз, вниз, проползал по поверхности стола и наконец соскакивал на пол. Вот и сейчас Джанетт видела, что он на полу, посреди камеры, чрезвычайно яркий.

– Ри, – сказала Джанетт, – я просто не могу обращать внимание на какой-то квадрат света.

– А по мне, ты просто не можешь *не* обращать внимания на квадрат света. – Ри хрюкнула – так она изображала веселье.

– Ладно. Что бы эта херня ни значила.

В ответ ее сокамерница снова хрюкнула.

Ри была нормальной, но тишина нервировала ее, будто маленького ребенка. Ри попала в тюрьму за мошенничество в кредитной сфере, подделку документов и хранение наркотиков с целью продажи. Ни в чем особого мастерства не продемонстрировала, вот и оказалась за решеткой.

Джанетт сидела за непредумышленное убийство. Зимним вечером 2005 года она отправила в мир иной своего мужа Дэмиена, всадив ему в пах шлицевую отвертку, а тот, будучи под кайфом, просто остался сидеть в кресле и истек кровью. Само собой, она торчала вместе с ним.

– Я смотрела на часы, – объяснила Ри. – Засекала время. Свету нужно двадцать две минуты, чтобы добраться до пола.

– Срочно звони в «Гиннесс», – предложила Джанетт.

– Ночью мне приснился сон. Мы с Мишель Обамой ели шоколадный торт, и она сердито мне выговаривала: «Ты располстеешь, Ри». Но сама ела тот же торт. – Ри хрюкнула. –

Нет. Ничего такого не было. Я это выдумала. На самом деле мне приснилась моя учительница. Она говорила и говорила, что я пришла не в тот класс, а я отвечала и отвечала, что пришла куда нужно. Она говорила «ладно» и начинала урок, но время от времени повторяла мне, что я не в том классе, а я отвечала, что в том, и это продолжалось и продолжалось. Совершенно невыносимо. А что снилось тебе, Джанетт?

– Э... – Джанетт попыталась вспомнить и не смогла. С новым лекарством она, похоже, стала спать крепче. Прежде ей иногда снились кошмары с Дэмиеном. Обычно он выглядел как и в то утро, когда она нашла его мертвым, с синими потеками на коже, напоминавшими чернила.

Джанетт спросила доктора Норкрасса, считает ли он, что эти кошмары связаны с чувством вины. Доктор, прищурившись, какое-то время смотрел на нее, словно говоря: ты что, шутишь? Раньше эти взгляды выводили ее из себя, но теперь она привыкла. Потом доктор поинтересовался, считает ли она, что вода мокрая. Да, конечно. Она поняла. В любом случае по кошмарам Джанетт не скучала.

– Извини, Ри. Ничего не помню. Что бы мне ни снилось, ушло.

В коридоре второго этажа крыла Б слышались шаги. Кто-то из дежурных шел по бетонному полу: последняя проверка перед открытием дверей.

Джанетт закрыла глаза, чтобы помечтать. Тюрьма лежала в руинах. Пышные лианы карабкались по древним стенам

камеры, лениво колыхались на весеннем ветерке. От потолка осталась половина, вторую сожрало время, и он превратился в навес. Пара маленьких ящериц сидела на куче ржавого мусора. Бабочки танцевали в воздухе. Сильно пахло землей и листьями. Зрелище произвело впечатление на Бобби, стоявшего рядом с ней в проломе стены. Его мама была археологом. Именно она открыла это место.

– Как думаешь, можно попасть на телевикторину, если у тебя криминальное прошлое?

Видение исчезло. Джанетт застонала. Ладно, в эти мгновения ей было хорошо. На таблетках жизнь определенно стала лучше. Существовало тихое, приятное местечко, которое она могла найти. Следовало отдать должное доктору. Лучше жить с химией. Джанетт вновь открыла глаза.

Ри таращилась на нее. О тюрьме трудно сказать что-то хорошее, но, возможно, для такой девушки, как Ри, под замком безопаснее. На свободе она скорее всего по рассеянности угодила бы под машину. Или толкнула бы наркоту человеку, ни капли не похожему на наркомана. Что, собственно, она и сделала.

– Что не так? – спросила Ри.

– Ничего. Я перенеслась в рай, вот и все, а ты своим большим ртом взорвала его.

– Что?

– Не важно. Послушай, думаю, должна быть телевикторина, на которую можно попасть, только если у тебя *есть* кри-

минальное прошлое. Мы назовем ее «Кто лучше солжет».

– Мне нравится! И как она будет устроена?

Джанетт села, зевнула, потянулась.

– Об этом надо подумать. Понимаешь, разработать привила.

Их дом был таким же, как и всегда, и никаких изменений не намечалось до скончания мира, аминь. Камера, десять шагов в длину, четыре – между койками и дверью. Стены – гладкий бетон, окрашенный в цвет овсянки. Фотографии и открытки с загибающимися краями (так мало, что и смотреть не на что) крепились к стене зеленой липкой массой, в единственном отведенном месте. У одной стены стоял маленький металлический стол, у противоположной – металлическая этажерка. Слева от двери располагалось стальное «очко». Когда одна справляла нужду, сидя на корточках, вторая отворачивалась, создавая жалкую иллюзию уединения. Панель из двуслойного стекла в двери, на уровне глаз, позволяла увидеть небольшую часть коридора, который тянулся по всему крылу Б. Каждый дюйм, каждый предмет в камере благоухали вездесущими тюремными запахами: пот, плесень, лизол.

Против воли Джанетт наконец обратила внимание на квадрат солнца между койками. Он почти подобрался к двери – но дальше ему ползти было некуда, верно? До тех пор, пока дежурный не вставит ключ в замок или не откроет дверь из Будки, световой квадрат останется взаперти, как и они.

– А кто будет ведущим? – спросила Ри. – В каждой телевикторине должен быть ведущий. И какие будут призы? Призы должны быть хорошие. Нам нужно все проработать, Джанетт.

Подперев голову, Ри накручивала на палец тугие осветленные кудряшки и смотрела на Джанетт. У самой линии роста волос лоб Ри портил шрам, напоминающий решетку для гриля: три глубокие параллельные полосы. Хотя Джанетт не знала, откуда взялся этот шрам, она не сомневалась, *чья* это работа. Мужчины. Может, отца, может, брата, может, бойфренда, может, парня, которого Ри видела один раз в жизни. Заключенные женской тюрьмы Дулинга редко могли поведать о чем-то хорошем. Зато знали множество историй о плохих парнях.

И что тут можно поделаться? Можно пожалеть себя. Можно возненавидеть себя или возненавидеть всех. Можно ловить кайф, нюхая чистящие средства. Можно делать что угодно (в строго ограниченных пределах), но ситуация от этого не изменится. Твой шанс крутануть большое сверкающее колесо Фортуны появится не раньше следующего слушания по условно-досрочному освобождению. Джанетт хотелось крутануть колесо как можно удачнее. У нее был сын.

Послышался гулкий удар: дежурный в Будке разом отомкнул шестьдесят два замка. Половина седьмого. Всем выйти из камер на утреннюю поверку.

– Я не знаю, Ри. Подумай об этом, – ответила Джанетт, – и

я подумаю, а позже обменяемся мнениями. – Она опустила ноги на пол и встала.

2

В нескольких милях от тюрьмы, во дворе дома Норкроссов, Антон – уборщик бассейнов – вылавливал из воды дохлых насекомых. Доктор Клинтон Норкросс подарил бассейн Лайле, своей супруге, на десятилетие их свадьбы. Обычно Клинту хватало одного взгляда на Антона, чтобы в очередной раз задаться вопросом, а мудрое ли он принял решение? Это утро не стало исключением.

Антон уже снял рубашку, по двум веским причинам. Во-первых, день обещал быть жарким. Во-вторых, живот Антона напоминал скалу. Да и вообще со своей рельефной мускулатурой Антон – уборщик бассейнов выглядел жеребцом с обложки любовного романа. И если бы вам захотелось послать пулю в живот Антона, стрелять следовало под углом, чтобы избежать рикошета. Что он ел? Горы чистого белка? И как сумел накачать такие мышцы? Очищал авгиевы конюшни?

Антон вскинул голову, улыбнулся под поблескивающими стеклами «вайфареров». Свободной рукой помахал Клинтону, который смотрел на него из окна расположенной на втором этаже хозяйской ванной.

– Господи Иисусе, чувак, – тихо сказал себе Клинт и по-

махал в ответ. – Имей совесть.

Клинт отошел от окна. В зеркале на закрытой двери в спальню увидел белого мужчину сорока восьми лет, бакалавра Корнеллского университета, доктора медицины – Нью-Йоркского, у которого имелись жировые складки от «Гранд мокко» из «Старбакса». Его тронутая сединой борода больше подходила не пышущему здоровьем лесорубу, а опустившемуся одноногому морскому капитану.

Клинт воспринимал свое отражение в зеркале с иронией. Раньше он терпеть не мог мужское тщеславие, особенно разновидность, свойственную среднему возрасту, а накопленный профессиональный опыт только усилил эту нетерпимость. По сути, событие, которое Клинт считал главным поворотным пунктом своей медицинской карьеры, произошло восемнадцать лет тому назад, в 1999 году, когда потенциальный пациент по имени Пол Монпелье пришел к молодому доктору с жалобами на «кризис сексуальных амбиций».

Клинт спросил Монпелье: «Когда вы говорите «сексуальные амбиции», что вы под этим подразумеваете?»

Амбициозные люди стремились продвинуться по службе. Но не мог же человек стать вице-президентом секса. Странный эвфемизм.

«Я подразумеваю... – Судя по всему, Монпелье взвешивал разные варианты. Наконец, определившись, откашлялся. – Я по-прежнему хочу это делать. Я по-прежнему хочу этим заниматься».

«Но я не вижу тут ничего амбициозного, – заметил Клинт. – По-моему, это нормально».

Клинт только окончил резидентуру⁵ по психиатрии и еще не избавился от резкости. Он вел прием только второй день, и Монпелье был его вторым пациентом.

(Первым стала девушка-подросток, которую тревожили перспективы поступления в колледж. Правда, довольно скоро выяснилось, что девушка набрала 1570 баллов⁶ при сдаче стандартизованного теста. Клинт заявил, что это прекрасный результат и нет никакой необходимости ни в лечении, ни даже во втором визите к нему. *Излечена!* – написал он у нижней кромки первого листа линованного блокнота, который обычно использовал для записей.)

В тот день Пол Монпелье пришел на прием в белом свитере-безрукавке и брюках с защипами. Он сидел напротив Клинта в дерматиновом кресле, сгорбившись, положив щиколотку одной ноги на колено другой, держась рукой за модельную туфлю. Клинт видел, как он парковал леденцово-красный спортивный автомобиль на стоянке у приземистого офисного здания. Пол занимал высокий пост в угольной промышленности и мог позволить себе такой автомобиль, но своим длинным, измученным заботами лицом напоминал Клинту братьев Гавс, что досаждали Скруджу Мак-

⁵ Резидентура – специализированная последипломная больничная подготовка врачей, без которой невозможно открытие частной практики.

⁶ Максимально возможное количество баллов – 1600.

даку в старых комиксах.

«Моя жена говорит... ну, не в таких выражениях, но, сами понимаете, смысл ясен. Подтекст, так сказать. Она хочет, чтобы я завязал. Расстался со своими сексуальными амбициями». — Он вскинул подбородок.

Клинт проследил за его взглядом. Под потолком вращался вентилятор. Если бы сексуальные амбиции Монпелье поднялись так высоко, лопасти порубили бы их в капусту.

«Давайте сдадим назад, Пол. Почему вы с женой вообще стали это обсуждать? С чего все началось?»

«У меня был роман. Я словно прыгнул в омут. И Рода, моя жена, вышвырнула меня вон! Я объяснял, что дело не в ней, просто... у мужчин есть потребности, знаете ли. У мужчин есть потребности, которые женщины не всегда могут понять. — Монпелье покрутил головой и раздраженно зашипел. — Я не хочу разводиться. В глубине души я чувствую, что именно она должна смириться с этим. Со мной».

Грусть и отчаяние были искренними, и Клинт представил себе боль, вызванную столь внезапной переменой: жить на чемоданах, в одиночестве есть в забегаловке водянистый омлет. Это была не клиническая депрессия, но депрессия, заслуживающая внимания и заботы, пусть даже Монпелье сам навлек на себя эту напасть.

Пациент наклонился над своим намечающимся животом.

«Будем откровенны. Доктор Норкросс, мне уже под пятьдесят. Мои лучшие сексуальные дни позади. Я отдал их ей.

Пожертвовал ими ради нее. Я менял подгузники. Ездил на все игры и конкурсы, откладывал деньги на колледж. Выполнял все пункты брачного соглашения. Так почему мы не можем договориться? Почему должны спорить и не соглашаться?»

Клинт не ответил – просто ждал продолжения.

«На прошлой неделе я был у Миранды. Это женщина, с которой я сплю. Мы сделали это на кухне. Мы сделали это в ее спальне. Почти сделали третий раз, в душе. Давно я не был так счастлив! Эндорфины! Потом я поехал домой. У нас был семейный ужин, мы сыграли в «Эрудита», и все пребывали в прекрасном настроении! Где проблема? Это *надуманная* проблема, вот как я считаю. Почему я не могу получить в этом мире чуть-чуть свободы? Неужели я прошу слишком многого? Неужели это так возмутительно?»

Несколько секунд оба молчали. Монпелье вглядывался в Клинта. Умные слова кружили в голове доктора, как головастики. Поймать их не составляло труда, но он продолжал молчать.

За спиной пациента, у стены, стояла рамка с эстампом Дэвида Хокни, который Лайла подарила мужу, чтобы «согреть» кабинет. В этот день Клинт как раз собирался его повесить. С эстампом соседствовали наполовину распакованные коробки с книгами по медицине.

Кто-то должен помочь этому человеку, промелькнуло в голове молодого доктора, и сделать это можно как раз в такой

милой, тихой комнате. Но должен ли этим заняться Клинтон Р. Норкросс, доктор медицины?

В конце концов, он из кожи лез вон, чтобы стать врачом, и в этом ему не помогал ни один колледжский фонд. Жизнь никогда его не баловала, и за все приходилось платить, иной раз не только деньгами. Чтобы добраться до цели, он делал такое, о чем никогда не рассказывал жене – и никогда не расскажет. Но ради чего? Чтобы лечить сексуально амбициозного Пола Монпелье?

Широкое лицо Монпелье исказила немного виноватая гримаса.

«Да ладно. Выкладывайте. Я все делаю неправильно, да?»

«Вы все делаете очень даже правильно», – ответил Клинт и на следующие тридцать минут осознанно задвинул свои сомнения в дальний ящик. Они обсудили проблему со всех сторон и во всех подробностях. Они выяснили разницу между желанием и потребностью. Они поговорили о миссис Монпелье и ее заурядных (по мнению Монпелье) предпочтениях в сексе. Они отклонились от темы, на удивление откровенно обсудив сексуальный опыт совсем еще юного Пола Монпелье, а именно мастурбацию при помощи челюстей плюшевого крокодила, игрушки младшего брата.

Клинт, в рамках профессионального долга, спросил Монпелье, ощущал ли тот когда-нибудь желание причинить себе вред. (Нет.) Поинтересовался, какие бы тот испытывал чувства, если бы роли поменялись. (Он всегда говорил ей: ес-

ли тебе чего-то хочется, сделай.) Спросил, каким видит себя Монпелье через пять лет. (И тогда мужчина в белом свитере-безрукавке заплакал.)

В конце сессии Монпелье сказал, что уже с нетерпением ждет следующей, а как только за ним закрылась дверь, Клинт позвонил в свою телефонную службу и попросил переводить всех желающих записаться к нему на прием к психотерапевту в Мейлоке, соседнем городке. Секретарь-телефонистка спросила: как долго?

«Пока в аду не пойдет снег», – ответил Клинт, наблюдая в окно, как Монпелье разворачивает свой леденцово-красный автомобиль и выезжает со стоянки. И водителя, и автомобиль он видел в последний раз.

Потом позвонил Лайле.

«Привет, доктор Норкросс». – Слыша ее голос, он понимал, что подразумевали люди – или должны были подразумевать, – когда говорили, что у них поет сердце. Она спросила, как проходит его второй рабочий день.

«Сегодня ко мне заглянул человек, даже не слышавший о самоанализе», – ответил он.

«Да? Мой отец заходил к тебе? Готова спорить, эстамп Хокни его смутил».

Она была сообразительная, его жена. Такая же сообразительная, как и ласковая, и такая же твердая, как и сообразительная. Лайла любила его, но при этом не позволяла ему расслабиться. Клинт считал, что, наверное, ему это необхо-

димо. Как и большинству мужчин.

«Ха-ха, – ответил он. – Послушай, та вакансия в тюрьме, о которой ты упоминала. От кого ты о ней узнала?»

Последовала короткая пауза: его жена обдумывала смысл вопроса. И спросила в ответ:

«Клинт, ты хочешь мне что-то сказать?»

У Клинта не возникало и мысли, что ее может разочаровать его решение отказаться от частной практики ради государственной службы. Он был совершенно уверен, что такому не бывать.

Спасибо Господу, что ему досталась Лайла.

3

Чтобы добраться электрической бритвой до седой щетины под носом, Клинту пришлось скорчить такую рожу, что он стал похож на Квазимодо. Из левой ноздри торчал белоснежный волосок. Антон мог сколько угодно тягать гантели, но седые волосы в ноздрях, а также ушах были у каждого мужчины. Этот волосок Клинту удалось срезать.

У него никогда не было такого тела, как у Антона, даже в выпускном классе, когда суд признал его право на самостоятельность: он жил сам по себе и занимался бегом. Более поджарый, худой, с плоским, но не рельефным животом, совсем как его сын Джаред. Пол Монпелье был полнее того мужчины, которого Клинт видел этим утром в зеркале. Но все-та-

ки он сейчас ближе к Монпелье, чем к Антону. И где он теперь, Пол Монпелье? Разрешился ли его кризис? Вероятно. Время лечит. Разумеется, как заметил какой-то остряк, оно также калечит.

Клинта отличало естественное (то есть обычное, совершенно сознательное и основанное на фантазиях) желание сходить налево. Его ситуация, в отличие от Пола Монпелье, не тянула на кризис. Это была нормальная жизнь, какой он ее понимал: повторный взгляд на красивую девушку на улице; инстинктивный поворот головы в сторону женщины в короткой юбке, вылезавшей из автомобиля; почти неосознанный приступ похоти к одной из моделей, украшающих телеэкраны «Правильная цена». Печально, полагал он, печально и немного комично наблюдать, как с возрастом твое тело все меньше походит на то, что когда-то нравилось тебе больше всего, но при этом остаются все прежние инстинкты (слава богу, инстинкты, а не амбиции). Это напоминало запах готовки, который держится после того, как обед давно съеден. Судил ли он всех мужчин по себе? Нет. Он был членом племени, ничего больше. А кто был настоящей загадкой, так это женщины.

Клинт улыбнулся себе в зеркало. Он чисто выбрит. Он жив. И примерно того же возраста, что и Пол Монпелье в девяносто девятом году.

– Эй, Антон, пошел на хрен! – сказал он зеркалу. Бравада была фальшивой, но он хотя бы попытался.

В спальне, куда вела дверь из ванной, щелкнул замок, выдвинулся ящик, в него со стуком лег пистолет Лайлы. Ящик закрылся, замок снова щелкнул. Клинт услышал вздох и зевок.

На случай, если она уже спала, Клинт молча собрался и вместо того, чтобы сесть на кровать и надеть туфли, взял их, собираясь унести вниз.

Лайла откашлялась.

– Все нормально. Я еще не сплю.

Клинт не был уверен, что это правда. Лайлу хватило только на то, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу форменных брюк, прежде чем плюхнуться на кровать. Она даже не забралась под одеяло.

– Ты, должно быть, совершенно вымоталась. Уже уйду. На Маунтин-Рест все хорошо?

Прошлым вечером она прислала сообщение об аварии на Маунтин-Рест-роуд. *Не ждите*. Такое иной раз случалось, но редко. Они с Джаредом поджарили себе на гриле два бифштекса и выпили у бассейна по бутылке пива «Энкор стим».

– Фура расцепилась. Из Пэт-как-его-там? Какая-то сеть товаров для животных. Прицеп перевернулся, перегородил дорогу. Наполнитель для кошачьих лотков и собачья еда разлетелись во все стороны. В итоге пришлось сдвигать его бульдозером.

– Похоже, зрелище было не для слабонервных. – Он наклонился и поцеловал жену в щеку. – Послушай, а не побе-

гать ли нам вместе трусой? – Идея только что пришла ему в голову, и он сразу приободрился. Запретить телу стареть и толстеть он не мог, но почему бы не оказать сопротивление?

Лайла открыла правый глаз, светло-зеленый в сумраке спальни с задернутыми шторами.

– Только не этим утром.

– Разумеется, нет. – Клинт завис над ней, рассчитывая, что Лайла поцелует его в ответ, но она пожелала ему хорошего дня и попросила проследить за тем, чтобы Джаред вынес мусор. Лайла закрыла глаз. Зеленая радужка вспыхнула... и пропала.

4

Запах в ангаре стоял жуткий.

Кожа Иви покрылась мурашками, она с трудом подавила рвотный рефлекс. Воняло едкими химикалиями, старым лиственным дымом и протухшей едой.

Один из мотыльков запутался в ее волосах, прижимался к черепу, елозил по коже. Стараясь дышать неглубоко, Иви огляделась.

Сборный ангар использовался для изготовления наркотиков. Посередине стояла газовая плита, подсоединенная желтоватыми шлангами к двум белым баллонам. Рабочий стол у стены заполняли подносы, банки с водой, вскрытая упаковка пакетов с замком «Зиплок», пробирки, куски пробки, мно-

жество горелых спичек, трубка для травки с обугленной чашей. Имелась там и раковина с толстым шлангом, уходившим под сетку, которую Иви приподняла, чтобы войти. Пустые бутылки и мятые банки на полу. Шаткий складной стул с логотипом «Дэйл Эрнхардт-младший» на спинке. В углу валялась свернутая в ком серая клетчатая рубашка.

Иви трянула ее, чтобы расправить и выбить хотя бы часть пыли, потом надела. Полы закрыли бедра. До недавнего времени этот предмет одежды принадлежал жуткому неряхе. На груди красовалось пятно, формой напоминавшее штат Калифорния и докладывавшее, что эта неряшливая личность любила майонез.

Иви присела у пропановых баллонов и выдернула желтоватые шланги. Потом повернула вентили на четверть дюйма.

Выйдя из ангара и опустив за собой сетку, Иви постояла, вдыхая свежий воздух.

От ангара уходил вниз поросший лесом склон, и где-то в трехстах футах от Иви стоял жилой автоприцеп, а на гравийной площадке перед ним – пикап и две легковушки. Три выпотрошенных кролика – с одного еще капала кровь – висели на бельевой веревке, вместе с несколькими линялыми трусами и одной джинсовой курткой. Из трубы трейлера валил дым: топили дровяную печь.

Посмотрев в ту сторону, откуда пришла, через чахлый лес и поле, Иви не увидела Деревя. Но она была не одна: мотыльки облепили крышу ангара, взмахивали крылышками, пере-

мещались с места на место.

Она зашагала вниз. Сухие ветки кололи ноги, камень порезал пятку. Иви не замедлила шаг: на ней все заживало быстро. У бельевой веревки она остановилась, прислушалась. Мужской смех, работающий телевизор и десять тысяч червей на маленьком участке земли вокруг нее, повышающих плодородие почвы.

Кролик, из которого еще капала кровь, смотрел на Иви затуманенными глазами. Она спросила, что тут происходит.

«Трое мужчин, одна женщина», – ответил кролик. Муха вылетела из разорванных черных губ, пожужжала, потом влетела в обвисшее ухо. Иви слышала, как она гудит там. Муху она не винила – муха делала то, что положено делать мухе, – но кролика пожалела: он не заслуживал такой грязной смерти. Иви любила всю живность, но особенно маленькую, скачущую по полям, шуршащую в буреломе, пугливую, с хрупкими крылышками.

Она положила руку на затылок умирающего кролика, подняла его маленькую, покрытую запекшейся кровью мордочку к своему лицу.

– Спасибо, – поблагодарила его Иви и свернула кролику шею.

5

Одно из преимуществ жизни в этом уголке Аппалачей со-

стояло в том, что семья могла позволить себе приличных размеров дом на две государственные зарплаты. Дом с тремя спальнями Норкроссы приобрели в новом микрорайоне, застроенном однотипными коттеджами. Красивыми, просторными, но не гротескными, с лужайками, достаточно большими для игр в мяч, и с отличным видом из окон, особенно в теплое время года: холмы, трава, листва. Печалило в этом микрорайоне только одно: несмотря на снижение цен, чуть ли не половина этих вполне симпатичных домов пустовала. Единственным исключением был демонстрационный коттедж на вершине холма: чистенький, сверкающий, полностью обставленный. Лайла сказала, что туда обязательно вломится (вопрос времени – ничего больше) какой-нибудь нарик, пристрастившийся к метамфетамину, и начнет варить свое зелье. Клинт посоветовал ей не волноваться: он знаком с шерифом. Собственно, они почти встречаются.

(«Ей нравятся стариканы?» – полюбопытствовала Лайла, хлопая глазами и прижимаясь к его бедру.)

Второй этаж занимала их спальня, комната Джареда и спальня для гостей, которую супруги приспособили под домашний кабинет. На первом этаже широкую и светлую кухню отделяла от гостиной барная стойка. Справа от гостиной, за закрытыми стеклянными дверями, находилась практически не используемая столовая.

Клинт пил кофе за барной стойкой на кухне и читал с айпада «Нью-Йорк таймс». Землетрясение в Северной Ко-

рее привело к жертвам, число которых не называлось. Власти Северной Кореи заявляли, что урон минимален благодаря «превосходной архитектуре», но на видео с мобильных хватало и трупов, и руин. Нефтедобывающая платформа горела в Аденском заливе, вероятно, в результате диверсии, но ответственность на себя пока никто не взял. Все страны в регионе в дипломатическом смысле повели себя как мальчишки, игравшие в бейсбол и разбившие окно: не оглядываясь, разбежались по домам. В пустыне Нью-Мексико пошел сорок четвертый день противостояния ФБР и местного ополчения, возглавляемого Сродником Благовестом (он же Скотт Дэвид Уинстид-младший). Эти веселые ребята отказывались платить налоги, признавать верховенство Конституции или сдавать свой немалый арсенал автоматического оружия. Когда люди узнавали, что Клинт – психиатр, они часто обращались к нему с просьбой назвать психические заболевания, которыми, по его мнению, страдали политики, знаменитости и прочие видные деятели. Обычно он отнекивался, но в этом случае полагал, что может поставить правильный диагноз на расстоянии: у Сродника Благовеста, несомненно, одна из разновидностей диссоциативного расстройства.

В самом низу первой страницы была фотография женщины с изнуренным лицом. Она стояла перед аппалачской лачугой с младенцем на руках. «Рак в угольной стране». Клинт вспомнил сброс химикалий в местную речку пятью годами ранее. Тогда на неделю прекратили подачу воды. С тех пор

вроде бы все наладилось, но Клинт и его семья по-прежнему пили исключительно бутилированную воду, на всякий случай.

Солнце согревало лицо. Он посмотрел на два больших вяза в глубине двора, за бассейном. Вязы наводили его на мысли о братьях, сестрах, мужьях и женах: он не сомневался, что под землей их корни переплетались намертво. Вдалеке возвышались зеленые горы. Облака словно таяли на синей сковороде чистого неба. Птицы летали и пели. Стыд и позор, что такая красивая земля растрачивалась впустую на людей. Эту мысль тоже высказал какой-то остряк.

Клинту хотелось верить, что на него эта земля не растрачивалась. Он никогда не ожидал, что ему будет принадлежать такой вид. Он задался вопросом, каким дряхлым и слабоумным нужно стать, прежде чем догадаешься, почему одним улыбается удача, а другим постоянно не везет.

– Папа, привет. Какие новости в мире? Случилось что-нибудь хорошее?

Клинт отвернулся от окна. Джаред вошел на кухню, застегивая молнию рюкзака.

– Минуточку... – Клинт пролистал пару электронных страниц. Он не хотел отправлять сына в школу с разливом нефти, ополчением, раком. Ага, вот оно. – Физики предполагают, что Вселенная может существовать вечно.

Джаред порылся в буфете, нашел батончик «Нутрибар», сунул в карман.

– Полагаешь, это хорошо? Можешь объяснить, что ты хотел этим сказать?

Клинт на секунду задумался, потом понял, что сын его подначивает.

– Цель твоего вопроса мне ясна. – Глядя на Джареда, он почесал веко средним пальцем.

– Так и скажи. Стесняться нечего, папа. Это останется между нами. – Джаред налил себе кофе. Он любил черный, как и Клинт, когда его желудок был моложе. Кофеварка стояла у окна, выходявшего на бассейн. Джаред сделал маленький глоток и посмотрел в окно. – Вау! Ты уверен, что можешь оставить маму наедине с Антоном?

– Топай, пожалуйста, – ответил Клинт. – Отправляйся в школу и научись там чему-нибудь.

Его сын вырос у него на глазах. «Собайка! – таким было первое слово Джареда. В рифму с фуфайкой. – Собайка! Собайка!» Он был симпатичным мальчиком, любопытным и доброжелательным, и стал симпатичным юношей, по-прежнему любопытным и доброжелательным. Клинт гордился тем, что они обеспечили Джареду надежный, безопасный дом, позволив ему развиваться как личности. У самого Клинта все было иначе.

У него возникала идея дать парню презервативы, но он не хотел говорить об этом с Лайлой или подталкивать к чему-либо Джареда. Если честно, ему не хотелось даже думать об этом. Джаред настаивал, что они с Мэри только друзья, и,

может, даже сам в это верил. Но Клинт видел, как сын смотрел на девушку, и по себе знал: так смотрят, лишь когда хочется стать очень, очень близким другом.

– Только после Крутого рукопожатия малой лиги. – Джаред вытянул перед собой руки. – Ты ведь помнишь?

Клинт помнил: стукнуться кулаками, сцепить большие пальцы, повернуть руки, раскрыть ладони, дважды хлопнуть ими над головой. И пусть времени на это ушло много, получилось все в лучшем виде. Оба рассмеялись, с утра зарядившись хорошим настроением.

Джаред ушел до того, как Клинт вспомнил, что должен напомнить сыну о мусоре.

Еще один признак старения: забываешь то, что хотел помнить, и помнишь, что хотел забыть. Он мог быть тем самым остряком, который это сказал. Пожалуй, это следовало вышить на подушке.

6

Шестьдесят дней примерного поведения позволили Джанетт Сорли трижды в неделю по утрам, с восьми до девяти часов, пользоваться комнатой отдыха. На самом деле с восьми до восьми пятидесяти пяти, потому что в девять утра начиналась шестичасовая смена в столярном цехе. Там она проводила время, вдыхая через тонкую хлопчатобумажную маску пары лака, которым покрывала ножки стульев. За эту

работу она получала три доллара в час. Деньги поступали на ее счет. Она получит их в виде чека при выходе на свободу (заключенные называли свои рабочие счета «Бесплатной стоянкой», как в «Монополии»). Стулья продавались в тюремном магазине, который находился на другой стороне шоссе номер 17. Некоторые уходили по шестьдесят долларов, большинство – по восемьдесят, и стульев тюрьма продавала очень много. Джанетт не знала, куда шли эти деньги, да ее это и не волновало. Что ее волновало, так это возможность пользоваться комнатой отдыха. Здесь был телевизор с большим экраном, настольные игры, журналы. А также торговый автомат с закусками и еще один, с газировкой. Они принимали только четвертаки, которых у заключенных *не было* – четвертаки считались контрабандой (уловка-22!), – но, по крайней мере, ты мог полюбоваться витриной. (Плюс в определенные дни недели комната отдыха становилась комнатой встреч, и бывалые посетители, вроде Бобби, сына Джанетт, знали, что нужно приносить с собой пригоршни четвертаков.)

В то утро она сидела рядом с Энджел Фицрой, смотрела утренний выпуск новостей по Дабл-ю-ти-ар-эф, каналу 7 из Уилинга. Новости особой новизной не блистали: стрельба из проезжающего автомобиля, сгоревший трансформатор, арест женщины, избившей другую женщину на «Шоу пикапов-монстров», склоки в законодательном собрании штата из-за новой мужской тюрьмы, которую построили на месте

прежней горнорудной выработки и в которой повело стены. К новостям государственного масштаба относилась продолжающаяся осада ополченцев Сродника Благовеста. На другом конце света погибшие при землетрясении в Северной Корее, похоже, исчислялись тысячами, а врачи Австралии сообщали о сонной болезни, которая поражала только женщин.

– Это все мет, – изрекла Энджел Фицрой. Она неспешно грызла «Твикс», который нашла в лотке выдачи. Растягивала удовольствие.

– Ты про кого? Спящих женщин, чику на «Шоу пикапов-монстров» или парня из реалити-шоу?

– Возможно, про всех, но думала я про эту чику. Однажды я побывала на таком шоу. Так практически все, кроме детей, или накурились, или чем-то закинулись. Хочешь? – Она ссыпала остатки «Твикса» в ладонь (а вдруг дежурная Лэмпли мониторит комнату отдыха?) и предложила Джанетт. – Не первой свежести, но еще ничего.

– Я пас, – отказалась Джанетт.

– Иногда я вижу такое, от чего хочется умереть, – будничным голосом продолжила Энджел. – Или хочется, чтобы умерли все остальные. Посмотри на это. – Она указала на новый плакат между автоматами с едой и газировкой. На нем была песчаная дюна со следами, уходящими куда-то вроде бесконечности. Надпись под фотографией гласила: «ДОБРАТЬСЯ СЮДА – ЭТО ВЫЗОВ». – Этот парень добрался

туда, но куда он ушел? Где то место? – желала знать Энджел.

– Это Ирак? – спросила Джанетт. – Вероятно, в ближайший оазис.

– Нет, он умер от теплового удара. Лежит там, где его не видно, с выпученными глазами и кожей черной, как шляпа-цилиндр. – Она не улыбалась. Энджел была наркоманкой крутого замеса, из тех, кто жует кору и использует первач вместо святой воды. Посадили ее за разбойное нападение, но Джанетт догадывалась, что за Энджел числятся едва ли не все категории преступлений. Ее лицо было похоже на череп, обтянутый кожей; казалось, им можно разбить мостовую. За время пребывания в Дулинге она часто гостила в крыле В. А в крыле В камеру разрешалось покидать только на два часа в сутки. Крыло В предназначалось для плохих девочек.

– Не думаю, что кожа станет черной, даже если ты умрешь от теплового удара в Ираке, – возразила Джанетт. Возможно, не соглашаться с Энджел – ошибка, даже в шутку, потому что у нее были, как нравилось говорить доктору Норкроссу, «проблемы с контролем гнева», но в это утро Джанетт хотелось рискнуть.

– Я о том, что это чушь, – сказала Энджел. – Вызов – просто прожить каждый гребанный день, как ты, вероятно, прекрасно знаешь.

– И кто, по-твоему, его повесил? Доктор Норкросс? Энджел фыркнула.

– У Норкросса куда больше здравого смысла. Это началь-

ник Коутс. *Джейнни-и-и-и-ис*. Вот кто двумя руками за мотивацию. Видела плакат в ее кабинете?

Джанетт видела: антиквариат, но паршивый. На плакате был котенок, повисший на суку. Держись, мол, крошка, держись. Однако большинство здешних котят уже свалились с веток. А некоторые успели покинуть лес.

Теперь на экране показывали фото сбежавшего преступника.

– Вот это чувак, – прокомментировала Энджел. – Как после этого верить тому, что «черный значит прекрасный»?

Джанетт промолчала. На самом деле ей до сих пор нравились мужчины со злыми глазами. Она разбиралась с доктором Норкроссом, как и почему дошла до жизни такой, но ее по-прежнему тянуло к парням, которые выглядели так, словно в любой момент могли огреть тебя металлическим прутком по голой спине, пока ты стояла под душем.

– Макдэвид – в одной из наблюдательных камер Норкросса в крыле А, – добавила Энджел.

– С чего ты взяла?

Джанетт очень нравилась Китти Макдэвид: умная и темпераментная. Ходили слухи, что на свободе Китти водила компанию с крутыми парнями, но настоящей злобы в ней не чувствовалось, разве что по отношению к собственной персоне. Когда-то в прошлом она целенаправленно резала себя: у нее были шрамы на груди, боках, бедрах. Временами она впадала в депрессию, хотя таблетки Норкросса ей помогали.

– Если хочешь знать все новости, нужно приходить сюда пораньше. Услышала от нее. – Энджел указала на Мору Дан-бартон, пожилую бесконвойную, отбывавшую пожизненный срок. Мора очень аккуратно выкладывала на столы журналы из своей тележки. Седые волосы Мора дыбом стояли на голове, словно паутиная корона. На ногах были толстые компрессионные колготки цвета сахарной ваты.

– Мора! – позвала Джанетт, но тихо. Крики в комнате отдыха были строго *verboten*⁷. Исключение делалось только для детей в дни посещений и для заключенных на ежемесячных вечеринках. – Подойди сюда, подруга!

Мора медленно покатила тележку к ним.

– У меня есть «Семнадцать»⁸. Кому-нибудь интересно?

– Меня он не интересовал и в семнадцать, – ответила Джанетт. – Что с Китти?

– Она кричала полночи, – ответила Мора. – Странно, что ты не слышала. Ее вывели из камеры, сделали укол и отправили в А. Сейчас она спит.

– Она кричала что-то конкретное? – спросила Энджел. – Или кричала вообще?

– Кричала, что идет Черная Королева, – ответила Мора. – Говорила, что она сегодня придет.

– Арета⁹ приезжает, чтобы дать здесь концерт? – спросила

⁷ Запрещены (*нем.*).

⁸ «Семнадцать» – американский журнал для девушек. Издается с 1944 года.

⁹ Арета Луиза Франклин (1942–2018) – американская певица. Ее песня

Энджел. – Она – единственная черная королева, которую я знаю.

Мора не обратила внимания на ее слова. Она смотрела на синеглазую блондинку с обложки журнала.

– Точно никто не хочет этот номер? Там такие красивые вечерние платья.

– Такое платье я без своей тиары не надену, – засмеялась Энджел.

– Доктор Норкросс уже осмотрел Китти? – спросила Джанетт.

– Еще нет, – ответила Мора. – Однажды у меня было вечернее платье. Такое красивое, синее, пышное. Мой муж прожег в нем дыру утюгом. Случайно. Он только старался помочь. Никто не учил его гладить. Большинство мужчин никогда ничему не учатся. И он тоже не научится, это точно.

Джанетт и Энджел промолчали. Все знали, что сделала Мора Данбартон со своим мужем и двумя детьми. Случилось это тридцать лет тому назад, но некоторые преступления не забываются.

7

Три или четыре года назад – а может, пять или шесть, время летело стремглав, и ориентиры расплывались перед глазами – на автомобильной стоянке за «Кей-мартом» в Северной

Каролине мужчина сказал Тиффани Джонс, что она нарывается на неприятности. И пусть последние пятнадцать лет она помнила смутно, тот момент остался с ней навсегда. Кричали чайки, копавшиеся в мусоре у разгрузочной площадки «Кей-марта». Моросил дождь, вода стекала по стеклам джипа, в котором она сидела. Джип принадлежал парню, который сказал, что она нарывается на неприятности. Парень работал охранником торгового центра. Она только что отсосала ему.

Причина заключалась в том, что он поймал ее на краже дезодоранта. Они быстро пришли к взаимовыгодному соглашению: она делает ему минет, а он ее отпускает. Мужчина был тучным сукиным сыном, и потребовалась определенная ловкость, чтобы добраться до его члена в пространстве, ограниченном животом, бедрами и рулевой колонкой. Но Тиффани уже умела много чего, и эта мелочь даже не вошла бы в длинный список ее достижений, если бы не его слова.

«Не повезло тебе, да? – Сочувственная гримаса растеклась по его потному лицу. Он елозил по сиденью, пытаясь натянуть ярко-красные спортивные штаны, наверное, единственное, что на него налезало. – Ты должна понимать, что нарываешься на неприятности, когда оказываешься в таком положении, как сейчас, и тебе приходится иметь дело с таким, как я».

До этого момента Тиффани полагала, что насильники – люди вроде ее кузена Трумана – не понимают, что творят.

Иначе как они могли жить? Разве можно причинять боль или унижать человека, полностью отдавая себе отчет в том, что делаешь? Однако получалось, что можно. И мужчины вроде этого хряка-охранника прекрасно понимали, что творят. Для Тиффани это откровение стало настоящим шоком. Многое в ее дерьмовой жизни разом прояснилось. Тиффани даже не знала, сможет ли смириться с этим.

Три или четыре мотылька кружили в шаровом светильнике над столом. Лампа перегорела, но утреннего света вполне хватало. Мотыльки бились о стекло, их маленькие тени подрагивали. Как они попали туда? И, между прочим, как она попала сюда? На какое-то время, после тяжелого подросткового периода, Тиффани удалось устроить свою жизнь. В 2006-м она работала в бистро, получала приличные чаевые. Снимала двухкомнатную квартиру в Шарлотсвилле и выращивала папоротники на балконе. Устроилась неплохо, с учетом того, что так и не закончила старшие классы. По выходным ей нравилось арендовать крупную гнедую кобылу по кличке Молина, которую отличал мягкий характер и легкий галоп, и скакать по национальному парку Шенандоа. А теперь она в трейлере в Восточном Усранске, Аппалачи, и не просто нарывается на неприятности – уже нарвалась. Впрочем, неприятности завернули в вату. Они не кололись, чего следовало ждать от неприятностей, и это, возможно, было самым худшим: ты находилась глубоко внутри, загнанная на нижний уровень самосознания, где не могла даже...

Тиффани услышала глухой звук и тут же оказалась на полу. Бедро запульсировало болью от удара о край стола.

Труман смотрел на нее сверху вниз, сигарета свисала из уголка рта.

— Земля вызывает крэковую шлюху. — На нем были только ковбойские сапоги и боксеры. Кожа обтягивала ребра, как вакуумная упаковка. — Земля вызывает крэковую шлюху, — повторил Труман и хлопнул в ладоши перед ее лицом, словно она была нашкодившей собачонкой. — Ты чего, не слышишь? Кто-то стучится в дверь.

Трум был таким говнюком, что иногда Тиффани, когда она чувствовала себя живой и у нее даже возникало желание расчесать волосы или позвонить Элейн, женщине из Центра планирования семьи, которая хотела, чтобы она согласилась лечиться от наркомании, испытывала к нему прямо-таки научный интерес. Трум тянул на эталон говнюка. Тиффани даже спрашивала себя: «А тот-то и тот-то больший говнюк, чем Труман?» Редко кто мог с ним сравниться... собственно, пока, официально, только Дональд Трамп и людоеды. Список гнусностей Трумана получался длинным. Мальчишкой он совал палец себе в задницу, а потом впихивал в ноздри детям помладше. Затем обкрадывал мать, сдавал в ломбард ее украшения и ценные вещи. Он посадил Тиффани на мет в тот самый день, когда появился в милой квартире в Шарлоттсвилле. Он вполне мог ткнуть в твою голую плоть зажженной сигаретой, когда ты спал, считая это дет-

ской шалостью. Труман был насильником, но ни разу не попался. Некоторым говнюкам невероятно везло. Его лицо покрывала неровная рыжевато-золотистая борода, зрачки казались огромными, но выпяченная челюсть выдавала вечно ухмыляющегося, бесцеремонного хама.

– Давай, крэковая шлюха.

– Что? – удалось спросить Тиффани.

– Я же сказал тебе, открой дверь! Господи Иисусе! – Он сделал вид, будто собирается ударить ее, и она закрыла голову руками, сморгнув слезы.

– Да пошел ты, – вяло ответила Тиффани, надеясь, что доктор Фликинджер не слышит. Он был в ванной. Доктор Тиффани нравился. Доктор был забавным. Называл ее «мадам» и подмигивал, давая понять, что не издевается.

– Ты беззубая, глухая крэковая шлюха, – объявил Труман, упуская из виду очевидный факт, что и ему самому не мешало бы сходить к стоматологу.

Приятель Трумана вышел из спальни трейлера, сел за складной стол и сказал:

– Крэковая шлюха звонит домой. – Он засмеялся собственной шутке и поерзал локтем. Тиффани не могла вспомнить имени приятеля, но надеялась, что его мать невероятно горда своим сыном, который витатуировал на кадыке мистера Хэнки, рождественскую какашку из мультсериала «Южный Парк».

В дверь постучали. На этот раз Тиффани услышала: уве-

ренный двойной стук.

– Не бери в голову! Не хочу доставлять тебе лишних хлопот, Тифф. Сиди и дальше на своей тупой заднице. – Труман распахнул дверь.

На пороге стояла женщина в одной из клетчатых рубашек Трумана, из-под которой виднелись загорелые ноги.

– Что такое? – спросил Труман. – Чего надо?

– Привет, мужик, – ответила женщина тихим голосом.

– Ты из «Эйвона» или как? – спросил приятель Трумана, не поднимаясь со стула.

– Послушай, детка, – сказал Труман, – мы тебе рады, заходи, но знаешь, эта рубашка мне самому нужна.

От этих слов приятель Трумана засмеялся.

– Клево! У тебя день рождения, Трум, или как?

Тиффани услышала, как в ванной спустили воду. Доктор Фликинджер закончил справлять нужду.

Женщина у двери выбросила вперед руку и сжала шею Трумана. Он захрипел, сигарета вывалилась из рта. Труман вцепился пальцами в запястье женщины. Тиффани увидела, как под давлением пальцев побелела кожа, но женщина не ослабила хватку.

Красные круги появились на скулах Трумана. Кровь потекла из разорванного его ногтями запястья женщины. Та по-прежнему крепко держала Трумана. Хрип перешел в свист. Свободной рукой Труман нащупал рукоятку охотничьего ножа, заткнутого за резинку трусов, и вытащил его.

Женщина шагнула в трейлер, ее вторая рука перехватила поднимающуюся руку Трумана с ножом. Женщина заставила Трумана попятиться и впечатала его в противоположную стену трейлера. Все произошло так быстро, что Тиффани не успела разглядеть лица незнакомки, только завесу спутанных волос до плеч, таких черных, что они будто отливали зеленым.

– О-го-го, – изрек приятель Трумана, поднимаясь и протягивая руку к пистолету, который лежал за рулоном бумажных полотенец.

Красные круги на скулах Трумана расплылись в лиловые кляксы. Звуки, которые он издавал, напоминали скрип кроссовок по паркету. Grimаса превратилась в грустную клоунскую улыбку. Глаза закатились. Тиффани видела, как слева от грудины туго натянутая кожа пульсирует в такт ударам сердца. Женщина обладала невероятной силой.

– О-го-го, – повторил приятель Трумана, когда женщина ударила головой в лицо Труману. Нос Трума сломался с треском петарды.

Кровь выплеснулась на потолок, несколько капель попали на стеклянный шар светильника. Мотыльки взбесились и принялись отчаянно биться о стекло; звук напоминал удары кубика льда о стенки стакана.

Когда взгляд Тиффани соскользнул вниз, она увидела, как женщина разворачивает Трумана к складному столику. Приятель Трумана уже стоял и нацеливал на нее пистолет. Трей-

лер наполнился грохотом, словно каменный шар для боулинга разметал кегли. Во лбу Трумана появилась дыра с неровными краями, напоминающая элемент пазла. Лоскут кожи с частью брови закрыл один глаз. Кровь хлынула на отвисшую челюсть и подбородок. Лоскут кожи с бровью дернулся. Тиффани подумала о вращающихся щетках автомойки на ветровом стекле.

Вторая пуля пробила дыру в плече Трумана, на этот раз кровь теплыми каплями брызнула на лицо Тиффани, а женщина, держа Трумана перед собой, бросилась на его приятеля. Столик рухнул под тяжестью трех тел. Тиффани не слышала собственного крика.

Время скакнуло вперед.

Придя в себя, Тиффани обнаружила, что сидит в углу стенного шкафа, до подбородка укрытая дождевиком. Глухие, ритмичные удары раскачивали жилой автоприцеп. Тиффани вспомнилась кухня быстро в Шарлотсвилле в те далекие благополучные годы, повар, отбивающий деревянным молотком телятину. Удары были схожими, только гораздо, гораздо сильнее. Послышался скрежет разрываемого металла и пластика, потом удары прекратились. Автоприцеп перестал качаться.

В дверь стенного шкафа постучали.

– Ты в порядке? – Вернулась та самая женщина.

– Уходи! – взвизгнула Тиффани.

– Тот, кто был в ванной, удрал через окно. Думаю, о нем

ты можешь не тревожиться.

– Что ты наделала? – Тиффани зарыдала. На ней запеклась кровь Трумана, и она не хотела умирать.

Женщина ответила не сразу. Собственно, ответа и не требовалось. Тиффани видела, что она сделала, и увидела предостаточно. Как и слышала.

– Сейчас тебе нужен отдых, – сказала женщина. – Просто отдых.

Несколько секунд спустя Тиффани показалось, хотя уши у нее заложило от грохота выстрелов, что закрылась входная дверь.

Она свернулась в клубок под дождевиком и простонала имя Трумана.

Он научил ее курить травку. Маленькими затяжками, говорил он. «Тебе станет лучше». Наврал, конечно! Каким он был мерзавцем, каким чудовищем. Тогда почему она плакала, скорбя о нем? Ничего не могла с собой поделать. Хотела бы не плакать, но не могла.

8

Женщина из «Эйвон», которая вовсе не была женщиной из «Эйвон», уходила от жилого автоприцепа, направляясь к ангару, в котором варили мет. С каждым шагом запах пропана усиливался, пока воздух, казалось, не пропитался им. На земле оставались отпечатки ее следов, белые, маленькие,

аккуратные. Возникавшие ниоткуда, словно ее подошвы сочились млечным соком. Подол позаимствованной рубашки развевался вокруг длинных ног.

У самого ангара она достала из куста застрявший в ветках листок бумаги. Поверху надпись большими синими буквами сообщала: «ЕЖЕДНЕВНАЯ РАСПРОДАЖА ВСЕГО». Ниже размещались картинки холодильников, больших и маленьких, стиральных и посудомоечных машин, микроволновок, пылесосов, в том числе и «Грязных дьяволов», уплотнителей мусора, кухонных комбайнов и так далее. На одной картинке стройная молодая женщина в джинсах многозначительно улыбалась дочке, такой же блондинке, как и мать. Миловидная девчушка держала на руках пластмассовую куклу и улыбалась ей. На больших телевизионных экранах мужчины играли в футбол, играли в бейсбол, водили спортивные автомобили. Мужчины стояли у грилей с огромными вилками и щипцами. Хотя прямо на это не указывалось, посыл рекламного проспекта был очевиден: женщины создают уют, мужчины жарят добычу.

Иви свернула рекламный проспект в трубочку и начала щелкать пальцами левой руки под выступающим краем. Каждый щелчок сопровождался искрой. На третьей искре трубочка вспыхнула. Жарить Иви тоже могла. Она подняла трубочку, убедилась, что бумага разгорелась, и бросила ее в ангар. Быстрым шагом пошла прочь, через лес к шоссе номер 43, которое местные называли Боллс-Хилл-роуд.

– Трудный день, – сказала она мотылькам, вновь порхавшим вокруг нее. – Трудный, очень трудный день.

Она не оглянулась на взрыв ангара и бровью не повела, когда над головой со свистом пронесся кусок гофрированного стального листа.

Глава 2

1

Управление шерифа округа Дулинг дремало под утренним солнцем. Все три камеры с настежь раскрытыми решетчатыми дверьми пустовали, недавно вымытые полы пахли дезинфицирующей жидкостью. Пустовала и единственная комната для допросов, как и кабинет Лайлы Норкросс. При исполнении находилась только Линни Марс, диспетчер. На стене за ее столом висел плакат с ощерившимся здоровенным заключенным в оранжевом комбинезоне, с гантелями в руках. «У НИХ ВЫХОДНЫХ НЕ БЫВАЕТ, – гласила надпись, – И У ТЕБЯ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО».

Линни взяла за правило игнорировать этот доброжелательный совет. Она не старалась поддерживать форму, за исключением короткого периода увлечения спортивными танцами в Ассоциации молодых христианок, но за собой следила. Вот и теперь ее увлекла статья в «Мэри Клер» о том, как правильно подводить глаза. Чтобы получить ровную, четкую линию, следовало прежде всего упереться мизинцем в скулу. Таким образом можно было контролировать движение кисточки, да и рука не дрожала. В статье предлагалось начинать с середины и двигаться к дальнему краю глаза, а потом

к носу, чтобы довести дело до конца. Днем рекомендовалась тонкая полоска, а более широкая, более яркая – на важный вечер с парнем, которого ты надеялась...

Зазвонил телефон. Не обычный аппарат, а с красной наклейкой на трубке. Линни отложила «Мэри Клер» (мысленно наказав себе заехать в «Райт-эйд» и купить лореалевскую «Опак») и взяла трубку. Она работала диспетчером уже пять лет и знала, что столь ранним утром речь могла пойти только о кошке на дереве, убежавшей собаке, несчастном случае на кухне или – она надеялась, что ничего такого не будет, – задыхающемся младенце. Все дерьмо, связанное с оружием, случалось лишь после захода солнца и обычно имело отношение к «Скрипучему колесу».

– Девять-один-один, какая у вас чрезвычайная ситуация?

– Женщина из «Эйвон» убила Трума! – крикнула женщина в трубку. – Она убила Трума и приятеля Трума! Я не знаю его имени, но она пробила его гребаной головой гребаную стену! И если я увижу это еще раз, я ослепну!

– Мэм, все звонки по линии девять-один-один записываются, – напомнила Линни, – и мы не одобряем розыгрыши.

– Я никого не разыгрываю! Кто разыгрывает? Какая-то сука ни с того ни с сего заявила сюда и убила Трума! Трума и еще одного парня. Везде кровь!

Когда женщина заплетающимся языком упомянула «Эйвон», Линни была на девяносто процентов уверена, что это розыгрыш или звонок чокнутой; теперь она была на восемь-

десять процентов уверена, что это правда. Женщина так тараторила, что Линни с трудом ее понимала, учитывая местный выговор. Если бы Линни не родилась в Минк-Кроссинг, округ Канова, что в Западной Виргинии, то могла бы подумать, что говорит с иностранкой.

– Как вас зовут, мэм?

– Тиффани Джонс, но при чем здесь мое имя? Они мертвы, и я не знаю, почему она оставила меня в живых. А если она вернется?

Линни наклонилась к сегодняшнему расписанию дежурств: кто под рукой, кто на патрулировании. Автомобильный парк управления шерифа включал всего девять патрульных машин, и одна или две почти всегда были в ремонте. Округ Дулинг был самым маленьким в штате, однако не самым бедным. Эта сомнительная честь принадлежала соседнему округу Макдоуэлл, той еще глухомани.

– Я не вижу вашего номера на дисплее.

– Конечно, не видите. Это одноразовая мобила Трума. Он что-то с ними делает. Он... – Пауза, треск, голос Тиффани Джонс удалился и стал более визгливым. – Боже мой, лаборатория только что взорвалась! Почему она это сделала? Боже, боже, боже...

Линни уже собралась спросить, о чем речь, потом услышала грохот взрыва. Не очень сильного, стекла не задребезжали, но что-то действительно взорвалось. Словно реактивный самолет из Лэнгли, штат Виргиния, преодолел звуковой

барьер.

И с какой скоростью распространяется звук? – спросила себя Линни. Вроде бы мы это изучали на уроках физики. Но школа с уроками физики осталась в далеком прошлом. Почти в другой жизни.

– Тиффани? Тиффани Джонс? Вы еще там?

– Вы должны кого-то прислать, пока огонь не перекинулся на лес! – завопила Тиффани так громко, что Линни отодвинула трубку от уха. – Принюхайтесь, черт бы вас побрал! Посмотрите на дым! Он уже столбом валит! Это рядом с Боллс-Хилл, за паромом и лесопилкой.

– Эта женщина, как вы сказали, из «Эйвон»...

Тиффани засмеялась сквозь слезы.

– Копы сразу узнают ее, если увидят. Она вся в крови Трумана Мейвезера.

– Позвольте записать ваш ад...

– У жилого автофургона никакого адреса нет! Трум почту не получал! Просто заткни пасть и пришли кого-нибудь!

На этом Тиффани бросила трубку.

Линни пересекла пустой основной офис и вышла в солнечное утро. Несколько человек стояли на тротуарах Мэйн-стрит, заслоняя глаза рукой, и смотрели на восток. Там, милья в трех, поднимался черный дым. Столбом уходил в небо, слава богу, не расползался в стороны. И да, это было неподалеку от лесопилки Адамса, места, которое она хорошо знала, сначала по поездкам на пикапе с отцом, потом – по по-

ездкам на пикапе с мужем. У мужчин бывали странные пристрастия. Лесопилки, возможно, значительно уступали туристам по стрельбе, но обгоняли «Шоу пикапов-монстров».

– И что там у нас? – спросил Дрю Т. Бэрри, владелец «Гарантии Дрю Т. Бэрри», стоявший перед витриной своего заведения.

Линни буквально видела колонки компенсационных сумм, которые скользили в голове Дрю Т. Бэрри. Она молча вернулась в здание, чтобы сначала позвонить в пожарную охрану (хотя догадывалась, что там уже звонят телефоны), потом Терри Кумбсу и Роджеру Элуэю, находившимся в патрульном автомобиле номер четыре, и, наконец, боссу, которая, вероятно, спала, сказавшись больной прошлым вечером.

2

Но Лайла Норкросс не спала.

Она прочитала в журнальной статье, вероятно, ожидая приема у стоматолога или окулиста, что в среднем человеку требовалось от пятнадцати до тридцати минут, чтобы уснуть. Однако имелось условие, о котором Лайла и сама прекрасно знала: спокойствие. Она же о спокойствии могла только мечтать. К тому же она лежала одетая, хотя расстегнула брюки и пуговицы коричневой форменной рубашки, а также сняла форменный ремень. Еще она не привыкла лгать

мужу даже по мелочам – и до этого утра никогда не лгала по-крупному.

Авария на Маунтин-Рест-роуд, написала она в сообщении. *Не звони, нам нужно расчистить дорогу*. Этим утром она даже добавила вполне реалистичных подробностей – и теперь не находила себе места: *Наполнитель для кошачьих лотков на дороге! Понадобился бульдозер!* Такое событие не могла обойти вниманием еженедельная газета Дулинга, верно? Правда, Клинт никогда ее не читал, так что опасаться было нечего. Однако люди не могли не комментировать столь забавное происшествие, а раз не комментировали, у него наверняка возникли бы вопросы...

«Он хочет, чтобы его поймали, – сказала она Клинту, когда они смотрели по каналу Эйч-би-оу документальный сериал, который назывался «Тайны миллиардера»: о богатом и эксцентричном серийном убийце Роберте Дерсте. Случилось это в самом начале второй из шести серий. – Он никогда не согласился бы говорить с этими документалистами, если бы не хотел». И действительно, Роберт Дерст теперь сидел в тюрьме. Но хотела ли *она*, чтобы ее поймали?

Если нет, зачем отправила сообщение? В тот момент она нашла оправдание: если бы он позвонил и услышал шум в спортивном зале средней школы Кофлина – крики толпы, скрип кроссовок по паркету, рев горна, – то вполне мог спросить, где она и что там делает. Но она могла не принимать вызов и отправить его на голосовую почту, верно? Чтобы пе-

резвонить позже.

Я об этом не подумала, сказала она себе. Нервничала, очень расстроилась.

Правда это или ложь? Утро показало, что скорее последнее. К первой небылице она добавила вторую. Хотела заставить Клинта вырвать у нее признание, хотела, чтобы он потянул за ниточку, которая распутает клубок.

Она с сожалением подумала что, несмотря на опыт, накопленный за время службы в полиции, ее муж, психиатр, проявил бы себя куда лучшим преступником. Клинтон знал, как хранить секрет.

Лайле казалось, что она вдруг обнаружила в своем доме еще один этаж. Совершенно случайно нажала потайную кнопку, и открылась неизвестная дверь, за которой находилась лестница. А дальше, дальше она нашла крючок, на котором висел пиджак Клинта. Потрясение было велико, боль – еще хуже, но самым ужасным стал стыд: как ты могла ничего не замечать? А когда все узнала, когда открылись реалии жизни, как могла не выкрикнуть это во весь голос? Если известие о том, что у твоего мужа, с которым ты более пятнадцати лет общалась каждый день, отца твоего ребенка, есть еще дочь, о которой он никогда не упоминал, если это не заставило тебя издать крик, вопль ярости и обиды, тогда что заставит? Вместо этого она пожелала ему хорошего дня и откинулась на подушку.

Усталость наконец-то начала брать верх и вытеснять пе-

чаль. Лайла проваливалась в небытие, и это радовало. Все будет проще после пяти или шести часов сна. Она более-менее успокоится, сможет поговорить с ним, и, возможно, Клинт поможет ей понять. Ведь это его работа, так? Находить смысл в хаосе жизни. Что ж, она устроила хаос и ему. Наполнитель для кошачьих лотков по всей дороге. Кошачье дерьмо в потайном коридоре, кошачий наполнитель и кошачье дерьмо на баскетбольной площадке, где девушка по имени Шейла выставила плечо, оттолкнула защитницу и рванула к кольцу, чтобы забросить очередной мяч.

Слеза скатилась по щеке, и Лайла выдохнула, уже почти засыпая.

Что-то защекотало ей лицо. То ли прядь волос, то ли нитка, вылезшая из наволочки. Она смахнула ее, чуть глубже провалилась в сон и уже почти отключилась, когда зазвонил мобильник, хранившийся в чехле на ремне, который сейчас лежал на сундуке из кедра в изножье кровати.

Лайла открыла глаза и села. Нитка, или прядь волос, или что-то еще вновь коснулось щеки. Она отбросила это что-то в сторону. Клинт, если это ты...

Взяла мобильник, посмотрела на экран. Не Клинт. «БА-ЗА». Часы показывали 7:57. Лайла нажала кнопку «ОТВЕТ».

– Шериф? Лайла? Вы проснулись?

– Нет, Линни, это сон.

– Я думаю, у нас большая проблема.

Линни говорила четко и по существу, как и полагалось

профессионалу. За это Лайла поставила ей высший балл, но в голосе диспетчера слышался акцент, и это означало, что она встревожена, то есть дело серьезное. Лайла широко раскрыла глаза, словно надеялась, что это поможет проснуться.

– Звонившая сообщила о нескольких убийствах в районе лесопилки Адамса. Возможно, она ошиблась, или солгала, или у нее галлюцинации, но там что-то взорвалось. Вы не слышали?

– Нет. В точности перескажи, что тебе известно.

– Я могу прокрутить наш...

– Просто скажи.

Линни сказала: обкуренная женщина, в истеричном состоянии, говорит, что двое убиты. Это сделала некая женщина из «Эйвон», что-то взорвалось, виден столб дыма.

– И ты отправила...

– Четвертый. Терри и Роджера. Согласно их последнему выходу на связь, они менее чем в миле.

– Ясно. Это хорошо.

– А вы...

– Уже еду.

3

На полпути к патрульному автомобилю она заметила, что Антон Дубчек вытаращился на нее. Без рубашки, с блестящими на солнце бугрящимися мускулами, в штанах, едва не

спадающих с бедер, уборщик бассейнов выглядел так, будто прибыл на кастинг моделей для майской странички настенного календаря «Чиппендейлс». Антон стоял на тротуаре рядом со своим пикапом, доставал из кузова какое-то оборудование для чистки. По борту тянулась надпись флорентийским шрифтом: *«Уборка бассейнов от Антона»*.

– Куда устался? – спросила Лайла.

– На утреннюю зарю, – ответил Антон и одарил ее улыбкой, которая, вероятно, покорила бы любую официантку в Триокружье.

Посмотрев вниз, Лайла обнаружила, что не застегнула и не заправила форменную рубашку. Простой белый бюстгальтер был не эффектнее любого из ее двух бикини (да и выглядел не столь презентабельно), но нижнее белье странным образом действовало на мужчин: стоило им увидеть женщину в бюстгальтере, как создавалось впечатление, будто они только что выиграли пятьдесят баксов в пятидолларовой мгновенной лотерее «Доллары из грязи». Черт, да в свое время Мадонна сделала на этом карьеру. Скорее всего до рождения Антона, внезапно поняла Лайла.

– Эта фраза срабатывает, Антон? – спросила она, застегивая пуговицы и заправляя рубашку. – Хоть иногда?

Улыбка стала шире.

– Вы не поверите.

Ах, какие белые зубы. Вполне поверит.

– Если захочешь колу, дверь черного хода открыта. Запри

ее, когда будешь уходить, хорошо?

– Будет исполнено. – Он шутливо отдал честь.

– Но никакого пива. Слишком рано даже для тебя.

– А где-то уже пять часов...

– Давай без этой песни, Антон. У меня была долгая ночь, и, если только мне не удастся вздремнуть, день тоже будет долгим.

– Тоже будет исполнено. Но, шериф, у меня плохие новости: я практически уверен, что у ваших вязов голландская болезнь. Хотите, чтобы я оставил вам телефон моего специалиста по деревьям? Вы же не позволите этой болезни...

– Оставь, заранее благодарю. – Деревья Лайлу совершенно не волновали, тем более этим утром, но она не могла не отметить все свалившиеся на нее зараз неприятности: ее ложь, недомолвки Клинта, усталость, пожар, трупы, теперь еще заболевшие деревья – и все это до девяти часов. Не хватало разве что перелома руки у Джареда или чего-то такого. В этом случае Лайле не останется ничего другого, кроме как пойти в церковь Святого Луки и умолить отца Лафферти позволить ей исповедаться.

Она выехала задним ходом с подъездной дорожки, направилась на восток по Тримейн-стрит, миновала знак «Стоп» без остановки, за что обязательно получила бы штрафную квитанцию, если бы не возглавляла полицию округа, увидела дым, поднимающийся над шоссе номер 17, и включила мигалку. Сирену она припасла для трех кварталов, состав-

лявших деловой центр Дулинга. Пусть знают, что она при исполнении.

4

Остановившись на красный сигнал светофора напротив школы, Фрэнк Джиэри постукивал пальцами по рулевому колесу. Он ехал к дому судьи Сильвера. Старик позвонил ему по мобильнику. Судя по всему, совсем потерял голову. Его кошку, Какао, сбила машина.

Знакомая бомжиха в несметном количестве одежек, скрывавших ее ноги, перешла дорогу перед его пикапом, толкая тележку из супермаркета. Бомжиха разговаривала сама с собой, а ее лицо было таким веселым, таким жизнерадостным. Вероятно, одна из населяющих ее разум личностей планировала вечеринку-сюрприз по случаю дня рождения другой личности. Фрэнк иногда думал, что хорошо быть безумным – не таким безумным, каким считала его Элейн, но действительно безумным, разговаривающим-с-самим-собой-и-толкающим-тележку-из-супермаркета-с-мусорными-мешками-и-верхней-половиной-мужского-манекена.

Какие у безумных людей поводы для волнений? Безумные, разумеется, хотя в своей фантазии о безумии Фрэнк воображал, что все гораздо проще. Вылить хлопья с молоком себе на голову или в почтовый ящик? Если ты рехнулся, это

трудное решение, чреватое стрессом. У Фрэнка стресс вызывали грядущие сокращения муниципального бюджета Дублинга, которые могли оставить его без работы. Другой причиной для стресса была необходимость держать себя в руках на выходных, когда он виделся с дочерью, и знать, что Элейн не верит, что он способен держать себя в руках. Жена копала под него, это ли не почва для стресса? Так что с дилеммой, куда выливать хлопья с молоком, себе на голову или в почтовый ящик, он бы разобрался легко. Хлопья – на голову, молоко – в почтовый ящик. И все дела.

Вспыхнул зеленый свет, и Фрэнк повернул налево, на Мэллой-стрит.

5

На противоположной стороне улицы бомжиха – Старая Эсси для волонтеров в ночлежке, Эсси Уилкокс в далеком прошлом – вкатывала тележку по невысокой, заросшей травой насыпи, что окружала школьную автомобильную стоянку. Добравшись до асфальта, Эсси направилась к спортплощадкам и чахлому лесу за ними, где жила в теплые месяцы.

– Поторопитесь, детки, – сказала она, глядя прямо перед собой, словно обращаясь к дребезжащему содержимому тележки, но в действительности беседуя с четырьмя абсолютно одинаковыми маленькими девочками, ее невидимыми дочками, которые шли следом за ней, словно утята. – Нам нуж-

но успеть домой к ужину... Иначе сами станем ужином! В котле ведьмы!

Эсси рассмеялась, но девочки расплакались и захныкали.
– Да ладно вам, глупышки! – сказала она. – Я же шучу.

Миновав парковку, Эсси покатила тележку по футбольному полю. Девочки повеселели. Они знали, что мама уберет их от любой напасти. Они были хорошими девочками.

6

Иви стояла между двумя поддонами недавно напиленных сосновых досок в левой части лесопилки Адамса, когда патрульный автомобиль номер четыре проскочил мимо. Один из поддонов закрывал ее от зевак, собравшихся перед основным корпусом лесопилки, но не от шоссе. Впрочем, патрульные не обратили на нее внимания, хотя из одежды на ней по-прежнему была лишь рубашка Трумана Мейвезера, а ее лицо и руки пятнала его кровь. Копы смотрели только на дым, поднимающийся на границе иссушенного леса.

Терри Кумбс наклонился вперед и показал пальцем:

– Видишь большую скалу, на которой краской из баллончика написано: «ТИФФАНИ ДЖОНС СОСЕТ»?

– Да.

– Сразу за ней проселочная дорога. Сворачивай на нее.

– Ты уверен? – спросил Роджер Элуэй. – До дыма еще не меньше мили.

– Уверен. Я бывал здесь раньше, когда Трум Мейвезер считал себя сутенером на полную ставку и заводчиком конопли на полставки. Судя по всему, он вышел на более высокий уровень.

На проселке автомобиль сперва занесло, потом сцепление колес с дорогой восстановилось. Роджер мчался на сорока милях в час, поэтому иной раз машину крепко подбрасывало, несмотря на усиленную подвеску. Высокие сорняки между колеями шуршали по днищу. Теперь чувствовался запах дыма.

Терри схватил микрофон.

– Четвертый вызывает базу. База, это четвертый.

– Четвертый, это база, – тут же откликнулась Линни.

– Будем на месте через три минуты, если только Роджер не загонит нас в кювет. – Роджер оторвал руку от руля, чтобы показать напарнику палец. – Что там с пожарными?

– Уже едут. Все четыре машины плюс «Скорая». И волонтеры, конечно. Прямо за вами. Ищите женщину из «Эйвон».

– Женщину из «Эйвон», принято. Конец связи.

Терри как раз вешал микрофон на крючок, когда на очередном ухабе они на мгновение взлетели в воздух. Роджер резко затормозил. Впереди дорогу покрывали куски гофрированного металла, разорванные пропановые баллоны, пластмассовые канистры, тлеющие обрывки бумаги. Заметил Роджер и черно-белый диск, напоминавший ручку газовой плиты.

Часть стены ангара привалилась к сухому дереву, которое пылало, как факел тики. Две сосны, росшие рядом с теперь искореженной задней стеной ангара, тоже горели. Как и придорожные кусты.

Роджер открыл багажник, схватил огнетушитель и принялся заливать пеной подлесок. Терри достал пожарное покрывало, чтобы тушить мусор на дороге. Скоро придут пожарные; следовало приложить все силы, чтобы не допустить распространения огня.

Подбежал Роджер с огнетушителем в руках.

– У меня пусто, да и тебе похвастаться нечем. Давай сваливать отсюда, пока нам не врезали в задний бампер. Что скажешь?

– По-моему, идея прекрасная. Лучше взглянем, что творится в имении Мейвезера.

Пот катился по лбу Роджера и блестел на коротко стриженных редких светлых волосах. Он сощурился.

– Чего Мейвезера?

Напарник Терри нравился, тут двух мнений быть не могло, но он никогда не взял бы Роджера в свою команду на викторинах, которые проводились по средам в «Скрипучем колесе».

– Не важно. Поехали.

Роджер поспешил за руль. Терри уселся на пассажирское сиденье. Из-за поворота в сорока ярдах от них показалась пожарная машина, цепляя бортами ветки деревьев. Терри

помахал пожарным рукой, потом снял закрепленный под приборным щитком дробовик. Береженого Бог бережет.

Они въехали на поляну, где на домкратах стоял трейлер, выкрашенный в отвратительный бирюзовый цвет аквариумных камушков. Ступенями служили бетонные блоки. Компанию трейлеру составлял тронутый ржавчиной пикап «F-150» с двумя спущенными колесами. На заднем откидном борту, ссутулившись, сидела женщина. Ее лицо скрывали тусклые рыжеватые волосы. Одета в джинсы и топ. Вся кожа в татуировках. На правом предплечье Терри прочитал: «ЛЮ-БОВЬ». Босые ноги женщины покрывала грязь. Она была невероятно худа.

– Терри... – Роджер вдохнул, и в горле что-то булькнуло: похоже, он подавлял рвотный рефлекс. – Вон там!

Увиденное напомнило Терри забаву, в которой он мальчишкой участвовал на окружной ярмарке. Человек всовывал голову в дыру в картонном Моряке Попае, и за десять центов ты мог бросить в него три полиэтиленовых пакетика с цветной водой. Только под головой, торчавшей из стены трейлера, была не вода.

Внезапно на Терри навалилась безмерная усталость. Тело набрало вес, будто внутренности превратились в бетон. Такое с ним случалось и раньше, обычно на месте автомобильных аварий с человеческими жертвами, и он знал, что это быстро пройдет, но пока оно длилось, чувство это было чудовищным. Оно возникало, когда ты смотрел на ребенка,

по-прежнему сидевшего в детском кресле, но с вспоротым животом... или на торчавшую из стены трейлера голову с содранной кожей... И ты поневоле задавался вопросом, а на кой черт создали этот мир. Хорошего в нем было мало, зато отвратительного хватало с лихвой.

Женщина на заднем борту пикапа подняла голову. Бледное лицо, глаза обведены черными кругами. Она протянула к полицейским руки, но тут же опустила их на колени, словно они были слишком тяжелыми, очень-очень тяжелыми. Терри ее знал: одна из проституток Трума Мейвезера, прежде чем тот принялся варить мет. Может, осталась здесь, потому что ее повысили в подружки Трума... если такое можно называть повышением.

Он вылез из патрульного автомобиля. Она соскользнула с заднего борта и упала бы на колени, если бы Терри не подхватил ее. Под ледяной кожей прощупывались ребра. Вблизи стало видно, что часть татуировок – синяки. Женщина вцепилась в него и заплакала.

– Ну, будет, будет, – попытался успокоить ее Терри. – Перестань, девочка. Ты в порядке. Что бы здесь ни случилось, ты жива и невредима.

При других обстоятельствах он бы посчитал единственную выжившую главной подозреваемой, а бред про «Эй-вон» – полной ахинеей, но мешок с костями в его руках никогда бы не смог пробить стену трейлера головой человека. Терри не знал, как давно Тиффани подсела на зелье Трумана,

но, по его представлениям, в нынешнем состоянии ей требовались огромные усилия даже для того, чтобы высморкаться.

Подошел Роджер, выглядевший на удивление веселым.

– Это вы звонили, мэм?

– Да...

Роджер достал блокнот.

– Ваше имя?

– Это Тиффани Джонс, – ответил Терри. – Я не ошибаюсь, Тифф?

– Нет, сэр, и я видела вас раньше. Когда приезжала, чтобы забрать Трума из тюрьмы. Я помню. Вы были таким милым.

– А этот парень? Кто он? – Роджер махнул блокнотом в сторону головы, словно указывал на некую местную достопримечательность, а не на убитое человеческое существо. Такая обыденность поражала... и вызывала у Терри зависть. Если бы он научился адаптироваться к подобным зрелищам так же легко, как и Роджер, стал бы более счастливым человеком... и, возможно, лучше исполнял бы профессиональные обязанности.

– Не знаю, – ответила Тиффани. – Какой-то друг Трума. Или кузен. Он приехал на прошлой неделе из Арканзаса. А может, на позапрошлой.

С дороги доносились крики пожарных и шум бьющей из шлангов воды: ее, конечно, подавали из цистерны, потому что водопровода здесь не было. Терри на мгновение увидел радугу, пляшущую на фоне уже побледневшего дыма.

Терри мягко взял Тиффани за тощие запястья и заглянул в налитые кровью глаза.

– А что ты знаешь о женщине, которая это сделала? Ты сказала диспетчеру, что это была женщина.

– Друг Трума сказал, что она из «Эйвон», но она, конечно, не оттуда. – Тиффани чуть отошла от шока, и ее лицо ожило. Она выпрямилась и испуганно огляделась. – Она ведь ушла, да? Хорошо, если так.

– Как она выглядела?

Тиффани покачала головой:

– Я не помню. Но она украла рубашку Трума. Думаю, под рубашкой ничего не было.

Она закрыла глаза, потом медленно их открыла. Терри узнал симптомы. Сначала психологическая травма от неистового, внезапного насилия, потом истеричный звонок по номеру девять-один-один, а теперь посттравматический шок. Плюс наркотики, которые она принимала неизвестно сколько времени. Такие вот американские горки. Насколько он мог судить, Труман Мейвезер, Тиффани и арканзасский кузен Трумана Мейвезера вполне могли устроить себе трехдневный марафон.

– Тифф? Я хочу, чтобы ты села в патрульный автомобиль, пока мы с напарником тут все осмотрим. Посидишь на заднем сиденье. Успокоишься.

– Девочке пора баиньки, – ухмыляясь, добавил Роджер, и на мгновение Терри ощутил чрезвычайно сильное желание

дать ему крепкого пинка.

Но вместо этого он открыл заднюю дверцу патрульного автомобиля, вызвав еще одно воспоминание: лимузин, который он арендовал, чтобы отвезти на школьный бал Мэри Джин Стаки. Она – в обнажающем плечи розовом платье с пышными рукавами, на руке – подаренный им цветочный браслет; он – во взятом напрокат смокинге. Происходило это в ту счастливую пору, когда он еще не видел труп красивой девушки с закатившимися глазами и дырой в груди от выстрела из дробовика, или мужчину, повесившегося на сеновале, или подсаженную на мет проститутку с ввалившимися глазами, которая выглядела так, словно жить ей осталось месяцев шесть.

Слишком я стар для такой работы, подумал Терри. Мне пора на пенсию.

Ему было сорок пять.

7

Хотя Лайла никогда не стреляла в человека, она пять раз доставала пистолет, а однажды выстрелила в воздух (и сколько же ей потом пришлось заполнять бумажек!). Как Терри, Роджеру и всем остальным в ее маленьком отряде синих рыцарей, ей приходилось очищать дороги округа от человеческих останков (обычно запах спиртного еще висел в воздухе). Она уворачивалась от летящих предметов, обры-

вала семейные ссоры, переходящие в рукоприкладство, делала искусственное дыхание, накладывала шины на сломанные конечности. Она и ее парни нашли двух ребятишек, заблудившихся в лесу. Случалось, что на нее блевали. За четырнадцать лет работы в полиции она много чего повидала, но впервые столкнулась с перемазанной в крови женщиной, одетой в одну лишь фланелевую рубашку, идущей по разделительной полосе главного шоссе округа Дулинг. Все когда-то случается впервые.

На вершину Боллс-Хилл Лайла влетела на восьмидесяти милях в час, и до женщины оставалось меньше ста футов. Она не попыталась метнуться вправо или влево, и в эти короткие мгновения Лайла не увидела в ее глазах оцепенения оленя, внезапно освещенного фарами: лишь спокойную сосредоточенность. Лайла отметила кое-что еще: женщина была очень красива.

Лайла не сумела бы затормозить вовремя, даже если бы как следует выпалась: только не на восьмидесяти милях в час. Вместо этого она повернула руль вправо, на считанные дюймы разминувшись с женщиной на проезжей части, но все-таки ее зацепив: раздался глухой удар, и мгновением позже в боковом зеркале возникла сама Лайла, а не дорога позади.

При этом ей пришлось сражаться с патрульным автомобилем номер один, так и норовившим вырваться из-под контроля. Она снесла почтовый ящик, который взмыл к небу.

Столб ящика крутанулся, как жезл мажоретки, прежде чем удариться оземь. Сзади поднялся шлейф пыли, Лайла почувствовала, как тяжелый автомобиль тащит в кювет. Торможение ее бы не спасло, поэтому она нажала на педаль газа, увеличивая скорость. Колеса вгрызлись в обочину, гравий застучал по днищу. Автомобиль сильно накренился. Если бы его все-таки затащило в кювет, он бы перевернулся, и шансы Лайлы побывать на выпускном вечере Джареда сошли бы на нет.

Лайла немного повернула руль влево. Поначалу автомобиль продолжил скользить, но потом выровнялся и с ревом вернулся на проезжую часть. Когда все четыре колеса оказались на асфальте, Лайла ударила по тормозам. Передний бампер едва не клюнул землю, а саму Лайлу с такой силой бросило на ремень безопасности, что она почувствовала, как глаза вылезают из орбит.

Автомобиль замер, оставив за собой две полосы сожженной резины. Сердце Лайлы стучало, как отбойный молоток. Перед глазами плясали черные точки. Заставляя себя дышать, чтобы не потерять сознание, она посмотрела в зеркало заднего вида.

Женщина не убежала в лес и не стала подниматься на Боллс-Хилл, где еще одна дорога уходила к парому через Боллс-Крик. Просто стояла, оглянувшись через плечо. И этот полуоборот, в сочетании с голым задом, видневшимся из-под рубашки, выглядел на удивление кокетливо. Женщи-

на словно сошла с рисунка Альберто Варгаса.

Учащенно дыша, с металлическим привкусом выплеснувшегося адреналина во рту, Лайла задним ходом въехала на подъездную дорожку небольшого ухоженного фермерского дома. На крыльце стояла женщина с младенцем на руках. Лайла опустила стекло.

– Уйдите в дом, мэм. Немедленно.

Не дожидаясь выполнения приказа, Лайла включила переднюю передачу и вновь покатила к Боллс-Хилл и стоявшей на разделительной полосе женщине. Аккуратно объехала валявшийся на асфальте почтовый ящик. Было слышно, как помятое переднее крыло цепляет колесо.

Ожила рация. Терри Кумбс вышел на связь.

– Первый, это четвертый. Где вы, Лайла? Прием. У нас двое убитых варщиков мета. Мы за лесопилкой.

Она схватила микрофон, сказала: «Не сейчас, Тер», – и бросила микрофон на пассажирское сиденье. Остановилась перед женщиной, расстегнула кобуру и, вылезая из автомобиля, достала табельный пистолет, шестой раз за полицейскую карьеру. Глядя на длинные загорелые ноги и высокую грудь, мысленно вернулась на свою подъездную дорожку. Неужели прошло лишь пятнадцать минут? *Куда уставил-ся?* – спросила она. *На утреннюю зарю*, ответил Антон.

Если женщина, стоявшая посреди Дулинг-Таун-роуд, не была утренней зарей, значит, Лайла никогда ее не видела.

– Руки вверх. Поднимите их, быстро.

Женщина из «Эйвон», она же Утренняя Заря, подняла руки.

– Вы знаете, как близко были от смерти?

Иви улыбнулась. Ее лицо засияло.

– Не слишком, – ответила она. – У вас все было под контролем, Лайла.

8

Голос старика чуть дрожал.

– Мне не хотелось ее трогать.

Кошка, коричневая табби, лежала на траве. Оскар Сильвер, несмотря на то что пачкал брюки цвета хаки, стоял рядом с ней на коленях. Растянувшаяся на боку кошка выглядела бы нормально, если бы не правая передняя лапа, изогнутая буквой V. Вблизи также были видны кровавые завитушки в глазах, вокруг зрачков. Поверхностное дыхание сопровождалось – таков парадоксальный инстинкт раненых кошек – мурлыканьем.

Фрэнк присел рядом. Сдвинул вверх солнцезащитные очки и прищурился от яркого утреннего света.

– Сожалею, судья.

Сейчас Сильвер не плакал, однако его глаза были красные от слез. Фрэнка это огорчило, но не удивило: люди любили домашних питомцев и зачастую выставляли напоказ свои чувства, чего не позволяли себе с людьми.

Как это называли мозгоправы? Вымещение? Что ж, любовь зла. Фрэнк знал одно: те, кого действительно следовало опасаться в этом мире, не могли полюбить ни кошку, ни собаку. И следовало опасаться себя. Держать все под контролем. Сохранять спокойствие.

– Спасибо, что приехал так быстро, – поблагодарил его судья.

– Это моя работа, – ответил Фрэнк, пусть и кривя душой. Единственный сотрудник службы по контролю за бездомными животными муниципалитета Дулинга с полной занятостью, он занимался енотами и бездомными собаками, но никак не умирающими кошками. Оскара Сильвера Фрэнк считал своим другом или кем-то вроде этого. До того, как из-за проблем с почками судье пришлось завязать со спиртным, они с Фрэнком не раз и не два пили пиво в «Скрипучем колесе». Именно Оскар Сильвер порекомендовал Фрэнку хорошего адвоката по разводам и предложил договориться о встрече. Он также посоветовал Фрэнку обратиться к «консультанту», когда Фрэнк признался, что иногда повышал голос на жену и дочь (о том, что однажды он пробил кулаком стену кухни, Фрэнк упоминать поостерегся).

Фрэнк не пошел ни к адвокату, ни к консультанту. Касательно первого он по-прежнему верил, что и сам сумеет наладить отношения с Элейн. А по части второго чувствовал, что сможет держать себя в руках, если люди (Элейн, к примеру, но также и Нана, их дочь) поймут, что он всегда и прежде

всего исходит из их интересов.

— Она появилась у меня еще котенком, — говорил судья. — Нашел ее за гаражом. Сразу после смерти Оливии, моей жены. Нелепо, конечно, но мне показалось, что это... знак свыше. — Он провел указательным пальцем по голове кошки, мягко поглаживая ее между ушками. И хотя кошка продолжала мурлыкать, она не вытянула шею навстречу пальцу, вообще не отреагировала. Налитые кровью глаза смотрели на зеленую траву.

— Может, так и было, — согласился Фрэнк.

— Какао назвал ее мой внук. — Судья покачал головой, губы дернулись. — Это был чертов «мерседес». Я видел. Выходил за газетой. Мчался со скоростью миль шестьдесят. И это в жилом районе! Ради чего?

— Да просто так. Какого цвета был «мерседес»? — Фрэнк вспомнил, что рассказывала ему Нана несколько месяцев назад. Она развозила газеты, и у хозяина одного из больших домов на вершине Бриара появился дорогой автомобиль. «Мерседес». Вроде бы она говорила, что зеленый.

— Зеленый, — ответил судья Сильвер. — Он был зеленый.

К мурлыканью добавился клочок. Теперь бок кошки поднимался и опускался чаще. Она явно мучилась.

Фрэнк положил руку на плечо Сильвера, сжал.

— Лучше сделать это сейчас.

Судья откашлялся, но ничего не сказал. Просто кивнул.

Фрэнк расстегнул кожаную сумку. Достал шприц и два пу-

зырька.

— Этот снимет боль. — Он набрал полный шприц из первого пузырька. — А этот ее усыпит.

9

В свое время, задолго до описываемых здесь событий, Триокружье (округа Макдоуэлл, Бриджер и Дулинг) подавало петицию с предложением перестроить закрывшееся исправительное заведение для несовершеннолетних правонарушителей в столь необходимую женскую тюрьму. Штат заплатил за землю и здания; тюрьму назвали в честь округа Дулинг, который обеспечил большую часть средств на ремонт. Двери тюрьмы открылись в 1969 году, сотрудников набрали среди жителей Триокружья, которые отчаянно нуждались в работе. Тогда это заведение назвали «передовым» и «эталонном женских тюрем». Действительно, оно больше напоминало среднюю школу в богатом пригороде, чем тюрьму, если не обращать внимания на колючую проволоку поверх сетчатого забора, огораживавшего территорию.

Теперь, почти полвека спустя, тюрьма по-прежнему напоминала среднюю школу, но переживающую тяжелые времена вместе со снижающейся налоговой базой. Здания начали ветшать. Краска (по слухам, содержащая свинец) облупилась. Канализационные трубы протекали. Котельная полностью устарела, так что зимой только в административном

крыле поддерживалась температура выше шестидесяти пяти градусов¹⁰. Летом в крыльях, где находились камеры заключенных, стояла дикая жара. Освещение было тусклым, древняя электрическая проводка таила опасность пожара, а жизненно важная система видеонаблюдения отключалась не реже раза в месяц.

При этом тюрьма могла похвалиться прекрасным стадионом с беговой дорожкой, залом с баскетбольной площадкой, кортом для шаффлборда, крошечной площадкой для софтбола и огородом, примыкавшим к административному крылу. Именно там, рядом с цветущим горохом и кукурузой, сидела на синем пластмассовом ящике для молока начальник Джейнис Коутс. Ее бежевая вязаная сумка лежала на земле у ног, она курила «Пэлл-Мэлл» без фильтра и наблюдала за приближением автомобиля Клинта Норкросса.

Он показал удостоверение (напрасный труд, его и так все знали, но инструкция есть инструкция), и главные ворота со скрипом поползли по направляющей. Заехав в шлюз, Клинт дождался, пока закроются ворота. Когда на пульте дежурной, в тот день – Милли Олсон, загорелась зеленая лампочка, возвещающая о закрытии главных ворот, она открыла внутренние ворота. «Приус» Клинта покатиł вдоль забора к стоянке для сотрудников, въезд на которую тоже перегораживали ворота. Надпись на большом щите предупреждала: «БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! ВСЕГДА ЗАПИРАЙТЕ АВТОМОБИЛЬ!»

¹⁰ 18 °C.

Две минуты спустя Клинт стоял рядом с начальником, подпирая плечом кирпичную стену, подставив лицо утреннему солнцу. Последовавший диалог вполне мог иметь место в фундаменталистской церкви.

– Доброе утро, доктор Норкросс.

– Доброе утро, начальник Коутс.

– Готовы еще к одному дню в удивительном мире исполнения наказаний?

– Правильный вопрос – готов ли ко мне удивительный мир исполнения наказаний? Вот насколько я готов. А как насчет вас, Джейнис?

Она пожала плечами и выдохнула дым.

– Та же история.

Он указал на ее сигарету:

– Вы вроде бы бросили?

– Да. Обожаю бросать, поэтому проделываю это раз в неделю. Иногда два.

– Все тихо?

– Утром – да. А вот ночью рвануло.

– Не говорите, сам догадаюсь. Энджел Фицрой?

– Нет. Китти Макдэвид.

Клинт приподнял брови.

– Этого я никак не ожидал. Рассказывайте.

– По словам ее сокамерницы – Клавдии Стивенсон, которую другие дамы прозвали...

– Бомбовой Клавдией, – подхватил Клинт. – Очень гор-

дится своими имплантатами. Клавдия затеяла свару?

Клинт ничего не имел против Клавдии, но надеялся, что так оно и было. Врачи тоже люди, у них есть любимчики, и Китти Макдэвид была любимицей Клинта. В тюрьму Китти прибыла в жутком состоянии: склонность к причинению вреда самой себе, резкие перемены настроения, повышенная тревожность. С тех пор они прошли долгий путь. Антидепрессанты сделали свое дело, но Клинт надеялся, что психотерапия тоже помогла. Как и он, Китти выросла в аппалачских приемных семьях. На одной из первых встреч она мрачно спросила, есть ли у него, выходца из богатого пригорода, хоть малейшее представление о том, каково это, не иметь ни семьи, ни дома.

Клинт ответил без запинки: «Я не знаю, что чувствовали вы, Китти, но я чувствовал себя зверем. То есть либо охотником, либо добычей».

Ее глаза широко раскрылись.

«Вы?..»

«Да, я», – ответил он, подразумевая: *И я такой же.*

Сейчас Китти почти всегда вела себя примерно; более того, она дала согласие выступить свидетелем обвинения в деле братьев Грайнеров. Речь шла о крупнейшей операции против наркоторговцев, которую в ту зиму провела непосредственно шериф округа Дулинг Лайла Норкросс. Если Лоуэлл и Мейнард Грайнеры сядут в тюрьму, шансы Китти на условно-досрочное освобождение сильно возрастут. Клинт пола-

гал, что если ее выпустят, у нее все наладится. Теперь она понимала, что в поисках своего места в этом мире должна опираться на постоянную поддержку, как медикаментозную, так и общественную. Клинт считал Китти достаточно сильной, чтобы обратиться за такой поддержкой, бороться за нее. И с каждым днем она становилась сильнее.

У Джейнис Коутс оптимизма было поменьше. По ее убеждению, имея дело с заключенными, следовало избегать радужных надежд. Может, поэтому она была начальником, то есть главной в тюрьме, а Клинт – постояльцем-мозгоправом в этом каменном отеле.

– Стивенсон говорит, что Макдэвид разбудила ее, – сказала Джейнис. – Сначала говорила во сне, потом кричала, наконец завопила. Что-то насчет прихода Черного Ангела. А может, Черной Королевы. Это все изложено в рапорте о случившемся. «С паутиной в волосах и смертью на кончиках пальцев». Фраза из хорошего телешоу, правда? По каналу научной фантастики. – Начальник хохотнула без тени улыбки. – Уверена, для вас такой случай – просто праздник.

– Больше похоже на фильм, – возразил Клинт. – Может, один из тех, что она видела в детстве.

Коутс закатила глаза.

– Видите? Цитируя Ронни Рейгана: «Вы опять за свое».

– Что? Вы не верите в психологические травмы детства?

– Я верю в тихую, спокойную тюрьму, вот во что я верю.

Они отправили ее в крыло А, Землю безумных.

– Политически некорректно, начальник Коутс. Более предпочтительный термин – Централ двинутых. Ее пришлось сажать на смиренный стул? – Хотя иной раз и возникала такая необходимость, Клинт терпеть не мог смиренный стул, который напоминал ковшовое сиденье спортивного автомобиля, переоборудованное в орудие пытки.

– Нет. Ей вкололи желтое лекарство, и она уgomонилась. Не знаю, какое именно, да мне и без разницы, это будет в рапорте, если вам захочется с ним ознакомиться.

В Дулинге лекарственные средства делились на три группы. Красные прописывали только врачи, желтые могли давать заключенным дежурные, а зеленые заключенные держали в своих камерах, если не находились в крыле В и не имели провинностей.

– Ясно, – кивнул Клинт.

– И теперь твоя девочка Макдэвид отсыпается...

– Она не *моя* девочка...

– Этим утренние новости исчерпываются. – Джейнис зевнула, затушила окурок о кирпич и засунула под молочный ящик, словно надеялась, что, скрывшись с глаз, окурок растворится в воздухе.

– Я тебя задерживаю, Джейнис?

– Дело не в тебе. Вчера я заказала мексиканскую еду. И теперь не могу лечь, пока не воспользуюсь сортиром. Знаешь, это чистая правда: то, что выходит, подозрительно напоминает то, что вошло.

– Избыток информации, начальник.

– Ты врач, справишься. Осмотришь Макдэвид?

– Этим утром обязательно.

– Хочешь услышать мою версию? В младенчестве ее растлила какая-то женщина, называвшая себя Черной Королевой. Что скажешь?

– Вполне возможно, – ответил Клинт, не заглотив наживку.

– *Вполне возможно.* – Джейнис покачала головой. – Зачем анализировать их детство, Клинт, когда они по-прежнему дети? В этом основная причина их пребывания здесь: инфантильное поведение с отягощающими обстоятельствами.

Ее слова напомнили Клинту о Джанетт Сорли, которая оборвала годы все нарастающего семейного насилия, вонзив в мужа шлицевую отвертку и проследив, чтобы он истек кровью. Не сделай она этого, Дэмиен Сорли обязательно убил бы ее, в этом сомнений у Клинта не было. Этот поступок он назвал бы не детским поведением, а проявлением инстинкта самосохранения. Однако скажи он это начальнику Коутс, та отказалась бы его слушать: она принадлежала к старой школе. Поэтому он предпочел завершить разговор.

– Итак, начальник Коутс, мы начинаем очередной день в женской тюрьме у Королевского канала.

Она подняла сумку, встала, отряхнула сзади форменные брюки.

– Не совсем канала, но поскольку паром Болла от нас неда-

леко, то да. Давайте начнем день.

И они вместе вошли в первый день сонной болезни, закрепляя на груди идентификационные бейджи.

10

Магда Дубчек, мать симпатичного молодого чистильщика городских бассейнов, известного по фирме «Уборка бассейнов от Антона» (зарегистрированной фирмы, так что, пожалуйста, выписывайте чеки на «Уборку бассейнов от Антона», КОО), проковыляла в гостиную двухэтажной квартиры, которую делила с сыном. В одной руке она держала клюку, в другой несла стакан со спиртным. Она плюхнулась в кресло, перднула, вздохнула и включила телевизор.

Обычно в это время она смотрела второй час туристической программы «Хороший день на колесах», но сегодня переключилась на «Новости Америки». Ее интересовало одно текущее событие, что уже было хорошо, и она знала одну женщину-репортера из тех, кто это событие освещал, что было еще лучше. Микаэла Коутс, или Микаэла Морган, как она теперь себя называла, навеки осталась маленькой Микки для Магды, которая сидела с ней много лет тому назад, пока мать Микки работала. В то далекое время Джен Коутс была обычной дежурной в женской тюрьме, которая находилась в южной части города, овдовевшей матерью-одиночкой, пытавшейся хоть как-то продержаться. Теперь она стала на-

чальником, боссом того заведения, а ее дочь Микки выросла в известную всей стране корреспондентку, ведущую репортажи из округа Колумбия, знаменитую острыми вопросами и короткими юбками. Мать и дочь Коутс добились многого. Магда ими гордилась, а если иногда ощущала легкую грусть – Микки никогда не звонила и не писала, Джейнис никогда не заглядывала, чтобы поболтать ни о чем, – то говорила себе: обеим надо работать. Магда признавала, что ей не понять, какое им приходится выдерживать напряжение.

В это утро новостной выпуск вел Джордж Олдерсон. В очках, сутулый, с редющими волосами, он ничем не напоминал идолов утренних информационных выпусков, которые обычно сидели за большими столами и зачитывали новости. Он выглядел сотрудником похоронного бюро. И голос у него был неподходящий для телеведущего. Крякающий. Магда полагала, что именно по этой причине «Новости Америки» были на третьем месте, уступая Си-эн-эн и «Фокс». Она с нетерпением ждала того дня, когда Микаэла перейдет в одну из этих телесетей. Тогда Магде больше не придется терпеть этого Олдерсона.

– В этот час мы продолжаем следить за происходящим в Австралии, – сообщил Олдерсон. Он пытался изобразить озабоченность, не лишенную скептицизма, но выглядел так, будто мучился от запора.

Тебе бы на пенсию и лысеть в тишине и спокойствии собственного дома, подумала Магда и отсалютовала ему первым

за день стаканом рома с колой. Натирай голову автомобильным воском, Джордж, и освободи дорогу моей Микаэле.

– Медицинские чиновники на Оаху, штат Гавайи, сообщают о продолжающемся распространении азиатской сонной болезни, которую также называют австралийским сонным гриппом. Никто, похоже, не знает, где возникла эта болезнь, но пока ее жертвами становились только женщины. Теперь нам сообщают, что первые случаи заболевания выявлены и на наших берегах, сначала в Калифорнии, потом в Колорадо и, наконец, в Каролинах. Сейчас Микаэла Морган сообщит подробности.

– Микки! – воскликнула Магда и вновь отсалютовала телевизору, выплеснув часть напитка на рукав кардигана. В голосе Магды едва слышался чешский акцент, но к пяти часам дня, когда Антон вернется с работы, она уже будет говорить так, словно только что сошла с корабля, а не прожила в Триокружье почти сорок лет. – Маленькая Микки Коутс! Я гонялась за твоим голым задом по гостинной матери, и мы смеялись до коликов в боку! Я меняла твои обкаканные подгузники, моя дорогая малышка, и посмотрите, какая ты теперь!

Микаэла Морган, она же Коутс, в блузке без рукавов и фирменной короткой юбке стояла перед хаотично построенным жилищным комплексом, выкрашенным в ярко-красный цвет. Магда думала, что короткие юбки Микки идут. Даже известных политиков зачаровывала видневшаяся из-под юбки верхняя часть бедра, и правда иногда срывалась с их лжи-

вых губ. Само собой, не всегда, но такое случалось. По части нового носа Микаэлы Магду грызли сомнения. Ей не доставало дерзкой кнопки, какая была у ее девочки в детстве, да и с заостренным новым носом Микки уже не выглядела прежней. С другой стороны, смотрелась она теперь потрясающе! Просто глаз не оторвешь.

– Я нахожусь рядом с хосписом «Любящие руки» в Джорджтауне, где этим ранним утром отмечены первые случаи заболевания так называемым австралийским сонным гриппом. В хосписе почти сто пациентов, в основном преклонного возраста, больше половины – женщины. Администрация отказывается подтвердить или опровергнуть эпидемию, но несколько минут назад я говорила с санитаром, и хотя он был краток, его слова вызывают тревогу. Он просил не называть его имени. Вот что он сказал.

Записанное интервью действительно было коротким. Микаэла разговаривала с человеком в белой больничной униформе. Его лицо было размыто, измененный голос напоминал речь зловещего военачальника пришельцев из научно-фантастического фильма.

– Что здесь происходит? – спросила Микаэла. – Вы можете прояснить ситуацию?

– Большинство женщин спят и не думают просыпаться, – ответил санитар голосом инопланетного военачальника. – Совсем как на Гавайях.

– Но мужчины...

– Мужчины как огурчики. Поднялись, умылись и завтракают.

– С Гавайских островов поступили сообщения, что на лицах спящих женщин... что-то выросло. Здесь происходит то же самое?

– Я... Не думаю, что мне следует говорить об этом.

– Пожалуйста. – Микки похлопала глазами. – Люди встревожены.

– Давай! – Магда опять отсалютовала экрану и выплеснула еще чуть-чуть рома с колой на рукав кардигана. – Будь секси! Как только у них потекут слюнки, ты вытянешь из них что угодно.

– Это не похоже на опухоли, – ответил санитар. – Все выглядит так, будто на них налипла вата. Я должен идти.

– Еще один вопрос...

– Я должен идти. Но... она растет. Вата... И это... мерзко. Вновь включился прямой эфир.

– Пугающая информация, полученная из первых уст... если это правда. Тебе слово, Джордж.

Появление Микки на экране всегда радовало Магду, но она надеялась, что все это выдумки. Вероятно, еще одна страшилка, вроде проблемы 2000 года или атипичной пневмонии, однако сама идея чего-то не просто усыпляющего женщин, а вызывающего появление каких-то наростов... Как и сказала Микки, это пугало. Магде хотелось, чтобы Антон был дома. В компании с телевизором все-таки одиноко.

Она не будет жаловаться. И не будет тревожить своего трудолюбивого мальчика. Нет, нет. Она одолжила ему денег на открытие дела, но именно его стараниями фирма приносила прибыль.

Но теперь можно пропустить еще стаканчик, совсем маленький, а потом немного вздремнуть.

Глава 3

1

Надев на женщину наручники, Лайла укрыла ее одеялом, которое на всякий случай держала в багажнике, и затолкала на заднее сиденье, одновременно зачитывая права. Женщина молчала, ее ослепительная улыбка потускнела и стала мечтательной, она не пыталась сбросить руку Лайлы с правого плеча. Арест и задержание подозреваемой не заняли и пяти минут. Пыль, поднятая колесами патрульного автомобиля, еще не успела осесть, а Лайла уже направлялась к водительскому сиденью.

– Тех, кто наблюдает за мотыльками, называют мотери. Почти как матери.

Лайла разворачивала патрульный автомобиль, чтобы вернуться в город, когда арестованная поделилась с ней этой интересной информацией. В зеркале заднего вида Лайла поймала взгляд незнакомки. У нее был мягкий, но не слишком женственный голос. И говорила она немного бессвязно. Лайла не поняла, обращалась ли женщина к ней или говорила сама с собой.

Наркотики, подумала Лайла. Скорее всего «ангельская пыль». А может, кетамин.

– Вы знаете мое имя, – сказала Лайла. – Где мы познакомились?

На ум приходили три варианта: родительский комитет (маловероятно), газетные статьи... или Лайла арестовывала ее за последние четырнадцать лет, но не помнила этого. Она бы поставила на третий.

– Меня все знают, – ответила Иви. – Я в каком-то смысле Девушка-Оно. – Наручники звякнули, когда она подняла плечо, чтобы почесать подбородок. – В каком-то смысле. Оно и Девушка. Я, сама я и снова я. Отец, сын и святая Ив. Ив, как в сливе. Ив, от evening¹¹. Когда мы все ложимся спать. Мотерь, понимаете? Почти как мать.

Штатские понятия не имели, какую чушь приходится слушать, если ты коп. Общественность рукоплескала сотрудникам полиции за храбрость, но ни у кого не возникало и мысли похвалить их за выдержку, которую приходилось проявлять изо дня в день, сталкиваясь с таким вот бредом. И хотя храбрость – прекрасное качество для полицейского, по мнению Лайлы, не менее важным качеством являлась врожденная стойкость ко всякому бреду.

Именно поэтому оказалось довольно сложно заполнить последнюю свободную вакансию помощника шерифа. По этой причине она оставила без внимания заявление Фрэнка Джиэри, сотрудника службы по контролю за бездомными животными, и наняла Дэна Тритера, молодого ветеринара,

¹¹ Вечер (англ.).

пусть он и не имел опыта работы в правоохранительных органах. В том, что Джиэри умен и вежлив, сомнений не было, но по работе он рассылал ворох служебных записок и выписывал слишком много штрафов. Между строк читалось – конфликтен, то есть относится к тем людям, которые не оставляют без внимания даже малейшего упущения. И это никуда не годилось.

Не то чтобы ее сотрудники были идеальным отрядом по борьбе с преступностью. И что с того? Такова жизнь. Ты отбираешь лучших из тех, кто приходит к тебе, а потом стараешься им помочь. Взять, к примеру, Роджера Элуэя и Терри Кумбса. Роджеру, пожалуй, слишком крепко досталось, когда он играл нападающим в футбольной команде средней школы Дулинга, которую тренировал Уиттсток. Терри был умнее, но терялся в ситуациях, когда что-то шло не так, и слишком много пил на вечеринках. С другой стороны, Роджер и Терри не вспыхивали как порох, а это означало, что она могла им доверять. По большей части.

Лайла никому об этом не говорила, но все больше укреплялась во мнении, что воспитание маленьких детей – лучший испытательный срок для потенциального сотрудника полиции. (Особенно Клинту, потому что для него такое признание стало бы настоящим праздником. Она легко представляла, как он склоняет голову набок, кривит рот в присущей ему довольно раздражающей манере и говорит: «Это интересно», или: «Вполне возможно».) Матери были прирож-

денными полицейскими, потому что малыши, как и преступники, частенько агрессивны и опасны.

И если женщина, воспитывая ребенка, проходила эти ранние годы, сохраняя спокойствие и самообладание, она вполне могла работать и с настоящими преступниками. Главное, что требовалось от копа, – не поддаваться эмоциям, оставаться взрослым. И думала ли она о голой, залитой кровью женщине, определенно имевшей отношение к насильственной смерти двоих мужчин, – или о более близком, гораздо более близком ей человеке, который каждую ночь спал на соседней подушке? (Когда время матча истекло, в зале раздался громкий гудок, мальчишки и девчонки радостно заорали. Счет на табло: Женская команда округа Бриджер, ЛСС¹², 42: Женская команда Файетта, ЛСС, 34.) Как мог бы сказать Клинт: «Ха, это интересно. Хочешь рассказать мне что-то еще?»

– Сейчас сплошные распродажи, – болтала Иви. – Стиральные машины. Грили. Куклы, которые едят пластмассовую еду, а потом какают ею. В магазин войдешь – скидки сплошь.

– Понятно, – ответила Лайла с таким видом, будто женщина говорила по делу. – Как вас зовут?

– Иви.

Лайла обернулась.

– А фамилия? Какая у вас фамилия?

¹² Любительский спортивный союз.

Скулы женщины были точеными и высокими. Светло-карие глаза поблескивали. Ее смуглая кожа имела, по мнению Лайлы, была того оттенка, как если бы она родилась на берегу Средиземного моря, указывала на средиземноморское происхождение, а эти черные волосы!.. Пятно крови засохло на лбу.

– А она мне нужна? – спросила Иви.

И эта фраза подтверждала уже сделанный Лайлой вывод: ее новая знакомая определенно находилась под сильным наркотическим кайфом.

Лайла отвернулась, нажала педаль газа, взяла микрофон.

– База, это первый. Мною арестована женщина, я встретила ее к северу от лесопилки на Боллс-Хилл. Она в крови, так что нам понадобится оборудование для анализов. Еще ей нужен защитный комбинезон из тайвека. И вызови «Скорую». Она чем-то закинулась.

– Принято, – ответила Линни. – Терри говорит, в том трейлере жуткое месиво.

– Принято. – Иви радостно рассмеялась. – Жуткое месиво. Принесите еще полотенца. Только не новые, ха-ха-ха. Принято.

– Первый, конец связи. – Лайла повесила микрофон на крючок. Посмотрела на Иви в зеркало заднего вида. – Сидите тихо, мэ. Я арестовала вас по подозрению в убийстве. Это серьезно.

Они приближались к административной границе города.

Лайла остановила патрульный автомобиль у знака «Стоп» на перекрестке Боллс-Хилл и Уэст-Лейвин. Уэст-Лейвин вела к тюрьме. На противоположной стороне дороги стоял щит с предупреждением: подсаживать попутчиков опасно.

– Вы ранены, мэм?

– Еще нет, – ответила Иви. – Но, хей! Трипл-дабл. Очень даже неплохо.

Что-то сверкнуло в голове Лайлы, мысленный эквивалент блестящего пятнышка на песке, тут же смытого следующей волной.

Она вновь посмотрела в зеркало заднего вида. Иви закрыла глаза и откинулась на спинку. Надумала отключиться?

– Мэм, вас тошнит?

– Вам лучше поцеловать вашего мужа перед сном. Поцелуйте его на прощание, пока у вас еще есть шанс.

– Конечно... – начала Лайла, но тут женщина метнулась вперед, врезавшись головой в разделительную сетку. Лайла инстинктивно дернулась при ударе. Сетчатый барьер зазвенел и завибрировал. – А ну хватит! – крикнула она, аккуратно перед тем, как Иви врезалась в сетку второй раз. Лайла заметила улыбку на лице, кровь на зубах, потом сетку сотряс третий удар.

Лайла уже собралась вылезти, чтобы обойти машину сзади и обездвигить женщину разрядом тазера, для ее же собственного блага, но третий удар оказался последним. Иви упала на заднее сиденье, шумно и радостно дыша, словно бе-

гунья, только что пересекшая финишную черту. Кровь текла у нее изо рта, носа, пореза на лбу.

– Трипл-дабл! Все точно! – воскликнула Иви. – Трипл-дабл! Трудный день!

Лайла взяла микрофон и сообщила Линни о перемене планов. Она хотела, чтобы по приезде их встретил государственный защитник. И судья Сильвер, если старик сделает им одолжение и придет в управление шерифа.

2

Лис наблюдал из зарослей комптонии, доходившей ему до живота, как Эсси распаковывает тележку.

Конечно, он не называл ее Эсси или каким-то другим именем. Для него она была еще одним человеческим существом. Но в любом случае лис наблюдал за ней достаточно давно – как под солнцем, так и под луной, – чтобы считать жалкий навес из полиэтиленовой пленки и кусков брезента лисьей норой. Лис также понимал, что четыре куска зеленого стекла, которые она расставила полукругом и называла «девочками», имели для нее большое значение. В отсутствие Эсси лис обнюхал их – никакой жизни – и ознакомился со всеми ее небогатыми пожитками. Его внимание привлекли только банки из-под супа, которые он тщательно вылизал.

Он точно знал, что Эсси не представляет угрозы, но он был старым лисом, а с избытком уверенности старым лисом

не стать. Таковым становятся благодаря осмотрительности и предприимчивости, спариваясь как можно чаще, но избегая постоянства, никогда не пересекая дорогу при дневном свете и зарываясь как можно глубже в добрый мягкий суглинок.

Однако этим утром он мог особо не осторожничать. Поведение Эсси целиком и полностью укладывалось в привычные рамки. Вытащив из тележки мешки и различные загадочные предметы, она сообщила стекляшкам, что мамочке нужно немного вздремнуть. «Не дурачьтесь, девочки», – предупредила Эсси, залезла под навес и легла на кучу чехлов для перевозки мебели, которая служила ей матрасом, при этом ее голова оказалась за пределами навеса.

Пока Эсси засыпала, лис молчаливо оскалился на верхнюю половину мужского манекена, которую бомжиха поставила на листья у навеса, но манекен никак не отреагировал. Вероятно, был таким жедохлым, как зеленое стекло. Лис грыз лапу и ждал.

Скоро дыхание старой женщины обрело ритм сна: после каждого глубокого вдоха следовал свистящий выдох. Лис неторопливо поднялся с комптонии и сделал несколько шагов к навесу. Ему требовалось точно просчитать, каковы намерения манекена, или убедиться в полном их отсутствии. Лис оскалился шире. Манекен не отреагировал и на это. Да, определеннодохлый.

Лис подошел к навесу поближе и остановился. Что-то белое появлялось на голове спящей женщины, какие-то белые

нити, вроде паутины. Поднимались со щек, расправлялись, прилипали к коже, покрывая ее. Новые нити вытягивались из тех, что уже лежали, быстро формируя маску, которая сначала закрыла лицо, а потом и всю голову. В сумраке навеса кружили мотыльки.

Лис отступил на несколько шагов, принюхался. Ему не нравились эти белые нити. Они точно были живые, но с такой живностью он еще не сталкивался. Даже на расстоянии от этой белизны шел сильный запах, который тревожил лиса: в нем смешивались плоть и кровь, разум и голод, а еще пахло глубокой-преглубокой землей, норой всех лисьих нор. И кто спал в этой великой норе? Не лис, насчет этого двух мнений быть не могло.

Принюхивание перешло в скулеж, лис развернулся и потрусил на запад. Уловил новые звуки – кто-то шел по лесу следом за ним – и помчался со всех лап.

3

После того как он помог Оскару Сильверу предать завернутую в потертое махровое полотенце Какао земле, Фрэнк проехал два коротких квартала до дома 51 по Смит-лейн, за который продолжал выплачивать ипотеку и в котором, после их с Элейн разрыва, жили только она и их двенадцатилетняя дочь.

Еще два года назад, пока бюджет штата это позволял,

Элейн была социальным работником, но теперь работала на полставки в одном из магазинов благотворительной организации «Гудвилл» и была волонтером на двух продуктовых складах и в Центре планирования семьи в Мейлоке. Плюс заключался в том, что отпала необходимость нанимать человека, который присматривал бы за Наной. Когда заканчивался учебный день, никто не возражал, если Нана находилась в магазине с матерью. Минус состоял в другом: они могли лишиться дома.

Фрэнк это тревожило больше, чем Элейн. Собственно, ее это, похоже, совершенно не тревожило. Она, конечно, все отрицала, но Фрэнк подозревал, что она рассчитывала использовать продажу дома как предлог для переезда в другой регион, возможно, в Пенсильванию, где проживала ее сестра. Если бы это произошло, Фрэнк виделся бы с дочерью не раз в две недели по выходным, а раз в два месяца, в лучшем случае.

За исключением этих гостевых дней он всеми силами старался избегать дома. А если удавалось договориться с Элейн, чтобы та привезла дочь к нему, предпочитал этот вариант. Воспоминания, связанные с домом, рвали душу: чувство несправедливости и неудачи, заделанная дыра в стене на кухне. Фрэнк чувствовал, что его обманом вышвырнули из собственной жизни, лучшая часть которой прошла именно в доме 51 по Смит-лейн, аккуратном, простеньком фермерском доме с уткой на почтовом ящике, которую нарисовала его

дочь.

Однако из-за зеленого «мерседеса» визит стал неизбежным.

Сворачивая к тротуару, он заметил Нану, рисовавшую мелом на подъездной дорожке. Этим обычно занимались дети помладше, но у его дочери открылся талант к рисованию. В прошлом учебном году она получила второй приз на конкурсе закладок, который провела местная библиотека. Нана нарисовала «стаю» книг, летящих, как птицы, на фоне облаков. Фрэнк заказал для рисунка рамку и поставил в своем кабинете. Он все время на него смотрел. Это же прекрасно – книги, летящие в воображении маленькой девочки.

Нана сидела, скрестив ноги, в солнечном свете, подсунув под попу автомобильную шину и разложив веером радугу мелков. Помимо художественного дара, а может, именно благодаря ему, Нана умела везде устраиваться поудобнее. Она была неторопливым, мечтательным ребенком, скорее в отца, чем в энергичную мать, которая никогда не ходила во-круг да около, а сразу брала быка за рога.

Фрэнк наклонился, распахнул дверцу пикапа.

– Эй, Ясноглазка. Подойди сюда.

Она прищурилась, глядя на него.

– Папуля?

– Насколько мне известно, да. – Он старательно улыбнулся. – Пожалуйста, подойди.

– Прямо сейчас? – Она уже смотрела на свой рисунок.

– Да. Немедленно. – Фрэнк глубоко вдохнул.

Он начал, как выражалась Элейн, «заводится», только когда собрался уезжать от судьи. То есть начал выходить из себя. Но с ним такое случалось крайне редко, что бы она ни думала. А сегодня? Поначалу все было хорошо. Потом, сделав пять шагов по лужайке Оскара Сильвера, он словно задел невидимый переключатель. Иногда такое происходило. Как в тот вечер, когда Элейн достала его из-за криков на родительском собрании и он пробил дыру в стене. Нана убежала наверх, плача, не понимая, что иногда ты бьешь *что-то*, чтобы не ударить *кого-то*. Или эта история с Фрицем Мишем, когда он действительно отчасти потерял контроль над собой. Но Мишем получил по заслугам. Любой, кто делает такое с животным, заслуживает наказания.

На месте кошки мог оказаться мой ребенок, подумал он, шагая по траве. А потом – *бум!* Словно время – шнурок, и его следующий отрезок, до того момента, как он сел за руль, завязался в тугой узел. Потому что внезапно он оказался за рулем, по пути к своему дому на Смит-лейн, но не мог вспомнить, как пересекал тротуар и залезал в кабину. Его ладони вспотели, щеки покраснелись, и думал он только, что на месте кошки мог оказаться его ребенок, только это была не мысль, а, скорее, мигающее послание на светодиодном экране:

недосмотр недосмотр недосмотр
мой ребенок мой ребенок мой ребенок

Нана не спеша положила пурпурный мелок на пустое место между оранжевым и зеленым. Поднялась с автомобильной шины, постояла пару секунд, отряхивая цветастые желтые шорты и задумчиво потирая перепачканные мелом подушечки пальцев.

– Милая. – Фрэнк едва сдерживался, чтобы не перейти на крик. Потому что, смотрите сами, она прямо здесь, на подъездной дорожке, где какой-то пьяный говнюк на дорогом автомобиле мог ее раздавить!

мой ребенок мой ребенок мой ребенок

Нана шагнула к нему, остановилась, вновь посмотрела на пальцы с очевидным недовольством.

– Нана! – Фрэнк все еще перегибался через консоль. Он хлопнул по пассажирскому сиденью. Сильно. – Сядь сюда!

Девочка вскинула голову, на лице отразился испуг, словно ее внезапно разбудил раскат грома. Волоча ноги, она двинулась к пикапу, а когда добралась до распахнутой дверцы, Фрэнк схватил ее за футболку на груди и потянул к себе.

– Эй! Ты растянешь мою футболку! – воскликнула Нана.

– Не важно, – ответил Фрэнк. – Твоя футболка – ерунда. Я скажу тебе, что не ерунда, поэтому слушай внимательно. Кто ездит на зеленом «мерседесе»? В каком он живет доме?

– Что? – Нана пыталась оторвать его пальцы от своей футболки. – О чем ты говоришь? Ты порвешь мне футболку!

– Ты меня слышишь? Забудь про эту гребаную футболку! – Слова сорвались с губ, и он сразу об этом пожалел, но

при этом ощутил удовлетворенность, потому что ее взгляд сместился с футболки на его лицо. Наконец-то она обратила на него внимание. Нана моргнула, глубоко вдохнула. – Ну вот, а теперь, когда твоя голова не витает в облаках, давай во всем разберемся. Ты говорила мне о человеке, в дом которого заводишь газету. Он ездит на зеленом «мерседесе». Как его зовут? В каком он живет доме?

– Имени не помню. Извини, папуля. – Нана прикусила нижнюю губу. – Он живет рядом с домом, перед которым большой флаг. У него забор. На Бриаре. Вершина холма.

– Ладно. – Фрэнк отпустил футболку.

Нана не шевельнулась.

– Ты перестал злиться?

– Милая, я не злился. – Она молчала. – Хорошо, злился. Немного. Но не на тебя.

Дочь не смотрела на него. Вновь терла свои чертовы пальцы. Он ее любил, она была ему дороже всех на свете, но иногда у него возникали сомнения, а в реальном ли мире она живет?

– Спасибо тебе. – Кровь отхлынула от лица, пот охлаждал кожу. – Спасибо тебе, Ясноглазка.

– Само собой, – ответила Нана и отступила на шаг. Этот звук соприкосновения подошвы кроссовки с тротуаром Фрэнку показался настоящим грохотом.

Он выпрямился на водительском кресле.

– И вот еще что. Окажи мне услугу, уйди с подъездной

дорожки. По крайней мере, на это утро, пока я кое с чем не разберусь. Кто-то носится по улицам как полоумный. Порисуй на бумаге, в доме. Хорошо?

Девочка кусала нижнюю губу.

– Хорошо, папуля.

– Ты не собираешься плакать?

– Нет, папуля.

– Отлично. Это моя девочка. Увидимся на следующих выходных, идет?

Он осознал, что у него пересохли губы. Спросил себя, а что еще ему следовало сделать, и внутренний голос тут же ответил: «А что еще ты *мог* сделать? Может, мог, ну, не знаю, Фрэнк, наверное, это звучит дико, но, может, ты мог *не беситься?*» Этот голос был некой веселенькой версией собственного голоса Фрэнка и принадлежал человеку в солнцезащитных очках, который откинулся на шезлонге на лужайке и, возможно, пил ледяной чай.

– Идет. – Она кивнула, как робот.

У нее за спиной было нарисовано дерево. Раскидистая крона занимала половину подъездной дорожки, сучковатый ствол пересекал ее. Мох свисал с ветвей, вокруг росли цветы. Корни уходили к подземному озеру.

– Мне нравится твой рисунок. – Он улыбнулся.

– Спасибо, папуля, – ответила Нана.

– Я просто не хочу, чтобы ты пострадала. – Его улыбку словно прибили к лицу гвоздями.

Дочь шмыгнула носом и снова автоматически кивнула. Фрэнк знал, что она борется со слезами.

– Эй, Нана... – начал он, но слова застряли в горле, потому что вновь вмешался внутренний голос, говоря, что на сегодня с нее хватит. Нужно просто оставить дочь в покое.

– Пока, папа.

Она протянула руку и мягко захлопнула дверцу пикапа. Развернулась и пошла по подъездной дорожке, разбрасывая мелки, топча дерево, смазывая зеленое и черное. Опустив голову, с подрагивающими плечами.

Дети, сказал он себе, не всегда могут оценить твои старания сделать все правильно.

4

За ночь на столе Клинта добавились три рапорта.

Первый был предсказуемым, ностораживающим: один из дежурных ночной смены опасался, что Энджел Фицрой что-то замышляет. Перед самым отбоем Энджел пыталась втянуть дежурного в семантический спор. Администрация тюрьмы жестко требовала единого обращения к сотрудникам: дежурный. Синонимы вроде охранника или тюремщика не принимались, не говоря уже о говнюке или мудиле. Энджел спросила дежурного Уэттермора, понимает ли тот английский. *Разумеется*, они были охранниками, сказала Энджел. Они могли быть и дежурными, само собой, но не могли

не быть охранниками, потому что охраняли. Ведь они охраняли заключенных? Если ты печешь хлеб, разве ты не пекарь? Если копаешь землю, разве не землекоп?

Предупредил заключенную, что рациональная дискуссия закончена и ее ждут последствия, если она немедленно не замолчит и не войдет в камеру, написал Уэттермор. Заключенная подчинилась и вошла в камеру, но потом спросила: «Как заключенные могут следовать правилам, если слова в этих правилах лишены здравого смысла?» Угрожающим тоном.

Энджел Фицрой входила в число тех немногих женщин в тюрьме, которых Клинт считал по-настоящему опасными. Основываясь на общении с ней, он практически не сомневался, что она социопат. Он не видел в ней ни проблеска эмпатии, а ее послужной список за время заключения пестрел нарушениями: наркотики, драки, угрожающее поведение.

«Что бы ты почувствовала, Энджел, если бы мужчина, на которого ты напала, скончался от полученных травм?» – как-то спросил он ее на сеансе групповой терапии.

«Э... – Энджел глубже вжалась в спинку стула, прошлась взглядом по стенам его кабинета. – Я бы почувствовала... Наверное, очень бы огорчилась. – Она чмокнула губами, уставилась на репродукцию Хокни. – Посмотрите на картину, девочки. Не хотите оказаться в том месте?»

И хотя срок за умышленное нанесение телесных повреждений она получила приличный – мужчина на стоянке для грузовиков сказал Энджел что-то ей не понравившееся, и

она сломала ему нос бутылкой кетчупа, – судя по всему, ей удавалось выйти сухой из воды после куда более тяжелых преступлений.

Детектив из Чарлстона приезжал в Дулинг, рассчитывая на помощь Клинта в одном расследовании, связанном с Фицрой. Детектива интересовала информация, имевшая отношение к смерти хозяина дома, в котором Энджел снимала квартиру. Случилось это за пару лет до ее нынешнего тюремного заключения. Энджел была единственной подозреваемой, но с преступлением ее связывало только проживание в квартире убитого, не было даже мотива. Однако Клинт знал, что никакого мотива Энджел и не требовалось. Она могла взорваться, не досчитавшись двадцати центов в сдаче. Чарлстонский детектив буквально смаковал подробности, описывая труп хозяина дома. «Все выглядело так, будто старик упал с лестницы и сломал шею. Но коронер сказал, что жертве пришлось помучиться. По его словам, яйца жертвы... не помню точно, как он выразился, кажется, разможили. В общем, расплющили».

У Клинта не было привычки делиться конфиденциальной информацией о своих пациентах, о чем он и сказал детективу, но потом упомянул о его визите в разговоре с Энджел.

Она с неискренним изумлением спросила:

«Яйца можно разможить?»

Теперь он сделал себе мысленную пометку заглянуть сегодня к Энджел, составить сейсмический прогноз.

Второй рапорт касался показаний заключенной, которая прошлым вечером занималась уборкой. Она сообщила о нашествии мотыльков на тюремной кухне. Дежурный Мерфи никаких мотыльков не обнаружил. *Заключенная добровольно сдала мочу на анализ. Ни спиртного, ни наркотиков не обнаружено.*

Из этого рапорта следовало: заключенная приложила немало сил, чтобы довести дежурного до белого каления, а дежурный нашел, как с ней расплатиться. Клинт не испытывал ни малейшего желания углубляться в ситуацию. Просто зарегистрировал и убрал рапорт.

Последнее ночное происшествие касалось Китти Макдэвид.

Дежурный Уэттермор записал некоторые из ее высказываний: *Черная Ангелица поднялась из корней и спустилась с ветвей. Ее пальцы – смерть, ее волосы полны паутины, сон – царствие ее.* Ей вкололи дозу галоперидола и переправили в крыло А.

Клинт вышел из кабинета и через административную зону направился в восточную часть тюрьмы, где находились камеры. Формой тюрьма напоминала строчную букву t. Длинная центральная линия – коридор, известный как Бродвей, – тянулась параллельно шоссе номер 17, или Уэст-Лейвин-роуд. Административные офисы, коммуникационный центр, комната дежурных, комната персонала и учебные классы находились в западной части Бродвея. Другой коридор, Главная

улица, шел перпендикулярно Уэст-Лейвин. Главная улица начиналась от парадной двери тюрьмы. На ней находились мастерская, подсобное помещение, прачечная и спортивный зал. По другую сторону Главной улицы Бродвей продолжался на восток, минуя библиотеку, столовую, комнату для посетителей, лазарет и приемник-распределитель, прежде чем подойти к трем крыльям с камерами.

Защитная дверь отделяла камеры от Бродвея. Клинт остановился перед ней, нажал кнопку вызова, сообщая дежурному в Будке, что хочет войти. Загудел зуммер, замки открылись. Клинт вошел.

Три крыла, А, Б и В, напоминали клешню, в основании которой находилась Будка, похожее на сарай сооружение из пуленепробиваемого стекла. В Будке стояли мониторы системы видеонаблюдения и пульт связи.

Хотя заключенные по большей части находились вместе и во дворе, и в других местах, по крыльям их расселяли в соответствии с теоретической опасностью, которая могла исходить от каждого. В тюрьме было шестьдесят четыре камеры. Двенадцать в крыле А, двенадцать в крыле В, сорок в крыле Б. В крыльях А и В камеры находились на первом этаже, крыло Б было двухэтажным.

Крыло А служило медицинским целям, хотя там жили некоторые заключенные, которые считались «спокойными». Их камеры располагались в дальнем конце коридора. В крыле Б жили не только «спокойные», но и «остепенившиеся»,

вроде Китти Макдэвид. Крыло В предназначалось для бунтарок.

Это крыло было наименее населенным, половина камер там пустовала. На случай нервного срыва или серьезного нарушения дисциплины существовала официальная процедура перевода заключенной из отведенной ей камеры в «наблюдательную» крыла В. Эти камеры заключенные называли «дрочильными», потому что видеонаблюдение там велось круглосуточно. Подразумевалось, что мужчины-дежурные могли ублажать себя, шпионя за заключенными. Но этот контроль был необходим. Только так дежурные успели бы вмешаться, если бы какая-нибудь заключенная захотела причинить себе вред или даже наложить на себя руки.

В это утро в Будке дежурила капитан Ванесса Лэмпли. Она отвернулась от пульта и открыла дверь Клинту. Он сел рядом и попросил вывести на экран камеру А-12, чтобы проверить, как там Макдэвид.

– *Давайте посмотрим видеопленку!* – радостно воскликнул Клинт.

Лэмпли недоуменно посмотрела на него.

– *Давайте посмотрим видеопленку!* Любимая фраза Уорнера Вольфа.

Лэмпли вновь пожала плечами и открыла камеру А-12 для визуальной инспекции.

– Он спортивный комментатор.

Ванесса вновь пожала плечами.

– Извини. Должно быть, не застала.

Клинт подумал, что это странно, Уорнер Вольф был легендой, но не стал развивать тему, а внимательно всмотрелся в экран. Китти лежала в позе эмбриона, уткнувшись лицом в руки.

– Заметила что-то необычное?

Лэмпли покачала головой. Она заступила на вахту в семь утра, и Макдэвид все это время крепко спала.

Клинта это не удивило. Галоперидол был действенным препаратом. Клинт тревожился за Китти, мать двоих детей, которую посадили за подделку рецептов. В идеальном мире Китти никогда не попала бы в тюрьму. Она была биполярной наркоманкой, не закончившей школу.

Удивляло, как в данном случае проявилась ее биполярность. В прошлом она была депрессивной. Маниакальный приступ, случившийся с ней этой ночью, стал для Клинта полнейшей неожиданностью. Ему казалось, что прописанный им курс лития давал прекрасные результаты. Более полугода Китти отличало ровное настроение, по большей части приподнятое, без заметных пиков или спадов. И она приняла решение выступить свидетелем обвинения на процессе братьев Грайнеров, не только проявив личную смелость, но и заложив неплохую основу для пересмотра своего приговора. Были все основания верить, что вскоре после процесса она вполне может выйти на свободу, пусть и условно-досрочно. Они уже начали обсуждать условия жизни в реабилитацион-

ном центре для бывших заключенных, что сделает Китти, когда впервые поймет, что кто-то ее поддерживает, как она будет налаживать отношения с детьми. Или такое будущее показалось ей слишком радужным?

Лэмпли, должно быть, почувствовала его озабоченность.

– С ней все будет хорошо, док. Это был единичный случай, вот что я думаю. Возможно, полнолуние. Со всем прочим у нас задница, сам понимаешь.

Коренастая Ванесса Лэмпли, ветеран тюремной службы, была прагматичной и добросовестной, это, собственно, и требовалось от руководителя. К тому же, что было не лишним, она активно и успешно занималась армрестлингом. Под серыми рукавами формы бугрились бицепсы.

– Ах да, – кивнул Клинт, вспомнив автомобильную аварию, упомянутую Лайлой. Пару раз он приходил на вечеринки, которые устраивала Ван по случаю дня рождения. Она жила по другую сторону горы. – Тебе, наверное, пришлось ехать на работу кружным путем. Лайла мне говорила, что перевернулась фура. По ее словам, дорогу пришлось расчищать бульдозером.

– Хм, – ответила Ван. – Ничего такого я не видела. Должно быть, расчистили раньше. До того, как я выехала. Я про Уэст и Рикман. – Джоди Уэст и Клер Рикман работали в тюрьме фельдшерами. Как и Клинт, только в дневную смену, с девяти до пяти. – Они не пришли на работу. Так что по медицинской части у нас никого. Коутс рвет и мечет. Говорит,

что она...

– Ты ничего не видела на горе? – Разве Лайла не сказала, что авария произошла на Маунтин-Рест-роуд? Клинт не сомневался – точнее, почти не сомневался, – что она так и сказала.

Ван покачала головой.

– Не первый раз, между прочим. – Она улыбнулась, продемонстрировав полный рот желтеющих зубов. – Прошлой осенью на той дороге фура уже переворачивалась. Это был тихий ужас. Из «Пэтсмарта», знаешь ли. Всю дорогу завалило наполнителем для кошачьих лотков и собачьей едой.

5

Трейлер, принадлежавший покойному Труману Мейвезеру, выглядел хреново и раньше, когда Терри Кумбс приезжал сюда в последний раз (чтобы утихомирить домашнюю склоку, в которой оказалась замешана одна из многочисленных «сестер» Трумана, вскоре уехавшая), но этим утром он навевал мысли о чаепитии в аду. Мейвезер распластался под обеденным столом, часть его мозгов прилипла к голой груди. Повсюду валялась мебель (по большей части купленная на придорожных распродажах или в магазинах вроде «Доллар дисконт» и «Чептер 11»¹³. Телевизор лежал экраном вниз

¹³ «Доллар дисконт» и «Чептер 11» – магазины дешевых товаров; второй назван в честь главы 11 Кодекса США о банкротстве.

на ржавом поддоне душевой кабинки. В раковине тостер соседствовал с кроссовкой «Конверс», заклеенной изолентой. Стены были забрызганы кровью. Второй труп стоял на коленях, голова торчала снаружи, а над джинсами без ремня виднелся голый зад. В бумажнике на полу нашлось удостоверение личности мистера Джейкоба Пайла из Литл-Рока, штат Арканзас.

Это какая нужна сила, чтобы пробить стену головой человека? – задался вопросом Терри. Да, стены у трейлера тонкие, но тем не менее.

Он все сфотографировал, как положено, потом снял круговую панораму на один из айпадов управления шерифа. Задержался на пороге, чтобы переслать фотоулики Линни Марс, дабы та распечатала весь комплект фотографий для Лайлы и завела два дела, одно электронное, одно бумажное. Лайле Терри отправил короткое сообщение: *Знаю, что вы устали, но вам лучше приехать.*

Вдали послышался характерный приближающийся шум единственной полностью оборудованной «Скорой» из больницы Святой Терезы. Ее сирена не мощно ревела, а суетливо подвывала.

Роджер Элзуэй натягивал желтую ленту с повторяющейся надписью «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ. НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ». Из уголка его рта свисала сигарета. Терри крикнул ему со ступенек трейлера:

– Если Лайла застанет тебя на месте преступления с ды-

мющейся сигаретой, она оторвет тебе все, что болтается.

Роджер вытащил сигарету изо рта, внимательно оглядел, словно никогда прежде не видел, затушил о подошву и сунул окурочек в нагрудный карман.

– Кстати, а где Лайла? Помощник окружного прокурора уже в пути, он наверняка рассчитывает ее увидеть.

Подкатила «Скорая», двери раскрылись, Дик Бартлетт и Энди Эмерсон, фельдшеры, с которыми Терри пересекался раньше, выскочили из автомобиля, натягивая перчатки. Один нес носилки, второй – укладку со всем необходимым для оказания первой помощи, которую они называли «Первой сумкой».

Терри хмыкнул.

– Только помощник, да? У нас два трупа, но главного козла мы не заслужили?

Роджер пожал плечами. Бартлетт и Эмерсон тем временем сбавили взятый поначалу темп и остановились у трейлера, неподалеку от торчавшей из стены головы.

– Не думаю, что этому господину наши усилия принесут хоть какую-то пользу, – заметил Эмерсон.

Бартлетт указал затянутым в латекс пальцем на шею покойника:

– По-моему, у него вытатуирован мистер Хэнки.

– Рождественская какашка из «Южного Парка»? Серьезно? – Эмерсон подошел ближе, пригляделся. – Да. Так и есть.

– *Приве-е-тики!* – пропел Бартлетт.

– Эй, – крикнул Терри. – Это, конечно, здорово, парни. Вам следует попробовать себя на ютьюбе. Но сейчас у нас еще один труп в трейлере, а в нашем патрульном автомобиле сидит женщина, которой нужна помощь.

– Ты уверен, что хочешь ее будить? – Роджер кивнул на четвертый. Прядь тусклых, грязных волос прилипла к стеклу. – Подруга в отключке. Одному Богу известно, чем она закинулась.

Бартлетт и Эмерсон через замусоренный двор направились к патрульному автомобилю. Бартлетт постучал в стекло.

– Мэм? Мисс? – Никакой реакции. Он постучал громче. – Давай, просыпаемся, просыпаемся! – Тот же результат. Он взялся за ручку, попытался открыть дверцу, когда не получилось, повернулся к Терри и Роджеру. – Здесь нужна ваша помощь.

– Ох, – сказал Роджер. – Верно.

Он нажал кнопку на брелоке. Дик Бартлетт распахнул дверцу, и Тиффани Джонс вывалилась, как куль грязного белья. Бартлетт успел подхватить ее, прежде чем она ударилась головой о поросший сорняками гравий.

Эмерсон бросился к ним. Роджер остался на месте, на его лице отражалось раздражение.

– Если она откинет копыта, Лайла выпрыгнет из штанов. Она единственная свидетельница...

– Что с ее лицом? – спросил Эмерсон потрясенным голосом. – Что с ее чертовым лицом?

После этих слов Терри не мог оставаться в стороне. Он направился к патрульному автомобилю, где фельдшеры осторожно уложили Тиффани на землю. Сам не зная почему, Терри схватил ее за волосы, но торопливо отпустил, когда что-то склизкое зашевелилось между пальцами. Он вытер руку о рубашку. В волосах виднелось нечто белое, напоминавшее мембрану. Эта же белая дрянь покрывала лицо, черты Тиффани смутно проглядывали сквозь белизну, словно она накинула плотную вуаль, какие пожилые дамы носили на шляпах в церкви, даже теперь, в этой благословенной Иисусом стране.

– Что это такое? – Терри продолжал вытирать руку о рубашку. Белое вещество казалось отвратительно липким, кожу пощипывало. – Паутина?

Роджер заглядывал ему через плечо, его глаза широко раскрылись от удивления и отвращения.

– Это дерьмо вылезает из ее носа, Тер! И глаз! Да что это за хрень?

Фельдшер Бартлетт ухватил щепоть белой мерзости с челюсти Тиффани и вытер руку о свою рубашку, но прежде чем он это сделал, Терри заметил, что неведомое вещество вроде бы начинает таять, как только отрывается от лица женщины. Он посмотрел на свою руку: кожа сухая и чистая. И на форме ничего нет, хотя несколько секунд назад было.

Эмерсон прижал пальцы к шее Тиффани.

– Пульс есть. Хороший, ровный. И дышит она нормально.

Я вижу, как это дерьмо поднимается и всасывается. Доставай «МАБИС».

Бартлетт вытащил из «Первой сумки» оранжевый универсальный набор «МАБИС». После короткого колебания достал также две упаковки одноразовых перчаток. Одну протянул Эмерсону, вторую оставил себе. Терри наблюдал, жалея о том, что прикоснулся к липкой гадости на коже Тиффани. А вдруг она ядовитая?

Они измерили давление, и Эмерсон сказал, что оно в норме. Обсудили, очищать глаза от белой пленки, чтобы проверить зрачки, или нет, и, сами того не зная, приняли лучшее в своей жизни решение: не очищать.

Пока они говорили, Терри заметил то, что ему решительно не понравилось: затянутый белой паутиной рот медленно открывался и закрывался, словно Тиффани жевала воздух. Язык стал белым. Волокна вырастали из него и покачивались, как планктон.

Бартлетт поднялся.

– Если у вас нет возражений, мы лучше отвезем ее в больницу. Если есть, так и скажите, потому что состояние у нее стабильное... – Он повернулся к Эмерсону, который кивнул.

– Посмотрите на ее глаза, – сказал Роджер. – Они же белые. Меня сейчас вырвет.

– Ладно, забирайте, – решил Терри. – Сомневаюсь, что нам удастся ее допросить.

– А эти трупы? – спросил Бартлетт. – На них эта гадость

тоже растет?

– Нет. – Терри показал на торчавшую из стены голову. – Этого вы видите сами. На Трумане, который внутри, тоже ничего нет.

– А в раковине? – уточнил Бартлетт. – В унитазе? В душевой? Я про места, где много влаги.

– В душевой телевизор, – вырвалось у Терри. Он не ответил на вопрос, сказал глупость, но ничего другого ему в голову не пришло. Кроме разве что еще одной глупости: «Скрипучее колесо» уже открылось? Рановато, конечно, но в такое утро человек имеет право на один, а то и два стакана пива. Должна быть такая привилегия после отвратительных трупов и жуткой гадости на человеческих лицах. Терри продолжал смотреть на Тиффани Джонс, которую медленно, но верно поглощало это странное белое вещество. Однако заставил себя ответить на вопрос: – Только на ней.

И тут Роджер Элуэй озвучил мысль, которая вертелась в голове у каждого:

– Парни, а если эта хреновина заразная?

Никто не ответил.

Терри краем глаза уловил движение и развернулся к трейлеру. Поначалу решил, что с крыши поднялась туча бабочек, но бабочки всегда яркие, а эти были коричнево-серыми. Не бабочки – мотыльки. Сотни мотыльков.

Двенадцатью годами ранее, в душный день позднего лета, в службу по контролю за бездомными животными поступил звонок о еноте, забравшемся под амбар, который местная епископальная церковь переоборудовала под пастырский центр. Тревогу вызывало возможное бешенство животного. Фрэнк приехал сразу. Надел маску и перчатки до локтей, забрался под амбар, направил луч фонаря на енота, который тут же метнулся в сторону, как и положено здоровому зверю. На том бы все и закончилось (бешеные еноты – серьезная проблема, но не здоровые), если бы красивая женщина двадцати с небольшим лет, которая показала Фрэнку дыру под амбаром, не предложила ему стакан синего «Кул-эйда» с распродажи выпечки, проходившей на автомобильной стоянке. Вкус Фрэнку не понравился – слишком разбавленный, маловато сахара, – но он выпил этой бурды на три доллара, чтобы постоять на жухлой траве церковного двора, болтая с этой женщиной, потому что внутри у него все трепетало от ее восхитительного заливистого смеха и манеры упирать руки в бедра.

– Не пора ли вам вернуться к выполнению своих обязанностей, мистер Джиэри? – наконец спросила Элейн присутствующим ей тоном, обрубая разговор ни о чем и переходя к делу. – Я с радостью позволю вам куда-нибудь меня пригла-

силь, если вы избавите нас от этого безобразника, который убивает живых существ под полом церкви. Такое у меня предложение. И у вас губы посинели.

Он вернулся после работы и заколотил досками дыру под амбаром – извини, енот, но мужчина должен делать то, что должен, – а потом повез свою будущую жену в кино.

Двенадцать лет тому назад.

Так что же случилось? Была ли причина в нем, или их совместная жизнь исчерпала себя?

Долгое время Фрэнк думал, что у них все отлично. Ребенок, дом, хорошее здоровье. Разумеется, были и проблемы. Денег едва хватало. Нана была не самой прилежной ученицей. Иногда у Фрэнка возникало ощущение... ну... заботы выматывали его, а в таком состоянии он становился *нервным*. Но недостатки были у всех, и за двенадцать лет человек может сорваться. Вот только его жена воспринимала ситуацию иначе. И восемью месяцами ранее подробно объяснила ему, как именно.

Своим мнением она поделилась с ним после знаменитого удара в стену. А незадолго до знаменитого удара в стену она сказала ему, что отдала восемьсот долларов своей церкви, которая проводила кампанию по сбору средств на прокорм детей в какой-то чудовищно далекой, никому не ведомой части Африки. Фрэнк не был бессердечным: он сочувствовал страдающим. Но ты не отдаешь деньги, которые не можешь позволить себе отдать. Ты не рискуешь благополу-

чием собственного ребенка, чтобы помочь чьим-то еще детям. И вот что странно: известие о том, что ежемесячный взнос по ипотеке улетел за океан, не стало причиной знаменитого удара в стену. Удар этот вызвали последующие слова Элейн и выражение лица, пренебрежительное и непреклонное, с которым она их произносила: *Это было мое решение, потому что это были мои деньги*. Как будто брачные обеты, которые она давала, ничего не значили для нее все эти одиннадцать лет, как будто она могла делать все, что заблагорассудится, не ставя его в известность. Вот тогда он и врезал по стене (*стене* – не *Элейн*), и Нана убежала наверх, рыдая, а Элейн безапелляционно заявила: «Скоро ты сломаешься и начнешь срывать злость на нас, малыш. Придет день, когда это будет не стена».

И ни слова, ни дела Фрэнка не могли ее переубедить. Она предоставила ему выбор: разъехаться или развестись. Фрэнк выбрал первое. И ее предсказание не сбылось. Он не сломался. И точно знал, что такого не случится. Он чувствовал в себе силу. Потому что ему было кого защищать.

Но без ответа оставался весьма важный вопрос: что она пыталась этим доказать? Какая ей польза от того, что она ему все это устроила? Дело в каком-то неразрешенном конфликте детства? Или обычном, простом садизме?

Как бы там ни было, происходящее казалось нереальным. И чертовски бессмысленным. Естественно, он, как и любой афроамериканец в Триокружье (да и в любом округе Со-

единенных Штатов), к тридцати восьми годам повидал много чего бессмысленного: расизм, в конце концов, – идеальный пример. Он вспомнил дочь какого-то шахтера, с которой учился в первом или втором классе. Ее передние зубы торчали во все стороны, а косички были такими короткими, что напоминали обрубки пальцев. Она вдавила палец в его запястье и сказала: «Ты гнилого цвета, Фрэнк. Совсем как ногти моего папаши».

На лице девочки читалось веселье и изумление – а также беспросветная тупость. Даже ребенком Фрэнк узнал черную дыру неизлечимой глупости. Его это поразило и ошарашило. Позже он видел ее на других лицах, что пугало и злило, но тогда его охватил благоговейный страх. Подобная глупость обладала собственным гравитационным полем. Она *затягивала*.

Только Элейн не была глупой. Совсем наоборот.

Элейн знала, каково это – чувствовать на себе взгляд белого парня, который даже не смог окончить школу, но преследовал тебя в супермаркете, изображая Бэтмена и надеясь поймать на краже банки арахиса. Элейн проклинали протестующие, собиравшиеся у местного отделения Центра планирования семьи, ей предрекали адские муки люди, даже не знавшие ее имени.

Так чего она добивалась? Зачем причиняла ему такую боль?

Один из возможных ответов вызывал беспокойство: она

имела право тревожиться.

И, отправляясь на поиски зеленого «мерседеса», Фрэнк мысленным взором видел Нану, убегающую от него, раскидывающую аккуратно разложенные мелки, топчущую свой рисунок.

Фрэнк знал, что несовершенно, но знал и другое: по сути, он — хороший человек. Он помогал людям, помогал животным. Любил дочь и сделал бы все, чтобы уберечь ее. И он никогда не поднимал руку на жену. Допускал ли он ошибки? Был ли знаменитый удар в стену одной из них? Это Фрэнк признавал. Признал бы в зале суда. Но он никогда не причинял вред тем, кто этого не заслуживал, и собирался только поговорить с владельцем того «мерседеса», верно?

Фрэнк свернул на подъездную дорожку, миновав раскрытые затейливые ворота из кованого металла, и припарковался позади зеленого «мерседеса». Левое переднее крыло покрывала дорожная пыль, зато правое сверкало. Не составляло труда увидеть, где этот сукин сын протирал автомобиль.

Фрэнк зашагал по выложенной каменной плиткой тропе, ведущей от подъездной дорожки к входной двери большого белого дома. Вдоль тропы тянулись бермы с американскими лаврами; их кроны смыкались над головой, образуя тоннель. В ветвях щебетали птицы. В конце тропы, у самого крыльца, в каменной кадке росла цветущая сирень. Фрэнк подавил желание вырвать ее. Он поднялся на крыльцо. На массивной дубовой двери висела бронзовая колотушка в форме каду-

цея.

Фрэнк велел себе развернуться и ехать домой. Вместо этого схватился за колотушку и принялся колотить по пластине.

7

Гарту Фликинджеру потребовалось время, чтобы отлепиться от дивана.

– Подождите, подождите, – сказал он гостю, но напрасно: дверь была слишком толстой, а голос слишком севшим. Он непрерывно курил наркоту после возвращения домой из трейлера удовольствий Трумана Мейвезера.

Если кто-то спрашивал его о наркотиках, Гарт старался создать впечатление, будто пользуется ими лишь изредка, чтобы расслабиться, но это утро стало исключением. Не каждый день ты справляешь нужду в трейлере наркоторговца, и в этот момент по ту сторону хлипкой сортирной двери начинается третья мировая война. Что-то случилось: грохот, выстрелы, крики, – и в приступе крайнего идиотизма Гарт открыл дверь, чтобы посмотреть, что происходит. Забыть увиденное будет трудно. Даже невозможно. В дальнем конце трейлера стояла черноволосая женщина, голая от талии до пяток. Она держала арканзасского дружка Трума за волосы и пояс джинсов и вколачивала лицом в стену: *чвак! чвак! чвак!*

Это напоминало таран, проламывающий массивным бревном ворота замка. Голову мужчины заливала кровь, руки

бессильно свешивались вниз.

Сам Труман кулем сидел на полу, с дырой от пули во лбу. А незнакомая женщина? Ее лицо было устрашающе спокойным. Словно она занималась привычным делом, без особого интереса, по долгу службы, вот только дело это было весьма необычным: использование головы человека в качестве тарана. Гарт осторожно закрыл дверь, встал на сиденье унитаза и вылез в окно. Рванул к своему автомобилю и помчался домой со скоростью света.

Случившееся встряхнуло его нервную систему, а такое случалось нечасто. Гарт Фликинджер, дипломированный пластический хирург, уважаемый коллегами член Американского общества пластических хирургов, редко нервничал.

Сейчас он чувствовал себя лучше, крэк тому поспособствовал, но стук в дверь определенно не радовал.

Гарт обошел диван и пересек гостиную, приминая коробки от фастфуда, во множестве разбросанные по полу. На плоском экране невероятно сексуальная журналистка с очень серьезным видом рассказывала что-то о пожилых женщинах, которые находились в коматозном состоянии в доме престарелых, расположенном в округе Колумбия. Серьезность журналистки только повышала ее сексуальность. У нее первый размер бюстгальтера, подумал Гарт, хотя фигура просто молит о втором.

– Почему только женщины? – размышляла вслух журна-

листка с плоского экрана. — Поначалу мы думали, что болезни подвержены только очень старые и совсем юные, но теперь ясно, что заболевают женщины любого возраста...

Гарт прижался лбом к двери, хлопнул по ней ладонью.

— Прекратите! Хватит!

— Открывайте!

Голос был низкий и злобный. Гарт набрался сил и оторвал голову от двери, чтобы посмотреть в глазок. На крыльце стоял афроамериканец лет тридцати пяти, широкоплечий, с потрясающими чертами лица. Бежевая униформа мужчины заставила сердце Гарта учащенно забиться: коп! Но потом он заметил нашивку: «СЛУЖБА ПО КОНТРОЛЮ ЗА БЕЗДОМНЫМИ ЖИВОТНЫМИ».

Ага, собаколов. Красавец собаколов, но все равно собаколов. Здесь сбежавших собак не прячут, сэр, так что никаких проблем.

Или проблема все-таки была? Как знать? А вдруг этот парень — приятель полуголой гарпии из трейлера? Гарт полагал, что лучше быть ей другом, чем врагом, но гораздо, гораздо, гораздо лучше держаться от нее подальше.

— Тебя послала она? — спросил Гарт. — Я ничего не видел. Так ей и скажи, хорошо?

— Я не знаю, о ком вы говорите! Я пришел сюда по своим делам! А теперь открывайте! — снова крикнул мужчина.

— С какой стати? — спросил Гарт и тут же добавил, для пушей убедительности: — И не подумая.

– Сэр! Я только хочу с вами поговорить! – Собаколов попытался понизить голос, но Гарт видел, как кривится его рот, борясь с потребностью – да, потребностью – продолжить орать.

– Не сейчас.

– Кто-то сбил кошку. Этот человек ехал на зеленом «мерседесе». У вас зеленый «мерседес».

– Это печально. – Гарт имел в виду кошку. Не «мерседес». Пластический хирург любил кошек. И футболку свою, с изображением «Flamin' Groovies», тоже любил. Сейчас она комком лежала на полу у лестницы. Гарт воспользовался футболкой, чтобы стереть кровь с крыла своего автомобиля. Да уж, обложили со всех сторон. – Но я ничего об этом не знаю. У меня выдалось трудное утро, поэтому вам лучше уйти. Извините.

Удар, дверь сильно трянуло. Гарт отпрянул. Незнакомец врезал по двери ногой.

В дверной глазок Гарт видел, как натянуты жилы на шее собаколова.

– Моя дочь живет у подножия холма, придурок! А если бы это была она? Если бы ты сбил ее, а не кошку?

– Я звоню копам. – Гарт надеялся, что для собаколова его слова прозвучат более убедительно, чем для него самого.

Он вернулся в гостиную, плюхнулся на диван, взял трубку. Мешочек с крэком лежал на кофейном столике. До Гарта донесся звон разбитого стекла. Потом скрежет металла.

Сеньор Собаколов набросился на его «мерседес»? Гарта это совершенно не волновало, во всяком случае, сегодня. Все равно автомобиль застрахован. Бедная наркоманка. Ее звали Тиффани, она была такой больной и такой милой. Мертва ли она? Убили ли ее люди, которые напали на трейлер (он предполагал, что странная женщина была частью банды)? Гарт сказал себе, что Тифф, какой бы милой она ни была, не его проблема. Лучше не заикливаться на том, чего нельзя изменить.

Мешочек был из синей пленки, поэтому и кристаллы казались синими, пока ты их не доставал. Возможно, так Трум Мейвезер неумело намекал на сериал «Во все тяжкие». Что ж, после этого утра уже не будет никаких бестолковых намеков от Трума. Гарт выбрал кристалл, бросил в трубку. Измыслительства сеньора Собаколова над «мерседесом» запустили сигнализацию: *бин-бин-бин*.

На экране телевизора показывали светлую больничную палату. Две женщины лежали под больничными простынями. Их головы покрывали клочковатые коконы. словно женщины натянули пчелиные ульи. Гарт раскурил трубку, глубоко затянулся, задержал дыхание.

Бин-бин-бин.

У Гарта была дочь, Кэти. Ей было восемь лет, она страдала гидроцефалией и жила в специализированном интернате, очень хорошем, неподалеку от побережья Северной Каролины, где в воздухе чувствовался соленый привкус. Он платил

за все, потому что мог себе это позволить. Для девочки было лучше, когда за ней приглядывала мать. Бедная Кэти. Что он сказал себе насчет той наркоманки? Точно: лучше не заикливаться на том, чего нельзя изменить. Проще сказать, чем сделать. Бедный Гарт. Бедные старушки с головами, всунутыми в пчелиные ульи. Бедная кошка.

Красавица журналистка стояла на тротуаре перед собирающейся толпой. Если честно, она была хороша и с первым размером. Насчет второго он, пожалуй, погорячился. Был ли ее нос продуктом пластической операции? Гарт не мог сказать точно, для этого следовало разглядеть его с близкого расстояния. Работа была превосходной, нос казался естественным, даже с чуть вздернутым кончиком.

– ЦКЗ¹⁴ только что выпустил информационный бюллетень, – объявила журналистка. – Ни при каких обстоятельствах не пытайтесь удалить наросты.

– Назовите меня психом, – изрек Гарт, – но от этого лишь возникает желание поступить наоборот.

Устав от новостей, устав от сотрудника службы по контролю за животными, устав от воя автомобильной сигнализации (хотя Гарт полагал, что должен отключить ее, как только собаковод решит убраться вместе со своим дурным настроением), устав заикливаться на том, чего нельзя изменить, Гарт переключал каналы, пока не наткнулся на информационный рекламный ролик: как накачать себе роскошный пресс за

¹⁴ Центр контроля заболеваний.

шесть дней. Попытался записать номер, который начинался с 800, но единственная ручка, которую он сумел найти, на ладони не писала.

Глава 4

1

Общая численность населения округов Макдоуэлл, Бриджер и Дулинг составляла порядка семидесяти двух тысяч душ: пятьдесят пять процентов – мужчины, сорок пять – женщины. На пять тысяч меньше показателей последней переписи населения США, то есть Триокружье официально относилось к «территориям с убывающим населением». Здесь располагались две больницы: одна в округе Макдоуэлл («Отличный магазин сувениров», – гласил единственный комментарий на сайте больницы) и вторая, гораздо крупнее, в округе Дулинг, где проживала большая часть – тридцать две тысячи – населения Триокружья. В трех округах насчитывалось десять поликлиник и две дюжины так называемых «болевых клиник», разбросанных среди сосновых лесов, где можно было получить различные опийные препараты по выписанному на месте рецепту. Когда-то, до закрытия большинства шахт, Триокружье называли Республикой Мужчин-без-пальцев. Нынче это была Республика Мужчин-без-работы, но имелась и светлая сторона: практически у всех мужчин моложе пятидесяти все пальцы были на месте и вот уже десять лет никто не погибал при аварии на шахте.

В то утро, когда Иви Доу (так ее записала Лайла Норкросс, потому что арестованная не назвала свою фамилию) заглянула в дом на колесах Трумана Мейвезера, большинство из четырнадцати тысяч женщин округа Дулинг проснулись как обычно и начали свой день. Многие увидели телевизионные репортажи о распространении неизвестного заболевания, которое сначала называли австралийской сонной болезнью, потом женским сонным гриппом и, наконец, гриппом Авроры, по имени принцессы из диснеевской версии сказки «Спящая красавица». Мало кого из женщин Триокружья эти репортажи напугали: Австралия, Гавайи и Лос-Анджелес были слишком далеко. И хотя репортаж Микаэлы Морган из дома престарелых в Джорджтауне вызвал легкую тревогу – Вашингтон, округ Колумбия, находился менее чем в дне пути на автомобиле, – но округ Колумбия был мегаполисом, а это совершенно другая категория. Кроме того, не так много людей в Триокружье смотрели «Новости Америки», предпочитая «День на колесах» или «Шоу Эллен Дедженерес».

Первый тревожный звонок, свидетельствовавший о том, что новая болезнь может дать о себе знать и здесь, в Богом забытой глубинке, раздался в начале девятого утра. Им стало прибытие в больницу Святой Терезы местной жительницы Иветты Куинн, которая припарковала свой старенький «джип-чероки» под углом к тротуару и влетела в отделение неотложной помощи с двумя близнецами-младенцами жен-

ского пола на руках. Лица девочек – Иветта прижимала их к груди – покрывал белый кокон. Она вопила, как пожарная сирена, и на крик тут же сбежались врачи и медсестры.

– Помогите моим крошкам! Они не просыпаются! Вообще не просыпаются!

Тиффани Джонс, много старше, но тоже запеленатую, доставили чуть позже, а к трем часам дня отделение неотложной помощи было забито до отказа. Однако женщины продолжали поступать: отцы и матери привозили дочерей, девушки – младших сестер, дядья – племянниц, мужа – жен. В этот день в зале ожидания никто не смотрел судью Джуди, доктора Филадельфии или викторины. Только новости – и только о загадочной сонной болезни, которая поражала исключительно обладательниц двух Х-хромосом.

Точную минуту или секунду, когда женские особи *Homo sapiens* перестали просыпаться и начали формировать коконы, установить так и не удалось. Но исходя из информации, полученной из самых разных источников, ученые сумели сузить период возникновения болезни в Триокружье до двадцатиминутного интервала, с 7:37 до 7:57 по восточному поясному времени.

– Мы можем только ждать, пока они проснутся, – заявил Джордж Олдерсон в очередном информационном выпуске «Новостей Америки». – Сейчас Микаэла Морган сообщит нам новые подробности.

К тому времени, когда Лайла Норкросс прибыла к приземистому кирпичному зданию, которое делили между собой управление шерифа округа Дулинг и департамент по делам муниципалитета, там собрались уже все сотрудники. Помощник шерифа Рид Барроуз ждал на тротуаре, чтобы заняться арестованной Лайлы.

– Будь хорошей девочкой, Иви, – сказала Лайла, открывая дверцу. – Я скоро вернусь.

– Будь хорошей девочкой, Лайла, – ответила Иви. – Я буду тебя ждать. – Она рассмеялась. Кровь из носа подсыхала на щеках растрескавшейся глазурью, кровь из пореза на лбу превратила часть волос в маленький хохолок. Когда Лайла вылезала из-за руля, чтобы уступить место Риду, Иви добавила: – Трипл-дабл. – И вновь рассмеялась.

– Криминалисты уже едут к трейлеру, – доложил Рид. – А также заместитель окружного прокурора и шестой экипаж.

– Хорошо, – кивнула Лайла и быстрым шагом направилась к двери управления.

Трипл-дабл, думала она. Это значит как минимум десять набранных очков, десять результативных передач и десять подборов. Именно это и сделала та девочка в игре, которую Лайла смотрела прошлым вечером.

Девочка, думала про нее Лайла. Но ее звали Шейла. Вины

девочки в этом не было. Вины *Шейлы*. Ее имя было первым шагом к... чему? Лайла этого не знала. Просто не знала.

И Клинт. Чего хотел *Клинт*? Она понимала, что ей должно быть без разницы, учитывая обстоятельства, но ее это интересовало. Он оказался для нее полнейшей загадкой. Перед мысленным взором возник знакомый образ: ее муж сидит на кухне, смотрит на вязы во дворе, водит большим пальцем по костяшкам, кривит лицо. Давным-давно она перестала спрашивать, все ли с ним в порядке. Просто думаю, всегда отвечал он, просто думаю. Но о чем? И о ком? А ведь это были очевидные вопросы, верно?

Лайла не могла поверить тому, какой слабой и усталой она себя чувствовала; она словно вытекла из формы на свои туфли за двадцать с чем-то шагов между патрульным автомобилем и ступенями. Внезапно все, все оказалось под вопросом, и если Клинт не был Клинтом, то кем была она? Кем были все?

Ей требовалось сосредоточиться. Двое мужчин убиты. Женщина, которая, вероятно, это сделала, расположилась на заднем сиденье патрульного автомобиля, обдолбанная по самое не могу. Лайла могла быть слабой и усталой, но не в такой момент.

Оскар Сильвер и Барри Холден уже ждали ее.

– Господа, – поздоровалась Лайла.

– Шериф, – ответили те, почти в унисон.

Судья Сильвер был старше Бога, и походка у него стала

нетвердой, но голова осталась ясной. Барри Холден зарабатывал на жизнь себе и своему женскому выводку (одна жена, четыре дочери), составляя завещания и контракты, а также улаживая страховые дела (по большей части с безжалостным Дрю Т. Бэрри из «Гарантии Дрю Т. Бэрри»). Холден входил в шестерку адвокатов Триокружья, которые по очереди служили государственными защитниками. Он был хорошим парнем, и Лайле не потребовалось много времени, чтобы объяснить, чего она от него хочет. Он согласился, но пожелал получить аванс. Сказал, что доллара ему вполне хватит.

– Линни, у тебя есть доллар? – спросила Лайла диспетчера. – Забавно, что мне приходится нанимать адвоката для женщины, которую я арестовала по обвинению в двух убийствах.

Линни протянула Барри доллар. Он сунул его в карман, повернулся к судье Сильверу и заговорил голосом, который приберегал для судебных заседаний:

– Получив аванс от Линетты Марс на обеспечение юридической защиты женщины, только что арестованной шерифом Норкросс, я требую и подаю петицию о том, что... как ее зовут, Лайла?

– Иви, фамилии пока нет. Зовите ее Иви Доу.

– Что Иви Доу должна быть отправлена к доктору Клинту Норкроссу для проведения психиатрической экспертизы. Провести вышеуказанную экспертизу следует в женской тюрьме Дулинга.

– Петиция удовлетворена, – с важным видом изрек судья Сильвер.

– А как же окружной прокурор? – спросила из-за своего стола Линни. – Разве Джэнкер ничего не должен сказать?

– Джэнкер выражает согласие заочно, – ответил судья Сильвер. – Я с полной уверенностью могу это утверждать, потому что не раз и не два спасал его заплывший жиром зад в зале суда. Я приказываю немедленно отправить Иви Доу в женскую тюрьму Дулинга и оставить ее там на... как насчет сорока восьми часов, Лайла?

– Лучше на девяносто шесть, – вставил Барри Холден, очевидно, желая что-то сделать для своей новой клиентки.

– Не возражаю против девяноста шести, судья, – ответила Лайла. – Я просто хочу поместить ее туда, где она не сможет причинить себе вред, пока я стараюсь получить кое-какие ответы.

Снова заговорила Линни. По мнению Лайлы, она определенно лезла не в свое дело.

– Клинт и начальник Коутс согласятся принять гостью?

– Это я возьму на себя, – ответила Лайла – и вновь подумала об арестованной. Иви Доу, загадочная убийца, которая знала ее имя и что-то там болтала насчет трипл-даблов. Очевидно, совпадение, но крайне неприятное и так не вовремя. – Давайте снимем у нее отпечатки пальцев. Кроме того, нам с Линни придется отвести ее в одну из камер и переодеть в форму. Ее рубашку необходимо приобщить к делу как ве-

щественное доказательство, а больше на ней ничего нет. Не могу же я отправить ее в тюрьму с голым задом, правда?

– Будучи ее адвокатом, я бы это не одобрил, – согласился Барри.

3

– Итак, Джанетт... что происходит?

Джанетт обдумала вступительную фразу Клинта.

– Гм-м. Давайте поглядим. Ри сказала, что прошлой ночью ей приснилось, как она ела торт с Мишель Обамой.

Тюремный психиатр и пациентка-заключенная медленно нарезали круги по тюремному двору. Утром он обычно пуствовал. Большинство заключенных работали (столярка, изготовление мебели, хозяйственные работы, стирка, уборка), или учились, готовясь к экзаменам для получения школьного аттестата (в тюрьме Дулинга эти занятия назывались Школой для тупых), или просто лежали на своих койках, коротая время.

К бежевой спецовке Джанетт крепился бейдж «Пропуск во двор», выписанный лично Клинтом. То есть он нес за нее ответственность. Его это не смущало. Она была одной из его любимых заключенных (одной из его зверушек, как раздражающе говорила начальник Джейнис Коутс) и никому не причиняла хлопот. По мнению Клинта, место Джанетт было на воле – не в каком-то ином закрытом заведении, а именно

на воле. Но мнением своим он с Джанетт не делился, потому что никакой пользы оно ей принести не могло. Это были Аппалачи, а в Аппалачах убийство не оставалось безнаказанным, в том числе и убийство без отягощающих обстоятельств. О своей уверенности в том, что вины Джанетт в убийстве Дэмиена Сорли нет, он мог сказать разве что своей жене, а может, даже этого делать не стоило. В последнее время Лайла была какой-то отстраненной. Погруженной в себя. Как этим утром, хотя, вероятно, ей просто хотелось спать. И Ванесса Лэмпли говорила о фуре с едой для домашних животных, которая в прошлом году перевернулась на Маунтин-Рест-роуд. Какова вероятность двух одинаковых странных инцидентов с разрывом в несколько месяцев?

– Эй, доктор Эн, вы здесь? Я сказала, что Ри...

– Приснилось, что она ела торт с Мишель Обамой, я понял.

– Так она сказала поначалу. Но это была выдумка. На самом деле ей снился разговор с учительницей, которая убеждала ее, что она пришла не в тот класс. Тревожный сон, вы согласны?

– Вполне возможно. – Это был один из десятка ни к чему не обязывающих вариантов, которые он держал наготове, отвечая на вопросы пациентов.

– Эй, док, вы думаете, Том Брейди может приехать сюда? Произнести речь, раздать автографы?

– Вполне возможно.

– Знаете, он мог бы расписаться на маленьких игрушечных футбольных мячах.

– Конечно.

Джанетт остановилась.

– Что я сейчас сказала?

Клинт задумался, потом рассмеялся.

– Понятия не имею.

– Где вы этим утром, док? Эта ваша привычка... Извините, если лезу в вашу личную жизнь, но у вас дома все в порядке?

И неожиданно для себя Клинт вдруг понял, что больше в этом не уверен, а вопрос Джанетт – ее догадка – выбил его из колеи. Лайла ему солгала. Никакой аварии на Маунтин-Рестроуд не было. Во всяком случае, прошлой ночью. Теперь он в этом совершенно не сомневался.

– Дома все хорошо. О какой привычке ты говоришь?

Джанетт нахмурилась, подняла кулак, принялась водить большим пальцем по костяшкам.

– Когда вы так делаете, я знаю, что вы ушли в астрал. Словно вспоминаете драку, в которой участвовали.

– А. – Точность ее догадок не радовала. – Давняя привычка. Давай поговорим о тебе, Джанетт.

– Моя любимая тема. – Звучало неплохо, но Клинт знал, что все не так просто. Если бы он позволил Джанетт вести разговор, они бы провели целый час на солнце, обсуждая Ри Демпстер, Мишель Обаму, Тома Брейди и всех прочих, кто

придет в голову Джанетт. По части свободных ассоциаций ей не было равных.

– Ладно. Что снилось прошлой ночью тебе? Если будем говорить о снах, давай сосредоточимся на твоих, а не Ри.

– Я не помню. Ри спросила меня, и я ответила ей то же самое. Думаю, дело в новом лекарстве, на которое вы меня перевели.

– Значит, тебе что-то снилось.

– Да... Наверное... – Джанетт смотрела на огород, а не на него.

– Может, что-то связанное с Дэмиеном? Раньше он тебе часто снился.

– Конечно, то, как он выглядел. Совсем синий. Но мне давно уже не снился этот синюшный мужчина. Вы помните этот фильм? «Омен»? О сыне дьявола. Того ребенка тоже звали Дэмиен.

– У тебя есть сын...

– И что? – Теперь она смотрела на него с недоверием.

– Можно сказать, что Дэмиен был дьяволом в твоей жизни, поэтому Бобби...

– Сын дьявола! «Омен-два»! – Она пронзительно рассмеялась, наставила на него палец. – Очень смешно! Бобби – самый милый ребенок в мире, пошел в мамину родню. Раз в два месяца приезжает с моей сестрой из Огайо, чтобы повидаться со мной. Вам это известно! – Она вновь рассмеялась; на этой огороженной и строго охраняемой территории звук

был необычным, но очень приятным. — Знаете, что я думаю?

— Нет, — ответил Клинт. — Я мозгоправ, а не телепат.

— Я думаю, это классический случай переноса. — Она вскинула руки с двумя согнутыми пальцами, чтобы выделить ключевое слово кавычками. — Словно вы волнуетесь, а не ваш ли мальчик — сын дьявола?

Теперь пришла очередь Клинта смеяться. Сама идея, что в Джаредде было что-то дьявольское, была абсурдной: Джаред смахивал с руки комаров, вместо того чтобы их прихлопнуть. Он тревожился о своем сыне, понятное дело, но не боялся, что тот попадет за решетку и колючую проволоку, как Джанетт, и Ри Демпстер, и Китти Макдэвид, и эта тикающая бомба Энджел Фицрой. Черт, ему не хватило смелости пригласить Мэри Пак на Весенние танцы.

— Джаред — отличный парень, и я уверен, твой Бобби тоже. Лекарство помогает с твоими... как ты их называешь?

— Помутнениями. Когда я не могу четко видеть или слышать людей. Все стало лучше после перехода на новые таблетки.

— Ты не просто так это говоришь? Ты должна быть со мной откровенной, Джанетт. Помнишь, что я всегда говорю?

— Три пэ. Правда приносит плоды. И я с вами откровенна. Стало лучше. Хотя иногда настроение у меня все-таки падает, я начинаю терять связь с реальностью и возвращаются помутнения.

— Есть исключения? Видишь и слышишь ли ты четко ко-

го-нибудь, когда у тебя депрессия? И может, этот кто-то способен тебя перезагрузить?

– Перегрузить! Мне это нравится. Да, Бобби может. Ему было пять, когда я попала сюда. Сейчас двенадцать. Он играет на клавишных в музыкальной группе. И поет!

– Ты должна очень им гордиться.

– Я и горжусь. Ваш, должно быть, того же возраста, да?

Клинт, который легко улавливал момент, когда его подопечные дамы пытались сменить тему, буркнул что-то невнятное вместо того, чтобы сказать, что Джаред скоро получит право голосовать. Ему самому это казалось странным.

Джанетт хлопнула его по плечу.

– Следите за тем, чтобы у него всегда были при себе презервативы.

Из-под зонта наблюдательного поста у северной стены проревел усиленный мегафоном голос дежурного:

– ЗАКЛЮЧЕННАЯ! НИКАКИХ ФИЗИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ!

Клинт помахал дежурному рукой (мегафон искажал голос, но он предположил, что на садовом стуле под зонтом сидит этот говнюк Дон Питерс), чтобы показать, что все тип-топ, и повернулся к Джанетт.

– Что ж, придется мне обсудить этот момент с моим психоаналитиком.

Она довольно рассмеялась.

А Клинт подумал, и не в первый раз, что при других об-

стоятельствах он бы хотел, чтобы у него была такая подруга, как Джанетт Сорли.

– Эй, Джанетт. Ты знаешь, кто такой Уорнер Вольф?

– *Давайте посмотрим видеопленку*, – тут же ответила она. – Почему вы спрашиваете?

Хороший вопрос. Почему он спросил? К чему мог иметь отношение престарелый спортивный комментатор? В чем его важность, если ключевая фраза (как и внешний вид) Уорнера утратили свою актуальность?

А вот вопрос получше: почему Лайла ему солгала?

– Э... Кто-то недавно упомянул его в разговоре. Мне это показалось забавным.

– Мой отец любил его слушать, – сказала Джанетт.

– Твой отец.

Его мобильник выдал мелодию «Эй, Джуд». Клинт посмотрел на дисплей и увидел фотографию жены. Лайла, которой следовало быть в стране снов. Лайла, которая могла помнить Уорнера Вольфа, а могла и не помнить. Лайла, которая солгала.

– Надо ответить, – сказал он Джанетт, – но много времени это не займет. Пойди в огород, займись прополкой. Поглядим, вдруг ты вспомнишь, что тебе приснилось прошлой ночью.

– Что-то личное, поняла, – кивнула Джанетт и пошла в огород.

Клинт помахал рукой северной стене, показывая дежур-

ному, что поведение Джанетт санкционировано, затем нажал «ПРИНЯТЬ».

– Привет, Лайла, как дела? – Едва слова сорвались с языка, он понял, что часто начинал с них беседу с пациентами.

– Все как обычно, – ответила она. – Взрыв лаборатории по изготовлению мета, двойное убийство, преступница задержана. Я арестовала ее, когда она поднималась по шоссе на Боллс-Хилл, практически в чем мать родила.

– Это шутка, да?

– Боюсь, что нет.

– Срань господня, ты в порядке?

– На ногах только благодаря адреналину, а так все хорошо.

Но мне нужна помощь.

Она изложила подробности. Клинт слушал, не задавая вопросов. Джанетт пропалывала горох, напевала что-то веселенькое о том, как приятно идти к реке Гарлем, чтобы утопиться¹⁵. У северной стены тюремного двора Ванесса Лэмпли подошла к садовому стулу Дона Питерса, поговорила с Доном и заняла его место, а Дон направился к административному крылу понуриив голову, словно нашкодивший ученик, вызванный к директору. И если кто заслуживал наказания, так прежде всего этот олух.

– Клинт? Ты еще здесь?

– Да. Просто думаю.

¹⁵ Отсылка к песне «Блюз реки Гарлем» американского певца и автора песен Джастина Таунса Эрла (р. 1982).

– Просто думаешь, – повторила Лайла. – И о чем?

– О процедуре. – Клинт удивился, что она так давила. Словно издевается. – Теоретически это возможно, но я должен кое-что согласовать с Джейнис...

– Тогда, пожалуйста, согласуй. Я могу приехать через двадцать минут. И если потребуется убеждать Джейнис, найди необходимые доводы. Мне нужна помощь, Клинт.

– Успокойся, я справлюсь. Возможность причинения себе вреда – веское основание. – Джанетт закончила прополку одного ряда и по второму приближалась к нему. – Я просто хочу сказать, что при обычных обстоятельствах тебе следовало бы сперва заглянуть с ней в больницу, чтобы ее там осмотрели. Судя по твоим словам, она серьезно повредила лицо.

– Ее лицо не входит в число моих первоочередных забот. Одному человеку она чуть не оторвала голову, а головой второго пробила стену трейлера. Ты действительно думаешь, что я оставлю ее в смотровой наедине с двадцатипятилетним врачом?

Он хотел вновь спросить, в порядке ли она, но в ее теперешнем состоянии она могла просто взорваться, потому что именно так ведет себя человек, если устал и раздражен: набрасывается на того, кто не даст сдачи. Иногда, чего там – часто, Клинту не нравилось, что набрасывались именно на него.

– Скорее нет, чем да.

Теперь он слышал уличный шум: Лайла вышла из здания.

– И дело не только в том, что она опасна. И не в наркотиках. Просто... как сказал бы Джаред: «Мое паучье чутье подает сигналы».

– Может, и сказал бы, лет в семь.

– Раньше я ее не видела, могу поклясться на стопке Библий, но она меня знает. Она назвала меня по имени.

– Если ты в форме, а я уверен, так и есть, достаточно взглянуть на твой нагрудный карман.

– Правильно, но там написано «НОРКРОСС». Она же назвала меня Лайлой. Мне нужно заканчивать разговор. Просто скажи, что ее будут встречать, как дорогую гостью, когда я привезу ее к тебе.

– Не сомневайся.

– Спасибо. – Он услышал, как она откашлялась. – Спасибо, милый.

– Всегда пожалуйста, но ты должна кое-что сделать для меня. Не привози ее одна. Ты измотана.

– За рулем будет Рид Барроуз. Я поеду рядом.

– Хорошо. Люблю тебя.

Послышался звук открываемой автомобильной дверцы, вероятно, патрульного автомобиля Лайлы.

– Я тоже, – сказала она и отключилась.

Помедлила ли она, прежде чем ответить? Сейчас не было времени обдумывать это, вертеть эту мысль туда-сюда, пока она не превратится в то, чем, возможно, не является. Клинта это устраивало.

– Джанетт! – Она повернулась к нему. – Мне придется завершить нашу встречу пораньше. Возникли проблемы.

4

Своим заклятым врагом Коутс считала дерьмо, с которым приходилось сталкиваться по жизни. Немногие дружили с ним, мало кому оно нравилось, но большинство как-то примирялось, начинало его понимать – и вносило в него свою лепту. Начальник Джейнис Табита Коутс это самое дерьмо не терпела. Она по складу характера не имела с дерьмом ничего общего, что в любом случае было бы контрпродуктивно. Тюрьма в принципе была большой фабрикой дерьма, ей бы вполне подошло название «Дулингское женское заведение по производству дерьма», и работа Джейнис состояла в том, чтобы удерживать это производство под контролем. Волны дерьмовых предписаний накатывали из столицы штата, требуя, чтобы она одновременно снижала расходы и улучшала работу тюрьмы. Устойчивый поток дерьма шел из судов – заключенные, адвокаты и прокуроры состязались друг с другом, – и Коутс почему-то всегда вымазывалась по уши. Департамент здравоохранения обожал присылать дерьмовые проверки. Специалисты, которые приезжали, чтобы ремонтировать электрику, всегда обещали, что больше поломок не будет, но их обещания были все тем же дерьмом. Электрика продолжала выходить из строя.

Дерьмо никуда не девалось, даже когда Коутс уходила домой. Пока она спала, дерьмо накапливалось, его количество росло, как сугроб в снегопад, коричневый такой сугроб из дерьма. Вот и сегодня, когда у Китти Макдэвид поехала крыша, два фельдшера выбрали это самое утро, чтобы без предупреждения не выйти на работу. Так что куча дерьма дожидалась момента, когда она переступит порог.

Норкросс был серьезным мозгоправом, но дерьма он накладывал в достатке, требуя особого отношения и привилегий для своих пациенток. Она бы находила почти трогательной его хроническую неспособность признать, что подавляющее большинство этих пациенток, заключенных Дулинга, были гениями по части дерьма, женщинами, которые проводили жизнь, лелея дерьмовые оправдания своего поведения, да только махать лопатой приходилось именно ей, Коутс.

С другой стороны, под всем этим дерьмом у некоторых женщин скрывались веские причины. Джейнис Коутс не была глупой и бессердечной. Большинству заключенных Дулинга не повезло в жизни. Коутс это знала. Тяжелое детство, жуткие мужья, безвыходные ситуации, душевные болезни, которые лечились наркотиками и алкоголем. Они были жертвами дерьма, не только его производителями. Однако не дело начальника тюрьмы – отделять одно от другого. Жалость не должна мешать исполнять свой долг. Они сидели в тюрьме, и ей вменялось в обязанность заботиться о них.

А это означало, что она должна разобраться с Доном Пи-

терсом, который сейчас находился перед ней и из которого дерьмо так и перло. Вот и сейчас он заканчивал свою последнюю дерьмовую историю, честный, несправедливо обвиненный трудяга.

Когда он добавил последние мазки, она сказала:

– Не надо вешать мне лапшу на уши по поводу профсоюза. Еще одна жалоба, и ты отсюда вылетишь. Одна заключенная говорит, что ты лапал ее грудь. Другая говорит, что ты прихватил ее за зад. Третья говорит, что ты обещал ей полпачки «Ньюпортс», если она тебе отсосет. Если профсоюз захочет с тобой возиться, это их дело, но я в этом сомневаюсь.

Коротышка-дежурный сидел на ее диване, широко расставив ноги (словно ей нравилось смотреть на его хозяйство) и скрестив руки на груди. Он дунул на кудряшки а-ля Бастер Браун, нависавшие над бровями.

– Я никого не трогал, начальник.

– В уходе по собственному желанию нет ничего постыдного.

– Я не собираюсь уходить и не делал ничего такого, за что мне может быть стыдно! – Его обычно бледные щеки покраснели.

– Какой молодец. У меня вот целый список постыдных деяний. И чуть ли не первым пунктом – решение взять тебя на работу. Ты – как сопля, которую я не могу стряхнуть с пальца.

Губы Дона хитро изогнулись.

– Я знаю, вы пытаетесь меня разозлить, начальник. Не получится.

Дураком он не был, в этом следовало отдать ему должное. Именно по этой причине его до сих пор не удавалось прижать к ногтю. Питерс всегда действовал осторожно, выбирал момент, когда рядом никого не было.

– Пожалуй, что нет. – Сидевшая на краю стола Коутс переставила сумку на колени. – Но попытка – не пытка.

– Вы знаете, что они лгут. Они же преступницы.

– Сексуальное домогательство – тоже преступление. Ты получил свое последнее предупреждение. – Коутс рылась в сумке в поисках бальзама для губ «Чэпстик». – Кстати, почему только полпачки? Давай, Дон, колись. – Она вытащила упаковку бумажных салфеток, зажигалку, таблетницу, айфон, бумажник и только тогда нашла то, что искала. Колпачок свалился, на помаду налипли ворсинки. Джейнис все равно смазала губы.

Питерс молчал. Она посмотрела на него. Мелкий подонок с шаловливыми руками, но невероятно везучий: ни один дежурный пока не выразил желания дать показания по его проступкам. Однако Коутс знала, что прищучит Питерса. Время у нее было. А время, по существу, еще один синоним тюрьмы.

– Что? Хочешь смазать губы? – Коутс протянула ему «Чэпстик». – Нет? Тогда за работу.

Питерс хлопнул дверью так, что она задребезжала в ко-

робке, и протопал по приемной. Прямо истеричный подросток. Довольная тем, что дисциплинарная нотация прошла по плану, Коутс вновь занялась грязным «Чэпстиком»: принялась искать в недрах сумки колпачок.

Завибрировал мобильник. Коутс поставила сумку на пол и пошла к опустевшему дивану. Прикинула, насколько сильно не любила того, чей зад только что восседал на нем, и опустилась слева от выемки на центральной подушке.

– Привет, мамуля. – Голос Микаэлы накладывался на другие голоса, крики, сирены.

Коутс подавила первоначальный импульс отчитать дочь, которая не звонила три недели.

– Что случилось, дорогая?

– Подожди.

Посторонние звуки стали тише; Джейнис ждала. Ее отношения с дочерью пережили и подъемы, и спады. Решение Микаэлы уйти из юридической школы и переключиться на телевизионную журналистику (такую же фабрику дерьма, как и тюремная система, и наверняка так же набитую преступниками) сильно ухудшило эти отношения, а последовавшая пластика носа на какое-то время опустила их, можно сказать, ниже уровня моря. Однако Микаэла проявляла настойчивость в достижении поставленной цели, которую Коутс постепенно начала уважать. Пришло осознание, что они не слишком отличаются друг от друга. Недалекая Магда Дубчек, местная жительница, которая сидела с Микаэлой, когда

та только начала ходить, однажды сказала: «Она так похожа на тебя, Джейнис. Ей нельзя отказать! Скажи ей: одно печенье, и она сделает все, чтобы съесть три. Будет улыбаться, хихикать, ластиться, пока ты не сдашься».

Два года тому назад Микаэла делала ерундовые репортажи для местных новостей. Теперь работала в «Новостях Америки» и быстро поднималась по карьерной лестнице.

– Вот и я, – вновь послышался голос Микаэлы. – Пришлось найти более тихое место. Мы сейчас около ЦКЗ. Долго говорить не могу. Ты смотрела новости?

– Естественно, Си-эн-эн. – Джейнис никогда не упускала шанса вставить свою любимую колкость в разговор.

На этот раз Микаэла не отреагировала.

– Ты слышала о гриппе Авроры? Сонной болезни?

– Что-то слышала по радио. Старухи, которые не проснулись на Гавайях и в Австралии...

– Это настоящая болезнь, мама, и она поражает всех женщин. Старых, новорожденных, молодых, среднего возраста. Всех, кто спит. Поэтому не ложись спать.

– Не поняла. – Что-то не складывалось. На часах было одиннадцать утра. С какой стати ей ложиться спать? Или Микаэла имеет в виду, что она больше никогда не должна спать? Если так, то не получится. Все равно что попросить ее никогда не справлять малую нужду. – Какая-то бессмыслица.

– Включи новости, мама. Или радио. Или выйди в Интер-

нет.

Невыполнимость задачи повисла между ними. Джейнис не знала, что и сказать, за исключением: «Хорошо». Ее девочка могла ошибаться, но лгать ей никогда бы не стала. Дерьмо это или нет, однако Микаэла верила, что так оно и есть.

– Я только что разговаривала с одной женщиной, она ученый и моя подруга, работает на федералов. Я ей доверяю. У нее есть доступ к закрытой информации. Она говорит, что, по их расчетам, примерно восемьдесят пять процентов женщин, живущих по тихоокеанскому времени, уже в отключке. Никому не говори, это приведет к хаосу, как только просочится в Интернет.

– Как это – в отключке?

– Речь о том, что они не просыпаются. На них вырастают... что-то похожее на кокон. Мембраны, оболочки. Кокон вроде состоит частично из ушной серы, частично из кожного сала, которое выделяется на крыльях носа, частично из слизи и... еще чего-то непонятного, какого-то странного белка. Кокон формируется очень быстро и восстанавливается, как только его снимешь. Но не пытайся его снять. За этим следует... реакция. Поняла? Не пытайся его снять! – На последних словах, в которых было не больше смысла, чем в прочих, Микаэла проявила несвойственную ей жесткость. – Мама?

– Да, Микаэла, я внимательно тебя слушаю.

По голосу чувствовалось, что дочь взволнованна... и со-

средоточенна.

– Все началось между семью и восемью часами по нашему времени, то есть между четырьмя и пятью по тихоокеанскому, поэтому так сильно ударило по женщинам на западе. Значит, у нас есть целый день. У нас почти полный бак.

– Полный бак... часов бодрствования?

– Бинго! – Микаэла глубоко вдохнула. – Я понимаю, это звучит безумно, но я не шучу. Ты не должна спать. И тебе предстоит принять трудные решения. Ты должна определиться, что делать с твоей тюрьмой.

– Тюрьмой?

– Твои заключенные скоро начнут засыпать.

– Ох... – Внезапно Джейнис поняла. Вроде бы.

– Я должна идти, мамуля. У меня прямое включение, и продюсер выпрыгивает из штанов. Я позвоню, как только смогу.

Коутс осталась на диване. Взглядом нашла фотографию в рамке, которая стояла на столе. Покойный Арчибальд Коутс, в хирургическом костюме, с широкой улыбкой держит на сгибе руки новорожденную дочь. Он умер от инфаркта – чудовищная несправедливость – в тридцать лет. С тех пор минуло почти столько же. На фотографии на лбу Микаэлы белел кусочек плаценты, напоминавший паутину. Начальник тюрьмы пожалела, что не сказала дочери о своей любви, но сантименты задержали Джейнис лишь на несколько секунд. Потому что ее ждала работа. Оценка проблемы не заняла

много времени, и Джейнис пришла к выводу, что вариантов – как поступить с заключенными – у нее немного. Собственно, от нее требовалось то же, что и всегда: поддерживать порядок и опережать поток дерьма.

Она попросила свою секретаршу, Бланш Макинтайр, снова позвонить фельдшерам домой. А еще позвонить Лоренсу Хиксу, заместителю начальника, и сообщить ему, что больничный после удаления зуба мудрости окончен и он должен немедленно прибыть на службу. И, наконец, она велела Бланш по очереди известить всех дежурных: в силу чрезвычайной ситуации национального масштаба они остаются на вторую смену. Начальник сомневалась, что может рассчитывать на явку сотрудников, которые сейчас находились дома: когда надвигалась катастрофа, люди предпочитали быть рядом с родными.

– Что? – изумилась Бланш. – Национального масштаба? Что-то случилось с президентом? И ты хочешь, чтобы все остались на вторую смену? Им это не понравится.

– Плевать я хотела на то, что им нравится. Включи новости, Бланш.

– Я не понимаю. Что происходит?

– Если моя дочь права, поймешь, как только услышишь.

После этого Коутс пошла в кабинет Норкросса. Она хотела, чтобы они вместе провели Китти Макдэвид.

Джаред Норкросс и Мэри Пак сидели на трибунах на третьем уроке физкультуры, на время отложив теннисные ракетки. Они и группа Глупых десятиклассников расположились на нижних рядах и наблюдали за двумя учениками выпускного класса, игравшими на центральном корте. При каждом ударе те ухали, как Моника Селеш. Сухощавый Курт Маклеод и мускулистый рыжий Эрик Бласс.

Моя гибель, подумал Джаред.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказал он.

Мэри посмотрела на него, приподняв брови. Она была высокой и (по мнению Джареда) идеально сложенной. Черные волосы, серые глаза, длинные загорелые ноги, безусловно белые теннисные туфли. Касательно Мэри безупречным было все. По мнению Джареда.

– И что это должно означать?

Как будто ты не знаешь, подумал Джаред.

– Что ты едешь на «Arcade Fire» с Эриком.

– Гм. – Она вроде бы задумалась. – В таком случае хорошо, что с ним едешь не ты.

– Эй, помнишь экскурсию в Музей игрушек и железных дорог на Крюгер-стрит? В пятом классе?

Мэри улыбнулась и провела рукой с бархатисто-синими ногтями по длинным волосам.

– Такое не забудешь. Мы могли туда не попасть, потому что Билли Мирс написал на руке что-то непристойное. Миссис Колби оставила его в автобусе с водителем, тем, что заикался.

Эрик подкинул мяч, приподнялся на цыпочки и подал на вылет. Мяч просвистел над самой сеткой. Вместо того чтобы попытаться его отбить, Курт отпрянул. Эрик вскинул руки над головой, совсем как Рокки на ступенях Художественного музея Филадельфии. Мэри захлопала в ладоши. Эрик повернулся к ней и поклонился.

– На руке Билли было написано: «МИССИС КОЛБИ ЕСТЬ ГОВНО», – но он этого не писал. Написал Эрик. Пока Билли крепко спал. Но Билли предпочел промолчать. Лучше остаться в автобусе, чем близко познакомиться с кулаками Эрика.

– И что?

– То, что Эрик – задира.

– Был задирой, – возразила Мэри. – С тех пор прошло много лет.

– Как веточка согнется, так сук и сформируется. – Таким педантичным тоном иной раз говорил его отец, и Джаред тут же пожалел о сказанном.

Мэри оценивающе смотрела на него серыми глазами.

– И что это означает?

Остановись, сказал себе Джаред, просто пожми плечами и смени тему. Он часто давал себе этот хороший совет, но

желание ответить обычно брало верх. Как и сейчас.

– Это означает, что люди не меняются.

– Иногда меняются. Мой отец раньше слишком много пил, но теперь завязал. Ходит на собрания Анонимных алкоголиков.

– Ладно, некоторые меняются. Я рад, что твой отец из таких.

– И это правильно. – Взгляд ее серых глаз по-прежнему был устремлен на него.

– Но большинство людей не меняется. Сама посуди. Кто в пятом классе был спортсменом – вроде Эрика, – тот им и остался. Ты была умной тогда – и умная сейчас. А те, кто были неудачниками в пятом классе, останутся ими и в одиннадцатом, и в двенадцатом. Ты хоть раз видела Эрика и Билли вместе? Нет? Дело закрыто.

На этот раз Курт сумел отбить подачу Эрика, но едва-едва. Эрик хищной птицей метнулся к сетке, ударил сильно, прицельно, и мяч попал в пряжку на ремне Курта.

– Ты это прекрати, чувак! – воскликнул Курт. – Вдруг я когда-нибудь захочу иметь детей!

– Плохая идея, – ответил Эрик. – А теперь давай за ним, это мой счастливый мяч. Неси, песик.

И пока Курт, надувшись, ходил за мячом, Эрик повернулся к Мэри и вновь ей поклонился. Она одарила его лучезарной улыбкой. Когда Мэри перевела взгляд на Джареда, улыбка сохранилась, но заметно поблекла.

– Мне нравится, что ты оберегаешь меня, Джер, но я большая девочка. Это всего лишь концерт, а не брачные узы.

– Просто...

– Просто – что? – От улыбки не осталось и следа.

Просто будь с ним настороже, хотел сказать Джаред. Потому что рисунок на руке Билли – это ерунда. Шалость, достойная пятого класса. В старших классах были отвратительные подлости в раздевалке, о которых я не хочу говорить. Отчасти потому, что ни разу не вмешался. Только наблюдал.

Еще один дельный совет, но прежде чем Джаред смог подавить желание что-либо ответить, Мэри развернулась на сиденье, посмотрела в сторону школы. Должно быть, что-то привлекло ее внимание, и теперь Джаред видел, что именно. Коричневое облако поднялось с крыши спортзала. Достаточно большое, чтобы распугать ворон, которые сидели на деревьях, окружавших автомобильную стоянку для персонала.

Пыль, подумал Джаред, но вместо того чтобы рассеяться, облако заложило резкий вираж и двинулось на север. Оно напоминало птичью стаю, однако состояло определенно не из птиц. Слишком мелкие даже для воробьев.

– Облако мотыльков! – воскликнула Мэри. – Надо же! Кто бы знал!

– Это так называется? Облако?

– Да! Кто знал, что они сбиваются в стаи? И большинство мотыльков оставляют день бабочкам. Мотыльки – ночные летуны. Во всяком случае, обычно.

– Откуда ты все это знаешь?

– В восьмом классе делала научный проект по мотылькам. На староанглийском они mott, как и личинки. Отец уговорил меня на этот проект, потому что я их боялась. Когда я была маленькой, кто-то сказал мне, что я ослепну, если пыльца с крыльев мотылька попадет мне в глаза. Отец сказал, что это старушечьи басни и если я сделаю научный проект по мотылькам, то, возможно, подружусь с ними. Он сказал, что бабочки – королевы красоты мира насекомых, их всегда приглашают на бал, а бедные мотыльки остаются дома, как Золушка. Он тогда еще пил, но история получилась забавной.

Она с вызовом смотрела на него серыми глазами.

– Точно, клевая. И что ты?

– Что – я?

– Подружилась с ними?

– Не совсем, но выяснила много интересного. Бабочки, когда отдыхают, складывают крылья на спине. Мотыльки используют свои, чтобы прикрывать живот. У мотыльков есть френулулы, зацепки, скрепляющие крылья попарно, а у бабочек нет. У бабочек – твердые куколки. У мотыльков – коконы, мягкие и шелковистые.

– Эй! – Кент Дейли, с рюкзаком и теннисной ракеткой за плечом, на велосипеде выехал из зарослей на поле для софтбола. – Норкросс! Пак! Вы видели, как взлетели эти птицы?

– Это были мотыльки, – поправил его Джаред. – Те, что с френулулами. А может, с френулами.

– Что?

– Не важно. Что ты здесь делаешь? Сегодня учебный день, знаешь ли.

– Мама попросила вынести мусор.

– Наверное, его было очень много, – сказала Мэ-ри. – Уже третий урок.

Кент ухмыльнулся, потом увидел Эрика и Курта на центральном корте и бросил велосипед на траву.

– Присядь, Курт, и позволь мужчине взяться за дело. Ты не сможешь принять подачу Эрика, даже если бы от этого зависела жизнь твоей собаки.

Курт уступил свою половину корта Кенту, бонвивану, который не ощущал никакой необходимости заглянуть в административное крыло и объяснить опоздание. Эрик подал, и Джаред обрадовался, увидев, как только что прибывший Кент четким ударом вернул ему мяч.

– Ацтеки верили, что черные мотыльки – знак беды, – продолжала Мэри, полностью потеряв интерес к продолжавшемуся внизу теннисному матчу. – В горных долинах до сих пор есть люди, которые верят, что белый мотылек в доме – к чьей-то смерти.

– Мэри, да ты у нас просто эксперт по мотылькам. – Она фыркнула. – Постой, за всю жизнь ты ни разу не бывала в горных долинах. Ты это выдумала, чтобы напугать меня. Между прочим, получилось!

– Нет, не выдумала! Прочитала в книге!

Она ударила его в плечо. Больно, но Джаред прикинулся, будто ничего не почувствовал.

– Эти коричневые. Что означает появление коричневых мотыльков?

– Это интересно. Черноногие индейцы считают, что коричневые мотыльки приносят дрему и сновидения.

6

Джаред одевался на скамье в дальнем конце раздевалки. Глупые десятиклассники отбыли, опасаясь, что их отхлещут мокрыми полотенцами – этой забавой славились Эрик и его дружки. А может, правильнее сказать, позорились? Ты говоришь френулум, я говорю френула, подумал Джаред, надевая кроссовки. Скажем так: проехали.

В душевой Эрик, Курт и Кент визжали, плескались и выкрикивали привычные остроты: пошел на хрен, имел я твою мать, а я твою, пидор, поцелуй меня в зад, твоя сестра – шлюха, и т. д. Это утомляло, а до окончания школы было еще так далеко.

Вода перестала течь. Эрик и компания босиком прошлепали в ту часть раздевалки, которую считали своей вотчиной – только для выпускного класса, будьте любезны, – а это означало, что Джаред лишь мгновение лицезрел их голые зады, исчезнувшие за углом. Его это полностью устроило. Он понюхал теннисные носки, поморщился, сунул их в спортив-

ную сумку, застегнул молнию.

– По пути сюда я видел Старую Эсси, – говорил Кент.

– Бездомную старуху? – спросил Курт. – Ту, что с тележкой?

– Ага. Чуть не переехал ее и не свалился на говняный навес, где она живет.

– Кто-то должен очистить от нее территорию, – сказал Курт.

– Вчера вечером она, должно быть, высосала всю свою винную заначку, – продолжал Кент. – Лежала в отключке. И она в чем-то извалялась. Лицо покрывала паутина. Такая мерзопакость. Я видел, как она колышется от ее дыхания. Я ей крикнул: «Эсси, что с тобой, девочка? Что с тобой, беззубая старая сука?» Никакой реакции, чувак. Гребаный ноль.

– Жаль, что нет волшебного зелья, усыпляющего девочек, чтобы ты мог их трахнуть без предварительных обхаживаний, – сказал Курт.

– Есть, – возразил Эрик. – Называется рогипнол.

Когда они оглушительно заржали, Джаред подумал: И этот парень везет Мэри на концерт «Arcade Fire». Этот самый парень.

– К тому же в той маленькой лощине, где она спит, столько всякого странного дерьма, включая верхнюю половину манекена из универмага, – сказал Кент. – Я бы трахнул кого угодно, друг, но пьяная в жопу бездомная сука, покрытая паутиной? Эту черту – толстую черту – я пересечь не могу.

– А моя черта сплошь пунктирная. – В голосе Курта слышалась тоска. – Ситуация отчаянная. Я бы трахнул даже зомби из «Ходячих мертвецов».

– Ты уже трахнул, – сказал Эрик. – Харриет Давенпорт.

Вновь дикий смех. Зачем я это слушаю? – спросил себя Джаред и снова подумал: Мэри собирается на концерт с одним из этих психов. Она понятия не имеет, какой Эрик на самом деле, а после нашего разговора на трибунах вряд ли поверит мне.

– Ты бы не стал трахать эту козу, – заметил Кент. – Но глянуть на нее интересно. Давайте сходим после школы. Проверим, как там она.

– А чего тянуть? – спросил Эрик. – Смоемся после шестого урока.

Шлепающие звуки – хлопки ладони о ладонь – скрепили договор. Джаред схватил спортивную сумку и отбыл.

Лишь во время обеденного перерыва Фрэнки Джонсон подсел к Джареду и сказал, что странная сонная болезнь, поражающая женщин, зафиксирована не только в Австралии и на Гавайях. Она добралась до округа Колумбия, Ричмонда и даже до Мартинсберга, а это совсем рядом. Джаред вспомнил, что говорил Кент о Старой Эсси – паутина на лице, – но решил, что быть такого не может. Только не здесь. В Дулинге никогда не происходило ничего интересного.

– Они называют эту болезнь Авророй, – продолжил Фрэнки. – Слушай, у тебя куриный салат? Как он тебе? Хочешь

махнуться?

Глава 5

1

Всю обстановку камеры 12 крыла А составляли койка, стальной унитаз да видеокамеры в углах под потолком. Ни цветного квадрата на стене для фотографий и вырезок, ни стола. Коутс принесла в камеру пластмассовый стул, чтобы сидеть, пока Клинт осматривал лежавшую на койке Китти Макдэвид.

– И что? – спросила Коутс.

– Она жива. Все жизненные показатели в норме. – Сидевший на корточках Клинт выпрямился, сдернул латексные перчатки и осторожно положил их в полиэтиленовый пакет. Достал из кармана маленький блокнот и ручку, начал записывать. – Я не знаю, что это за вещество. Оно тянется, как смола, но при этом прочное. И проницаемое, потому что она дышит сквозь него. Оно пахнет... землей, на мой взгляд. И воском. Если ты спросишь, я скажу, что это какая-то плесень, но оно не похоже на плесень, которую я когда-либо видел или о которой слышал. – Пытаясь описать ситуацию, Клинт чувствовал себя так, будто карабкается на холм из пенсов. – Биолог мог бы взять образец и изучить под микроскопом...

– Мне сказали, что пытаться убрать это вещество – плохая идея.

Клинт щелкнул ручкой, сунул ее и блокнот в карман халата.

– Что ж, я все равно не биолог. А раз она не испытывает никаких неудобств...

Лицо Китти покрывал тонкий, просвечивающий слой белого вещества, плотно облегающий кожу. Будто саван. Клинт мог сказать, что глаза Китти закрыты, и мог сказать, что они движутся, как при быстром сне. Сама идея, что она видит сны, когда ее лицо затянута этим веществом, тревожила его, хотя он и не мог объяснить почему.

Клочки этого полупрозрачного материала появились на вялых запястьях и кистях, покачивались, словно под ветром, заползали на пояс униформы, соединялись между собой. Глядя, как распространяется это вещество, Клинт предположил, что со временем оно покроет все тело Китти.

– Похоже на «платочек фей». – Начальник скрестила руки на груди. Она не выглядела расстроенной, лишь задумчивой.

– «Платочек фей»?

– Их плетут травяные пауки. Их можно увидеть утром, пока не высохла роса.

– А-а-а. Понятно. Иногда я вижу их в своем дворе.

Какое-то время они молчали, наблюдая за маленькими щупальцами полупрозрачного вещества. Глаза под опущенными веками Китти пребывали в непрерывном движении.

Где она сейчас была? Снились ли ей наркотики? Китти однажды сказала Клинту, что процесс подготовки нравился ей даже больше, чем кайф. Сладкое предвкушение. Снилось ли ей, как она режет себя? Снился ли ей Лоуэлл Грайнер, торговец наркотиками, обещавший убить ее, если она кому-нибудь расскажет о том, чем он занимался? Или ее мозг отключился, заблокированный вирусом (если это был вирус), который проявлял себя вот такой паутиной? Являлись ли ее движущиеся глаза нейронным эквивалентом оборванного провода, брызжущего искрами?

– Все это страшно до усрачки, – призналась Джейнис. – А я такими фразами не разбрасываюсь.

Клинта радовал скорый приезд Лайлы. Что бы между ними ни произошло, он хотел увидеть ее лицо.

– Мне нужно позвонить сыну, – сказал Клинт, обращаясь скорее к самому себе.

Рэнд Куигли, дежурный этажа, всунул голову в камеру. Бросил быстрый, обеспокоенный взгляд на неподвижно лежащую женщину с покрытым паутиной лицом, потом повернулся к начальнику и откашлялся.

– Шериф с арестанткой подъедет через двадцать или тридцать минут. – Он помолчал. – Бланш сказала мне о двойной смене, начальник. Я готов оставаться здесь столько, сколько потребуется.

– Молодец.

По пути в камеру Клинт рассказал Коутс о женщине, су-

дя по всему, убившей двух мужчин, и о том, что Лайла привезет ее сюда. Начальник, куда в большей степени озабоченная словами Микаэлы, отнеслась к нарушению инструкций с нехарактерным для нее безразличием. Клинт вздохнул с облегчением, которое длилось считанные секунды, пока она не выложила все, что узнала об Авроре.

Прежде чем Клинт успел спросить, шутит ли она, Коутс показала ему айфон с выведенной на экран первой страницей «Нью-Йорк таймс». **ЭПИДЕМИЯ**, – кричал огромный заголовок. В статье говорилось, что у женщин во сне образовывалось некое покрытие, что они не просыпались, что в западных часовых поясах происходили массовые волнения, а в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско начались пожары. Ничего о том, что случалось при попытках снять эту «вуаль», заметил Клинт. Возможно, потому, что это был только слух. Возможно, потому, что это была чистая правда, но средства массовой информации пытались не допустить всеобщей паники. На текущий момент кто мог знать наверняка?

– Ты сможешь позвонить сыну через несколько минут, но, Клинт, дело чрезвычайно серьезное. У нас в смене шесть дежурных, плюс ты, я, Бланш в офисе и Данфи из отдела обслуживания. А в тюрьме сто четырнадцать женщин-заключенных, и еще одну скоро привезут. Большинство дежурных, как и Куигли, знают, что такое долг, и я уверена, что они не подведут. За что я благодарю Бога, потому что понятия не имею, когда нам ждать подкрепления и в каком количестве.

Ты понимаешь?

Клинт понимал.

– Хорошо. Для начала, док, что нам делать с Китти?

– Мы свяжемся с ЦКЗ, попросим прислать парней в защитных костюмах, чтобы они увезли ее и обследовали, но... – Клинт раскинул руки, показывая, что смысла в этом нет. – Если эта зараза распространяется так быстро, как ты говоришь, а новости вроде бы это подтверждают, нам не помогут, пока не разберутся, что к чему.

Коутс по-прежнему держала руки скрещенными на груди. Клинт задался вопросом, а не трясет ли ее? Мысль одновременно подбодрила его и напугала.

– Надо полагать, в больницу Святой Терезы или еще куда-нибудь ее тоже вряд ли заберут. Очевидно, у них своих пациентов выше крыши.

– Мы можем им позвонить, но, думаю, все именно так, – кивнул Клинт. – Так что давай запрем камеру и объявим карантин. Не нужно, чтобы к ней кто-то приближался или прикасался, даже в перчатках. Ван может следить за ней из Будки. Если что-то изменится, если ей станет плохо, если она проснется, мы сразу прибежим.

– Похоже на план. – Она махнула рукой, отгоняя мотылька. – Паршивое насекомое. Как оно вообще сюда попало? Следующий вопрос: как насчет остальных? Что будем с ними делать?

– В каком смысле? – Клинт попытался сбить мотылька,

промахнулся, и тот кругами поднялся к флуоресцентным лампам на потолке.

– Если они все уснут, как... – Начальник показала на Мак-Дэвид.

Клинт коснулся лба, ожидая почувствовать лихорадочный жар. У него в голове возник безумный вопрос и варианты ответа.

* * *

Как заставить заключенных бодрствовать? Выбери лучший ответ:

А) Запустить по громкой связи «Metallica» и крутить без передышки.

Б) Выдать каждой заключенной нож и сказать, чтобы резала себя, почувствовав сонливость.

В) Выдать каждой заключенной мешок дексамфетамина.

Г) «Metallica», нож и дексамфетамин в одном флаконе.

Д) Никак.

– Есть лекарственные препараты, помогающие бодрствовать, но, Джейнис, большинство женщин в этой тюрьме – наркоманки. Сама идея пичкать их таблетками, которые по большому счету те же наркотики, не выглядит безопасной и полезной. Взять, к примеру, модафинил. Я не смогу выписать рецепт на сотню таблеток. Надо полагать, фармацевт в

«Райт-Эйд» посмотрит на него косо. Короче, я *не вижу* способа им помочь. Все, что мы можем, так это поддерживать обычный порядок, не допускать паники, надеяться, что будет найдено объяснение происходящему или выход из создавшейся ситуации, и... — Клинт запнулся, прежде чем озвучить эвфемизм, который вроде бы подытоживал все вышесказанное, но казался фальшивым. — И не вмешиваться в естественный ход событий. — Хотя с таким естественным ходом ему сталкиваться не доводилось.

Коутс вздохнула.

Они вышли в коридор, и начальник попросила Куигли передать всем ее приказ: никому не прикасаться к веществу, покрывавшему Макдэвид.

2

Заклученные, работавшие в мебельном цехе, обычно ели в столовой, но в теплые солнечные дни им разрешалось обедать на свежем воздухе, в тени здания. Сегодня Джанетт Сорли только приветствовала такую возможность. В огороде, пока доктор Норкросс говорил по телефону, у нее заболела голова, и теперь боль усиливалась, проникала все глубже, словно кто-то вбивал стальной штырь в ее левый висок. Вонь лака тоже делала свое черное дело. Так что глоток свежего воздуха вполне мог помочь.

Без десяти двенадцать две краснoblузницы — бесконвой-

ные заключенные – вкатили столик с сэндвичами, лимонадом и чашками с шоколадным пудингом. В двенадцать раздался гудок. Джанетт последний раз прокрутила ножку, обработку которой заканчивала, и выключила станок. Полдесятка заключенных последовали ее примеру. Уровень шума заметно снизился. Теперь тишину цеха – уже было жарко, хотя еще не наступил июнь – нарушал только пронзительный вой пылесоса, которым Ри Демпстер счищала опилки с пола между последним рядом станков и стеной.

– Выключай пылесос, заключенная! – проревел Тиг Мерфи. В тюрьме он работал недавно. Как и все новенькие, он часто и много орал, потому что ему доставало уверенности в себе. – Обед! Или ты не слышала гудок?

– Дежурный, – начала Ри, – мне осталось совсем немного...

– Выключай, я сказал!

– Да, дежурный.

Ри выключила пылесос, и от тишины по телу Джанетт разлилось облегчение. Руки в рабочих перчатках болели от усталости, голова – от запаха лака. Ей хотелось одного: быстрее вернуться в старую добрую камеру Б-7, где она сможет принять аспирин (он входил в зеленый список, но на месяц разрешалась только дюжина таблеток). А потом, возможно, ей удастся поспать до ужина, который в крыле Б начинался в шесть вечера.

– Построились, подняли руки, – командовал дежурный

Мерфи. – Дамы, построились, подняли руки, показали мне свои инструменты.

Они построились. Ри, стоя перед Джанетт, прошептала:

– Дежурный Мерфи жирноват, верно?

– Вероятно, ел шоколадный торт с Мишель Обамой, – шепотом ответила Джанетт, и Ри захихикала.

Они подняли свои инструменты: шлифовальные бруски, отвертки, дрели, стамески. Джанетт задалась вопросом, могли ли заключенные-мужчины получить доступ к таким потенциально опасным орудиям. Особенно к отверткам. Она прекрасно знала, что отверткой можно убить. И боль в левом виске вызывала мысли об отвертке. Будто кто-то вкручивал и вкручивал ее, терзая нежный мозг.

– Не пообедать ли нам сегодня *al fresco*, дамы? – Кто-то говорил, что дежурный Мерфи прежде работал учителем старших классов, но потерял место при сокращении преподавательского состава. – Это означает...

– На свежем воздухе, – пробормотала Джанетт. – Это означает обед на свежем воздухе.

Мерфи нацелил на нее палец.

– Среди нас стипендиатка Родса. – Он улыбался, и в его словах не было злобы.

Инструменты проверили, собрали и положили в стальной напольный ящик, который Мерфи запер на ключ. Работницы мебельного цеха поплелись к столику, разобрали сэндвичи и картонные стаканчики с напитком и застыли в ожидании,

пока Мерфи их пересчитает.

– Дамы, вас ожидают великие просторы. Кто-нибудь, возьмите мне сэндвич с ветчиной и сыром.

– Ветчину уже можно делать из тебя, лапуся, – пробормотала Энджел Фицрой, за что удостоилась резкого взгляда Мерфи, на который ответила своим невинным взглядом. Джанетт даже немного пожалела дежурного. Однако на жалость продукты не купишь, как говорила ее мать. По мнению Джанетт, Мерфи мог продержаться три месяца. Самое большее.

Женщины одна за другой вышли из цеха, сели на траву, привалились к стене здания.

– Что у тебя? – спросила Ри.

Джанетт изучила свой сэндвич.

– Курица.

– А у меня тунец. Хочешь махнутья?

Джанетт было все равно, голода она не чувствовала, поэтому поменялась сэндвичами с Ри. Заставила себя поесть в надежде, что головная боль утихнет. Выпила лимонад, который горчил, но когда Ри протянула ей чашку с пудингом, покачала головой. Шоколад мог спровоцировать мигрень, а если боль усилится, придется идти в лазарет за зомигом, который она получит, только если доктор Эн еще на работе. Прошел слух, что фельдшеры этим утром не явились.

Бетонная дорожка уходила к главному тюремному зданию, и кто-то нарисовал на ней классики. Несколько женщин

поднялись, нашли камешки, начали играть, распевая песенки, которые, похоже, помнили с детства. Джанетт находила забавным, что в голове застревает столько мусора.

Последний кусочек сэндвича она запила последним глотком горького лимонада, привалилась к стене и закрыла глаза. Не утихла ли боль? Возможно. В любом случае у них осталось еще минут пятнадцать. Если она сможет немного поспать...

В этот самый момент дежурный Питерс выскочил из столового цеха, как маленький, шустрый черт из табакерки. Или как тролль из-под скалы. Посмотрел на прыгавших женщин, потом на сидевших у стены. Наконец его взгляд остановился на Джанетт.

– Сорли. Иди сюда. У меня есть для тебя работенка.

Гребаный Питерс. Любитель прихватить чужую грудь и пощупать чужой зад, всегда проделывающий это в одной из множества слепых зон, невидимых для камер видеонаблюдения. Он знал их все. А если ты возмущалась, грудь уже не прихватывали, а выкручивали.

– У меня перерыв на обед, дежурный, – как можно любезнее ответила она.

– На мой взгляд, он у тебя закончился. А теперь отрывай зад от земли и следуй за мной.

На лице Мерфи отразилось сомнение, но одно правило женской тюрьмы ему вдолбили накрепко: мужчинам-дежурным не разрешалось оставаться один на один с заключенными.

ми.

– Система напарников, Дон.

Щеки Питерса зарумянились. Ему не хотелось вступать в перепалку с Училой, особенно после выговора Коутс и известия, только-только полученного от Бланш Макинтайр. «придется» отработать вторую смену из-за «национальной катастрофы». Дон проверил на телефоне новости: «национальная катастрофа» обернулась десятком старух, обросших какой-то плесенью. Коутс точно рехнулась.

– Мне не нужны ее напарницы, – заявил Дон. – Я пришел только за ней.

Он не станет спорить, подумала Джанетт. Здесь Мерфи – что дитя малое. Но Мерфи ее удивил.

– Система напарников, – повторил он. Возможно, она ошиблась и дежурный Мерфи все-таки приживется.

Питерс оценил ситуацию. Женщины, сидевшие у стены, смотрели на него. Игра в классики прекратилась. Они были заключенными, но при этом и свидетельницами.

– *Э-ге-гей!* – Энджел величественно помахала ему рукой. – *Э-ге-гей!* Вы меня знаете, дежурный Питерс, я всегда готова помочь.

И Дон в тревоге подумал – каким бы абсурдным это ни казалось, – что Фицрой прознала о его замысле. Разумеется, нет, такого просто быть не могло, она лишь старалась досадить ему, как и всегда. И хотя он с удовольствием остался бы с Фицрой наедине минуток на пять, ему совершенно не нра-

вилаась идея повернуться к ней спиной хотя бы на секунду.

Нет, только не Фицрой, она совершенно не годилась.

Он указал на Ри:

– Ты, Дампстер¹⁶. – Некоторые женщины засмеялись.

– *Демпстер*, – с достоинством поправила его Ри.

– Демпстер, Дампстер, Дампжопель, мне насрать. Пойдете обе. И не заставляйте меня просить дважды, сегодня я не в духе. – Он посмотрел на Мерфи, этого умника. – Увидимся, учителегатор.

Вновь смех, но уже подобоострастный. Мерфи был новичком и уважением не пользовался, а никто из заключенных не хотел попасть в черный список дежурного Питерса. Они вовсе не глупы, подумал Дон, эти заключенные.

3

Миновав четверть Бродвея, дежурный Питерс остановил Джанетт и Ри у двери комнаты отдыха и встреч с посетителями, которая во время обеденного перерыва пустовала. У Джанетт появилось дурное предчувствие. Когда Питерс открыл дверь, она не сдвинулась с места.

– Чего вы от нас хотите?

– Ты ослепла, заключенная?

Нет, не ослепла. Она видела ведро для мойки пола и при-

¹⁶ Dumpster – мусорный бак (англ.).

слоненную к нему швабру, а на одном из столов – второе пластмассовое ведро. С тряпками и чистящими средствами вместо чашек пудинга.

– У нас обеденный перерыв. – Ри пыталась изобразить негодование, но дрожь в голосе испортила впечатление. – И потом, у нас уже *есть* работа.

Питерс наклонился к ней, его губы растянулись, обнажив неровные зубы, и Ри прижалась к Джанетт.

– Можешь записать это в свой лист жалоб и позже передать капеллану. А сейчас заходи и не спорь со мной, если не хочешь, чтобы я подал рапорт о твоём плохом поведении. У меня дерьмовый день, я в крайне дерьмовом настроении, так что проходи, или сама окажешься вся в дерьме.

А потом, сдвинувшись вправо, чтобы не попасть на камеру, он схватил блузу Ри со спины, сунув пальцы под эластичную бретельку ее спортивного бюстгальтера, и толкнул Ри в комнату отдыха. Ри споткнулась, но успела опереться рукой о торговый автомат.

– Хорошо, хорошо!

– Хорошо кто?

– Хорошо, дежурный Питерс.

– Вы не должны нас толкать, – заявила Джанетт. – Это неправильно.

Дон Питерс закатил глаза.

– Прибереги это для тех, кому интересно. Завтра День посещений, а тут настоящий свинарник.

Джанетт так не казалось. На ее взгляд, все было в порядке. Но ее мнение значения не имело. Если человек в форме говорил, что комната похожа на свинарник, значит, так оно и было. По таким правилам жили исправительные заведения в маленьком округе Дулинге – и, вероятно, во всем мире.

– Вы двое вымоете здесь все от стены до стены, от пола до потолка, а я проверю, хорошо ли вы справились с порученным делом. – Он указал на ведро с чистящими средствами. – Это твое, Дампстер. А мисс Неправильно возьмется за швабру, и пол должен стать таким чистым, чтобы я мог с него есть.

Я бы с удовольствием скормила тебе твой обед с пола, подумала Джанетт, но пошла к ведру на колесиках. Рапорт о плохом поведении ей был совершенно ни к чему. Если Питерс его напишет, она вряд ли окажется в этой комнате в ближайшие выходные, когда в тюрьму придет сестра с ее сыном. Им предстояла долгая дорога на автобусе, и как же она любила Бобби за то, что он никогда не жаловался. Но головная боль только усиливалась, и больше всего на свете Джанетт хотелось выпить пару таблеток аспирина и поспать.

Ри обследовала содержимое пластмассового ведра, выбрала баллончик со спреем и тряпку.

– Хочешь нюхнуть «Пледжа», Дампстер? Пустить струю в нос и словить кайф?

– Нет.

– Ты ведь хотела бы словить кайф?

– Нет.

– Нет кто?

– Нет, дежурный Питерс.

Ри начала полировать стол. Джанетт наполнила ведро из раковины в углу, смочила швабру, отжала и принялась мыть пол. Через сетчатый забор, огораживавший территорию тюрьмы, она видела Уэст-Лейвин, по которой мчались в обе стороны автомобили со свободными людьми. Они ехали куда хотели: на работу, домой, на ланч в «Денниз», куда глаза глядят.

– Подойди сюда, Сорли, – приказал Питерс. Он стоял между торговыми автоматами с закусками и газировкой, в слепой зоне видеокамер, где заключенные иной раз обменивались таблетками или сигаретами и целовались.

Она покачала головой и продолжила мыть пол. Длинные влажные полосы на линолеуме быстро высыхали.

– Подойди сюда, если хочешь увидеть своего сына в его следующий приезд сюда.

Я должна сказать нет, подумала она. Должна сказать: оставь меня в покое, а не то я заявлю на тебя. Но он так долго выходил сухим из воды. Все знают насчет Питерса. Коутс тоже должна знать, но, несмотря на все ее разговоры о недопустимости сексуального насилия, ничего не меняется.

Джанетт вошла в маленькую нишу между автоматами и встала перед Питерсом, опустив голову, со шваброй в руке.

– Давай! Спиной к стене! Швабра тебе не нужна, оставь ее.

– Я не хочу, дежурный. – Боль в голове нарастала, пульси-

ровала и пульсировала. Камера Б-7 находилась чуть дальше по коридору, с аспирином на полочке.

– Иди сюда, не то получишь отметку о плохом поведении и потеряешь право на свидание с родственниками. А потом я позабочусь, чтобы ты получила вторую отметку, и тогда – пуф – никакого примерного поведения.

А значит, никаких шансов на условно-досрочное освобождение в следующем году, подумала Джанетт. Никакого примерного поведения, никакого условно-досрочного, полный срок, дело закрыто.

Она протиснулась мимо Питерса, и он вжался в нее бедрами, чтобы она почувствовала его торчащий член. Джанетт встала спиной к стене. Питерс подступил к ней вплотную. Она чувствовала запахи его пота, лосьона после бритья, укрепляющего бальзама для волос. Ростом она была повыше и поверх его плеча видела соседку по камере. Ри перестала полировать стол. Ее глаза наполняли страх, смятение и, возможно, злость. Она крепко сжимала баллончик «Пледжа» и медленно поднимала его. Джанетт чуть качнула головой. Питерс ничего не заметил: он расстегивал ширинку.

Ри опустила баллончик и вновь принялась полировать стол, который и так был хорошо отполирован.

– А теперь бери мой конец. Мне нужно снять напряжение. Ты знаешь, чего бы я хотел? Чтобы на твоем месте была Коутси. Хотел бы я прижать ее тощий зад к стене. Будь она на твоем месте, дрочкой бы не обошлось.

Он ахнул, когда Джанетт ухватила его за член. Такой жалкий. Не длиннее трех дюймов – нечем похвастать перед мужиками, – но твердый. И она знала, что делать. Большинство женщин знали. У парня пистолет. Ты его разряжаешь. Он идет по своим делам.

– Полегче, Господи! – прошипел он. У него изо рта вомяло, чувствовался привкус чего-то острого, «Слим-джим» или пеперони. – погоди, дай мне руку. – Она дала, и он плюнул ей на ладонь. – *Теперь* продолжай. И немного пощекочи яйца.

Она сделала, как велено, а пока делала, смотрела в окно над его плечом. Этой технике она начала учиться в одиннадцать лет с отчимом – и довела ее до совершенства с ныне покойным мужем. Если ты находила, на что смотреть, на чем сосредоточиться, тебе почти удавалось выйти из тела, притвориться, будто тело само по себе, а ты совсем в другом месте, неожиданно вызвавшем у тебя большой интерес.

К тюрьме подъехал автомобиль шерифа округа, и Джанетт наблюдала, как он миновал наружные ворота, постоял в шлюзе, вкатился во двор, когда открылись внутренние. Начальник Коутс, доктор Норкросс и дежурная Лэмпли вышли из главного корпуса, чтобы встретить шерифа. Джанетт забыла о дежурном Питерсе, тяжело дышавшем ей в ухо. Двое копов вылезли из патрульного автомобиля. Женщина – с водительской стороны, мужчина – с пассажирской. Оба достали пистолеты. Следовательно, они привезли опасную пре-

ступницу, путь которой лежал в крыло В. Женщина-коп открыла заднюю дверцу, и появилась еще одна женщина. Джанетт она опасной не показалась. Красавица, несмотря на синяки на лице. Черные волосы падали на спину. Формы приковывали взгляд, и даже в мешковатой полицейской форме выглядела она круто. Что-то кружило над ее головой. Большой комар? Мотылек? Джанетт попыталась разглядеть, но точно сказать так и не смогла. Ахи Питерса перешли в сладострастные хрипы.

Мужчина-коп взял черноволосую женщину за плечо и повел к входу, где ждали Норкросс и Коутс. Когда они войдут внутрь, начнется процедура. Женщина взмахом руки отогнала кружившего над головой летуна, при этом открыв широкий рот и подняв лицо к небу. Джанетт увидела, что она смеется, увидела сверкающие идеальные зубы.

Питерс начал биться об нее, его сперма выплеснулась ей в руку.

Он отступил на шаг. Его щеки пылали. Маленькое толстое лицо расплылось в улыбке, он застегнул ширинку.

– Вытри руку о заднюю стенку автомата с колой, Сорли, а потом домой этот гребаный пол.

Джанетт вытерла ладонь от его спермы, потом покатила ведро с водой к раковине, чтобы вымыть руку. Когда вернулась, Питерс сидел на одном из столов и пил колу.

– Ты в порядке? – прошептала Ри.

– Да, – шепотом ответила Джанетт. Все будет хорошо,

как только она примет аспирин, который снимет головную боль. Последних четырех минут просто не было. Она наблюдала, как женщина вылезает из патрульного автомобиля, ничего больше. Не нужно думать о последних четырех минутах. Главное для нее – увидеть Бобби, когда он приедет в следующий раз.

Хсс-хсс, прошипел баллончик.

Несколько секунд блаженной тишины, потом шепот Ри:

– Ты видела новенькую?

– Да.

– Она действительно красотка, или мне показалось?

– Она красотка.

– Эти окружные копы достали пушки, ты видела?

– Да. – Джанетт покосилась на Питерса, который включил телевизор и теперь смотрел какой-то выпуск новостей. Кто-то сидел в автомобиле, навалившись на руль. Не представлялось возможным определить, мужчина это или женщина, потому что его или ее завернули в какой-то полупрозрачный материал. В нижней части экрана мерцала красным надпись «ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК», но это ничего не значило. Экстренным выпуском могло пройти сообщение, что Ким Кардашьян громко перднула. Джанетт смахнула влагу, которой внезапно наполнились глаза.

– И что она, по-твоему, сделала?

Джанетт откашлялась, глотая слезы.

– Понятия не имею.

– Ты точно в порядке?

Прежде чем она успела ответить, Питерс сказал, не поворачивая головы:

– Хватит трепаться, а не то обе получите отметку о плохом поведении.

И поскольку Ри не могла замолчать, такая у нее была натура, Джанетт отошла в другой конец комнаты, где и продолжила мыть пол.

С экрана Микаэла Морган сказала:

– Президент пока отказывается объявлять чрезвычайную ситуацию, но информированные источники, близко знакомые со сложившимся положением, говорят...

Джанетт посмотрела в окно. Новенькая подняла скованные наручниками руки к кружившим над ее головой мотылькам и рассмеялась, когда они сели.

Здесь тебя отучат смеяться, сестренка, подумала Джанетт. Нас всех отучили.

4

Антон Дубчек вернулся домой на обед. Такая у него была привычка, и хотя часы показывали только половину первого, по меркам Антона, обед был поздним, потому что в это утро он вкалывал с шести часов. Люди не понимали, что чистка бассейнов – работа не для слабаков. Здесь требовалась целеустремленность. Если ты хотел добиться успеха с бассейна-

ми, то не мог спать, видя сны о блинах и минетах. Чтобы опережать конкурентов, следовало опережать солнце. К этому моменту он отрегулировал уровень и очистил фильтры семи бассейнов и заменил прокладки в двух насосах. Оставшиеся четыре заказа он собирался выполнить ближе к вечеру.

А в промежутке: пообедать, поспать, покачать мышцы и, возможно, заглянуть к Джессике Элуэй, скучающей замужней дамочке, которую он сейчас регулярно трахал. Тот факт, что ее муж работал в местной полиции, только усиливал остроту ощущений. Копы сидели в своих автомобилях, трескали пончики и получали удовольствие, гоняя черных парней. Антон занимался гребаными бассейнами и зарабатывал деньги.

Он бросил ключи в чашу на столике у двери и прошел к холодильнику за коктейлем. Пакет соевого молока, мешочек с капустой кейл, контейнер с ягодами... никакого коктейля.

– Мама! Мама! – крикнул он. – Где мой коктейль?

Ответа не последовало, но в гостиной работал телевизор. Антон заглянул в дверь. Увиденное – пустой стакан, работающий телевизор – говорило само за себя: Магда решила вздремнуть. При всей любви Антона к матери он знал, что она слишком много пьет. От спиртного она становилась безалаберной, и Антона это злило. После смерти отца по закладной платил он. А поддержание порядка в доме лежало на ней. Без выпитого вовремя коктейля Антон не мог с должной эффективностью управляться с бассейнами, или с максималь-

ной отдачей качать мышцы, или доставлять женщинам наслаждение, которое они рассчитывали получить.

– Мама! Что это за дерьмо! Ты должна выполнять свои обязанности! – Его голос эхом разнесся по дому.

Антон вытащил блендер из шкафчика под ящиком со столовыми приборами, с грохотом потопал к столешнице, собрал воедино корпус, нож и чашу для смешивания, положил в нее приличный пучок зелени, ягоды, пригоршню орешков, ложку экологически чистой арахисовой пасты, высыпал чашку протеинового порошка «Мистер Риппер». Готовя коктейль, он думал о шерифе Лайле Норкросс. Весьма привлекательная для старой цыпочки, в отличной форме, аппетитная мамочка, не злоупотребляющая сладостями, и ему понравилась ее реакция на его коронную фразу. Хотела ли она его? Или желала проявить по отношению к нему свойственную полиции жестокость? Или – этот вариант его заинтриговал – она хотела и его, и проявить по отношению к нему свойственную полиции жестокость. Да, тут следовало подумывать. Антон включил блендер на самую высокую скорость и наблюдал за содержимым чаши. Как только оно обрело ровный зеленоватый цвет, он выключил блендер, снял чашу и направился в гостиную.

А на экране, подумать только, красовалась его подружка детства, Микки Коутс!

Ему нравилась Микки, хотя одного ее вида хватило, чтобы погрузить генерального директора, руководителя финан-

совой службы и единственного сотрудника компании «Уборка бассейнов от Антона», КОО в несвойственную ему меланхолию. Вспомнит ли она его при встрече? Его мать сидела с ней, когда мать Микки уходила на работу, так что в те годы они постоянно общались. Антон помнил, как Микки исследовала его спальню, заглядывала в ящики, пролистывала комиксы, задавала один вопрос за другим: «Кто тебе это дал? Почему этот солдатик – твой любимчик? Почему у тебя нет календаря? Твой отец – электрик, да? Думаешь, он научит тебя соединять провода и все такое? Хочешь, чтобы научил?» Им было лет по восемь, и создавалось впечатление, что она намеревается написать его биографию. Его эти вопросы устраивали. Чего там, они ему даже нравились. Ее интерес повышал самооценку Антона. Раньше, до нее, его не волновало, вызывает ли он у кого-то интерес к себе, он просто радовался жизни. Разумеется, потом Микки отправилась в частную школу, и с тех пор, как он перешел в старшие классы, они практически не общались.

Вероятно, во взрослом мире она стала одной из тех женщин, что носят портфели и запонки, читают «Уолл-стрит джорнэл», понимают, в чем притягательность оперы, смотрят Пи-би-эс¹⁷. Тем хуже для нее, заверял он себя.

¹⁷ Телесеть Пи-би-эс создана в 1969 году и служит альтернативой развлекательным программам коммерческого ТВ. Ежевечерне она предлагает четыре часа общественно-политических передач, передач по культуре, науке и технике, а также серьезные развлекательные программы (например, «Театр шедевров» – обычно это английские сериалы по литературным произведениям).

– Хочу вас предупредить, что запись, которую вы сейчас увидите, вызывает тревогу, и мы не можем подтвердить ее подлинность.

Микки вела трансляцию из передвижной телестанции-фургона. Дверь на улицу была открыта, а рядом с Микки мужчина в наушниках работал на ноутбуке. Синие тени на веках Микки поплыли. Должно быть, в фургоне было очень жарко. И ее лицо выглядело иначе. Антон глотнул коктейля и всмотрелся в нее.

– Однако с учетом шквала новостей, связанных с Авророй, и слухов о неадекватной реакции спящих, которых пытались разбудить, мы решили показать данный материал, поскольку он вроде бы подтверждает точность этих слухов. Эту запись мы взяли на сайте, который поддерживают так называемые Просветленные из своего лагеря неподалеку от Хэтча, штат Нью-Мексико. Как вы знаете, собравшиеся там люди не могут найти общего языка с федеральными властями по поводу прав на воду...

Микки на экране Антону нравилась, а вот новости нагоняли тоску. Он взял пульт и переключился на «Картун нетворк», где мультяшный рыцарь галопом мчался на своем верном коне по темному лесу, преследуемый тенями. Возвращая пульт на столик у дивана, Антон заметил на полу пустую бутылку из-под джина.

– Черт побери, мама! – воскликнул Антон, сделал еще один глоток коктейля и направился к спальне Магды. Он хо-

тел убедиться, что она спит на боку и не умрет, захлебнувшись рвотой, подобно рок-звезде.

На кухонной стойке чирикнул его мобильник. Пришло сообщение от Джессики Элуэй. Ребенок заснул, и теперь она собиралась выкурить косячок, раздеться догола и выключить телевизор и Интернет, которые сегодня совсем рехнулись. Не хочет ли Антон составить ей компанию? Ее бедный муженек занят на месте преступления.

5

Фрэнк Жиэри подумал, что этот парень, звезда видео из Нью-Мексико, похож на пожилого беженца из поколения хиппи, которому следовало бы солировать в «The Fish Cheer»¹⁸, а не возглавлять некую безумную секту.

Сродник Благовест – так он себя называл. Куда уж звучнее? Длинные вьющиеся седые волосы, торчащие во все стороны, седая курчавая борода. Испещренное оранжевыми треугольниками серапе до колен. Фрэнк следил за историей Просветленных с весны и пришел к выводу, что псевдорелигиозная шелуха и квазиполитические лозунги скрывали еще одну компанию жаждущих уклониться от уплаты налогов под вымышленными предложениями.

По иронии судьбы они называли себя Просветленными.

¹⁸ «The Fish Cheer» – песня рок-группы «Country Joe and the Fish», исполнявшаяся на Вудстокском фестивале 1969 года.

Их было человек тридцать, мужчины, женщины и несколько детей, и они объявили себя независимым государством. Не только отказались платить налоги, отправлять детей в школу и сдавать автоматическое оружие (которое, вероятно, требовалось им для того, чтобы защищать свое ранчо от перекапти-поля), но еще и незаконно изменили русло единственного в окрестностях ручья, направив воду на свою заросшую кустарником территорию. ФБР и АТО¹⁹ уже не один месяц вели осаду, пытаясь убедить их сдаться, но с нулевым результатом.

Идеология Просветленных вызывала у Фрэнка отвращение. Эгоизм, замаскированный под духовность. От таких вот Просветленных тянулась прямая дорожка к бесконечным бюджетным сокращениям, которые грозили превратить постоянную работу Фрэнка в частично оплачиваемую, а то и полностью волонтерскую. Цивилизация требовала контрибуции или жертвы, как ни назови. Иначе все заканчивалось тем, что дикие собаки бродили по улицам и заседали в органах власти округа Колумбия. Он пожелал (без особого пыла), чтобы в лагере Просветленных не было детей, и тогда государство могло бы просто взять этот лагерь штурмом и вычистить их, как грязь, которой они, несомненно, и являлись.

Фрэнк сидел за столом в своем маленьком кабинете, заполненном клетками различных размеров и полками с обо-

¹⁹ АТО – Управление по борьбе с незаконным оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатки.

рудованием. Свободного места практически не было, но его это устраивало.

Он пил сок манго из бутылки, смотрел телевизор и прикладывал пакет со льдом к руке, которой колотил в дверь Гарта Фликинджера. Замигал экран мобильного: Элейн. Он не знал, что ей сказать, поэтому не стал отвечать: пусть оставляет голосовое сообщение. Напрасно он так обошелся с Наной, теперь он это понимал. Элейн могла нанести ответный удар.

Покореженный зеленый «мерседес» так и остался на подъездной дорожке у дома богатого доктора. Отпечатки пальцев Фрэнка покрывали окрашенный камень, которым он воспользовался, чтобы разбить окна и помять кузов «мерседеса». Хватало их и на каменной кадке с сиренью, которую он в приступе ярости сунул на заднее сиденье автомобиля этого безответственного сукина сына. Это была та самая неопровержимая улика – преступный вандализм, – требовавшая судье по семейным делам (они все вставляли на сторону матери), чтобы вынести решение, согласно которому он будет видеть дочь один час в два месяца, да еще под присмотром. А еще преступный вандализм будет стоить ему работы. Оглядываясь на случившееся, он понимал, что Плохой Фрэнк дал о себе знать. Плохой Фрэнк повеселился на славу.

Но Плохой Фрэнк не был совсем плохим или совсем неправым: сами посудите, какое-то время его дочь снова

сможет в безопасности рисовать на подъездной дорожке. Может, Хороший Фрэнк разрулил бы эту ситуацию лучше. А может, и нет. В Хорошем Фрэнке была слабина.

– Я не собираюсь – *мы* не собираемся стоять и смотреть, как так называемое правительство Соединенных Штатов творит этот обман.

На телевизионном экране Сродник Благовест произносил речь, стоя у длинного прямоугольного стола. На столе лежала женщина в светло-синей ночной рубашке. Ее лицо закрывал какой-то белый материал, напоминавший искусственную паутину, продающуюся в аптечных магазинах накануне Хэллоуина. Грудь женщины мерно поднималась и опускалась.

– И что это за дерьмо? – спросил Фрэнк бездомного пса, который в настоящее время гостил у него в кабинете. Пес посмотрел на него и вновь заснул. Конечно, это клише, но преданней собаки друга действительно не найти. Никто не мог сравниться с собакой. Они просто делали для тебя все, что могли. В детстве у Фрэнка всегда были собаки. А вот у Элейн они вызывали аллергию, так она, во всяком случае, утверждала. Ради нее он отказался от собаки, а она даже не догадывалась, сколь велика для него была эта жертва.

Фрэнк почесал пса между ушами.

– Мы видели, как их агенты отравили нашу воду. Мы знаем, что они использовали специальные химические вещества, чтобы ударить по самой ранимой и дорогой части нашей Семьи, по женщинам Просветленных, дабы посеять ха-

ос, страх и сомнения. Этой ночью они отравили наших сестер. В том числе и мою жену, мою любимую Сюзанну. Яд подействовал на нее и других наших прекрасных женщин, пока они спали. — Легкая хрипотца курильщика в голосе Сродника Благовеста странным образом располагала и вызывала доверие. Вызывала мысли о старичках, собравшихся за столом на завтрак и весело обсуждающих свою жизнь на пенсии.

Первосвященника налогонеплательщиков сопровождали двое мужчин помоложе, тоже бородатых, хоть и не таких величественных, и тоже в серапе. У всех троих на ремнях висели кобуры с пистолетами, отчего мужчины напоминали актеров массовой в одном из спагетти-вестернов Серджио Леоне. На стене за их спинами страдал на кресте Христос. Видеотрансляция была очень четкая, лишь изредка по экрану пробегала полоса.

— *Пока они спали!* Вы видите трусость нынешнего Короля лжи? Видите его в Белом доме? Видите многих таких же лжецов на бесполезных зеленых бумажках, в ценности которых они хотят нас убедить? О мои ближние. Последователи, братья. Он столь коварен, столь жесток и столь многолик.

Внезапно все зубы Сродника блеснули в нечесаных зарослях бороды.

— *Но мы не уступим дьяволу!*

Вы только посмотрите, подумал Фрэнк. Если Элейн думает, что у нее проблема со мной, ей надо глянуть на этого

Джерри Гарсию. Парень совершенно съехал с катушек.

– Жалкие потуги потомков Пилата бессильны против Создателя, которому мы служим!

– Восславим Господа, – пробормотал один из ополченцев.

– Совершенно верно! Восславим Господа! Именно так. – Мистер Благовест хлопнул в ладоши. – И давайте уберем это вещество с моей супруги.

Один из мужчин протянул ему ножницы для разделки птичьих тушек. Сродник наклонился и начал осторожно срезать паутину, которая закрывала лицо его жены. Фрэнк подался вперед.

Он чувствовал, что сейчас начнется самое интересное.

6

Войдя в спальню, Антон увидел, что Магда лежит под одеялом, в маске из чего-то рыхлого, напоминающего маршмэллоу. Он опустился на колени у кровати, со стуком поставил чашу с коктейлем на ночной столик, заметил маленькие ножницы – вероятно, она опять подрезала брови, используя айфон как зеркало, – взял их и принялся разрезать маску.

Кто-то сделал это с ней? Или она сама? Может, это какой-то необычный несчастный случай? Аллергическая реакция? Какое-то безумное косметическое лечение, которое пошло не так? Зрелище было непонятным и жутким, а Антону совершенно не хотелось потерять мать.

Взрезав плотную паутину, Антон отложил ножницы и взялся за края разреза. Материал был липким на ощупь, но легко отлеплялся от щек Магды, растягивался и отрывался белыми завитками. Показалось ее увядшее лицо с множеством морщинок у глаз, столь дорогое ему лицо, которое Антон уже и не надеялся увидеть, почему-то решив, что эта странная маска расплавит его (она напоминала «платочки фэй», которые он видел поблескивающими на траве ранним утром, очищая первые бассейны). Однако лицо осталось прежним. Кожа чуть покраснела и была теплой, но другие изменения отсутствовали.

Из горла Магды донеслось низкое урчание, напоминавшее храп. Веки подрагивали от непрерывного движения глазных яблок. Рот приоткрывался и снова закрывался. Из уголка сочилась слюна.

– Мама? Мама? Ты можешь проснуться?

И Магда, похоже, смогла, потому что ее глаза открылись. Кровь туманила зрачки, растекаясь по белкам. Она несколько раз моргнула. Обвела взглядом спальню.

Антон подсунул руку под плечи матери и усадил ее на кровати. Урчание в горле усилилось, теперь Магда скорее рычала, чем храпела.

– Мама? Вызвать «Скорую»? Тебе нужна помощь? Принести тебе стакан воды? – Вопросы сыпались один за другим, но Антон испытывал облегчение. Магда продолжала оглядываться, вроде бы постепенно приходя в себя.

Ее взгляд остановился на ночном столике: настольная лампа а-ля «Тиффани», недопитая чаша энергетического коктейля, Библия, айфон. Урчание все усиливалось. Словно Магда собиралась закричать или даже завопить. Может, она не узнавала его?

– Это мой коктейль, мама, – сказал Антон, когда она протянула руку и схватилась за чашу блендера. – И тебя благодарить не за что, ха-ха. Ты забыла его смешать, глупая моя.

Она с размаха ударила его чашей в висок. Послышался глухой удар пластмассы о кость. Антон повалился назад, ощутил боль, влагу, недоумение. Приземлился на колени. Его взгляд остановился на зеленом пятне, вдруг появившемся на бежевом ковре. В зеленое капало красное. Какая же грязь, успел подумать он, и тут Магда ударила его вновь, на этот раз по затылку. Удар сопровождался треском: толстая пластмасса чаши блендера не выдержала. Антон ткнулся лицом в зеленое пятно на жестком ворсе бежевого ковра. Вдохнул запах крови, коктейля и коврового волокна, вытянул руку, пытаясь отползти, но все его тело, каждый великолепный мускул, стало тяжелым и медлительным. У него за спиной рычал лев, и если он хотел защитить мать, ему следовало встать и нащупать собственный затылок.

Он попытался крикнуть Магде: «Беги!» – но в горле булькало, и в рот набился ворс.

Что-то тяжелое обрушилось ему на позвоночник, новая боль добавилась к прежней, и Антон понадеялся, что мать

услышала его и сумела спастись.

7

Бездомная собака залаяла в одной из клеток, к ней присоединились еще две. Безымянный пес у ног Фрэнка – так похожий на изувеченного Фрицем Мишемом – заскулил. Теперь он сидел. Фрэнк рассеянно погладил его, успокаивая. Фрэнк не отрывал взгляд от экрана. Один из молодых людей, помогавших Сроднику Благовесту – не тот, что протянул ему ножницы, другой, – схватил его за плечо.

– Папа? Может, не стоит этого делать?

Благовест сбросил руку.

– Бог говорит, выйди в свет! Сюзанна... Сродница Благовест... Бог говорит, выйди в свет! Выйди в свет!

– Выйди в свет! – повторил мужчина, который передавал ножницы, и сын Благовеста с неохотой присоединился к нему:

– Выйди в свет! Сродница Благовест, выйди в свет!

Сродник Благовест сунул руки в разрез в коконе, который закрывал лицо его жены, и проревел:

– Бог говорит, выйди в свет!

Он дернул. Послышался звук, напомнивший Фрэнку растегибаемую застежку-липучку. Появилось лицо миссис Сюзанны Благовест. Глаза были закрыты, но щеки пылали, а нити по краям разрыва трепетали от дыхания. Мистер Благо-

вест наклонился к ней, словно собирался поцеловать.

– Не делай этого, – посоветовал ему Фрэнк, и хотя звук в телевизоре был приглушен, а сам Фрэнк произнес эту фразу почти шепотом, все собаки в клетках – сегодня полдесятка – уже лаяли. Пес у ног Фрэнка зарычал. – Не делай этого, дружище.

– *Сродница Благовест, проснись!*

И она проснулась. Еще как. Рванула вверх и вцепилась зубами мужу в нос. Слово, которое выкрикнул Сродник Благовест, заглушил писк, но Фрэнк без труда догадался, *что* сорвалось с его губ. Брызнула кровь. Сродница Благовест повалилась на стол, держа в зубах осязаемую часть носа своего мужа. Ночную рубашку пятнала кровь.

Фрэнк подался назад и ударился затылком о шкаф, который стоял за его стулом. В голове вертелась одна мысль, неуместная, но четкая: в новостном выпуске заглушили ругательство, однако позволили Америке наблюдать, как женщина откусывает своему мужу полноса. Расстановка приоритетов определенно дала сбой.

В комнате, где только что прошла ампутация носа, началась паника. Раздались крики за кадром, потом камеру опрокинули, и теперь она показывала только деревянный пол, на который капала кровь. Наконец на экран вернулась серьезная Микаэла Морган.

– Мы еще раз приносим извинения за шокирующий характер этой записи, и я хочу повторить, что у нас нет *абсо-*

лютой уверенности в ее подлинности, но нам только что сообщили, что Просветленные открыли ворота и осада окончена. Это *вроде бы* подтверждает, что увиденное вами действительно произошло. – Она покачала головой, словно прочищая мысли, получила какое-то указание из крошечного пластмассового динамика в ухе и продолжила: – Мы будем показывать эту запись в конце каждого часа, не из-за ее сенсационности...

Ну конечно, усмехнулся Фрэнк.

– ...но ради общественного блага. Если это правда, люди должны знать одно: если кто-то из ваших близких или друзей оказался в таком коконе, *не пытайтесь его снять*. А теперь я передаю слово Джорджу Олдерсону в студии. Мне сказали, что у него сейчас особый гость, который может хоть немного прояснить, с какой ужасной...

Фрэнк протянул руку к пульту и выключил телевизор. И что теперь? Что, твою мать, теперь?

Собаки, которых Фрэнк еще не отвез в питомник «Харвест-Хиллс», продолжали яростно облаивать мотылька, порвавшего в узком коридоре между клетками.

Фрэнк погладил пса, лежавшего у его ног.

– Все хорошо. Все в порядке.

Пес успокоился. Он поверил Фрэнку, благо других вариантов у него не было.

Магда Дубчек оседлала труп сына. Она прикончила Антона, перерезав острым осколком чаши блендера шею, а чтобы подстраховаться, вогнала другой острый осколок в слуховой проход, до самого мозга. Кровь продолжала хлестать из раны на шее, на бежевом ковре расплзлось красное пятно.

Слезы потекли из глаз Магды. Она словно видела их со стороны. Почему эта женщина плачет, спрашивала она себя, не очень понимая, кто именно плакал и где. И если подумать, где в действительности была сейчас Магда? Вроде бы она смотрела телевизор и решила немного отдохнуть?

Сейчас она точно находилась не в своей спальне.

– Привет? – обратилась она к окружавшей ее темноте. В темноте были другие, много других, Магда полагала, что чувствует их, но не видит. Может, они там? Или тут? Где-то. Магда двинулась вперед.

Она должна их найти. Она не могла оставаться в одиночестве. И если были другие, возможно, они помогут ей вернуться к сыну, Антону.

Магда поднялась с трупа, хрустнула старушечьими коленями. Поплелась к кровати, плюхнулась на нее. Закрыла глаза. Новые белые нити лезли из щек, покачивались, ложились на кожу.

Она спала.

Искала других, в том другом месте.

Глава 6

1

Вторая половина дня выдалась жаркой, словно весна сменилась летом, и по всему Дулингу начали звонить телефоны: некоторые из тех, кто следил за новостями, принялись звонить друзьям и родственникам, которые не следили. Другие никому не звонили, уверенные, что это или буря в стакане воды, как проблема двухтысячного года, или откровенное вранье вроде пущенного в Сети слуха о смерти Джонни Деппа. В результате многие женщины, которые предпочитали музыку телевизору, уложили своих младенцев и малолетних детей спать и, как всегда, едва те перестали ворочаться, заснули сами.

Им снились другие миры, не тот, где они жили.

Дочери присоединились к ним в этих снах.

Сыновья – нет. Эти сны были не для них.

И когда часом или двумя позже голодные маленькие мальчики просыпались, они обнаруживали, что их матери по-прежнему спят и любимые лица покрыты какой-то белой липкой гадостью. Они принимались кричать и сдирать эти коконы – и тем самым будили спящих женщин.

К примеру, так разбудили миссис Леанну Барроуз из дома

17 по Элдридж-стрит, жену помощника шерифа Рида Барроуза. У нее вошло в привычку каждый день, примерно в одиннадцать, ложиться спать с их двухлетним сыном Гэри. Легла она и в четверг Авроры.

В самом начале третьего мистер Фриман, сосед Барроузов из дома 19 по Элдридж-стрит, овдовевший пенсионер, опрыскивал росшие у тротуара хосты репеллентом от оленей. Дверь дома 17 с грохотом распахнулась, и мистер Фриман увидел, как миссис Барроуз, пошатываясь, выходит на улицу, неся под мышкой юного Гэри, словно доску. Мальчик в одном подгузнике орал и размахивал руками. Полупрозрачная белая маска скрывала большую часть лица его матери. Один кусок свисал от угла рта на подбородок. Вероятно, надорвав маску в этом месте, мальчик разбудил мать и привлек к себе ее совсем не благожелательное внимание.

Мистер Фриман не знал, что и сказать, когда миссис Барроуз быстрым шагом двинулась к нему, стоявшему в тридцати футах, у самой границы между участками. Почти все утро он провел в саду, поэтому новостей не видел и не слышал. Лицо соседки – точнее, отсутствие лица – лишило его дара речи. По какой-то причине при ее приближении он снял панаму и прижал к груди, словно приготовился слушать национальный гимн.

Леанна Барроуз бросила своего вопящего отпрыска в растения у ног Альфреда Фримана, развернулась и, пьяно покачиваясь, направилась по лужайке к крыльцу, тем же путем,

каким и пришла. Белые клочки, напоминавшие папиросную бумагу, свисали с ее пальцев. Она вошла в дом и захлопнула дверь.

Этот феномен оказался одной из самых интересных и наиболее обсуждаемых загадок Авроры: так называемый «материнский инстинкт» или «родительский рефлекс». Если счет сообщений о насилии спящих по отношению к пытавшимся их разбудить взрослым шел на миллионы, а еще больше случаев остались в тени, то проявления агрессии по отношению к маленьким детям практически не было зафиксировано. Спящие или передавали младенцев и маленьких детей мужского пола первому встречному, или просто оставляли их за дверью. После чего возвращались на место спячки.

– Леанна? – позвал Фриман.

Гэри катался по земле, плакал и пинал листья пухлыми розовыми ножками.

– Мама! Мама!

Альфред Фриман посмотрел на малыша, потом на хосты, которые опрыскивал, и спросил себя: *Отнести его обратно?*

Детей – у него их было двое – он не жаловал, и чувство это было взаимным. И конечно, он не хотел иметь ничего общего с Гэри Барроузом, отвратительным маленьким террористом, социальные навыки которого ограничивались размахиванием игрушечным оружием и криками о «Звездных войнах».

Но лицо Леанны, прикрытое этой белой дрянью, навело Фримана на мысль, что сейчас она не совсем человек. И он

решил оставить ребенка у себя, до тех пор, пока не сможет связаться с мужем Леанны, помощником шерифа, чтобы тот забрал своего отпрыска.

Это решение спасло ему жизнь. Бросившие вызов «материнскому инстинкту» горько об этом пожалели. Что бы ни заставляло пораженных Авророй матерей мирно избавляться от своих юных отпрысков мужского пола, вопросов матерям задавать не следовало. Десятки тысяч убедились в этом на личном опыте, и это знание стало последним в их жизни.

– Извини, Гэри, – сказал Фриман. – Думаю, какое-то время тебе придется побыть со старым дядей Альфом. – Он наклонился, сунул руки под мышки безутешному малышу и понес его в дом. – Могу я попросить тебя вести себя прилично, или это уже перебор?

2

Клинт оставался с Иви почти все время, потребовавшееся на оформление документов. В отличие от Лайлы. Он хотел, чтобы она была с ним, хотел и дальше убеждать ее, что засыпать нельзя, – он начал твердить ей об этом, едва она вышла из патрульного автомобиля в тюремном дворе. Уже сказал раз пять или шесть, но чувствовал, что его тревога только выводит ее из себя. А еще он хотел спросить, где она провела прошлую ночь, но понимал, что с этим лучше подождать. Учитывая события здесь и в мире, Клинт уже не был уверен,

что это важно. Однако мыслями постоянно возвращался к этому вопросу, как собака, зализывающая раненую лапу.

Заместитель начальника Лоренс Хикс по прозвищу Лор прибыл вскоре после того, как Иви провели в изолятор. Начальник Коутс оставила на Хикса оформление бумаг вновь прибывшей, а сама села на телефон, пытаясь получить помощь от Бюро исполнения наказаний и связаться со всеми свободными от работы сотрудниками.

Никаких проблем у Хикса не возникло. Иви сидела, прикованная наручниками к столу в комнате для допросов, по-прежнему одетая в полицейскую форму, которую ей подобрали Лайла и Линни Марс. Хотя на ее лице виднелись ссадины и синяки от ударов о проволочную перегородку в патрульном автомобиле Лайлы, глаза и настроение Иви оставались необъяснимо веселыми. Вопросы о текущем месте проживания, родственниках и перенесенных ранее заболеваниях она оставляла без ответа. На вопрос о фамилии она ответила так:

– Я думала об этом. Пусть будет Блэк. Ничего не имею против Доу²⁰, но в эти темные времена Блэк уместнее. Зовите меня Иви Блэк.

– То есть это не ваше настоящее имя? – Прибывший от дантиста Хикс еще не отошел от новокаина и говорил невнятно.

– Вы не сможете даже произнести мое настоящее имя.

²⁰ Дое – олениха (англ.).

Имена.

– И все же назовите его.

Но Иви лишь смотрела на него искрящимися весельем глазами.

– Сколько вам лет? – продолжил Хикс.

Радость на лице женщины померкла, Клинт решил, что к ней добавилась печаль.

– У меня нет возраста, – ответила она, но тут же подмигнула заместителю начальника, словно извиняясь за столь несокопарный ответ.

Тут Клинт вмешался. Он знал, что время для обстоятельного разговора еще будет, но просто не мог больше ждать.

– Иви, вы понимаете, почему вы здесь?

– Чтобы познать Бога, чтобы любить Бога, чтобы служить Богу, – ответила Иви. Подняла руки, насколько позволяла цепь, картинно перекрестилась и рассмеялась. И больше они ничего от нее не добились.

Клинт пошел в свой кабинет, где обещала подождать его Лайла. Она говорила по рации. Вернула рацию в чехол и кивнула Клинту:

– Мне пора. Спасибо, что взял ее.

– Я тебя провожу.

– Не хочешь остаться со своей пациенткой? – Лайла уже направлялась по коридору к внутренней парадной двери. Она подняла голову, чтобы мониторы дежурной Милли Олсон показали, что это свободный человек – и к тому же пред-

ставитель закона, – а не заключенная.

– При личном обыске и санобработке присутствуют только девочки. Как только она переоденется, я к ней вернусь.

Но ты это знаешь, подумал он. Слишком устала – или просто не хочешь со мной говорить?

Дверь загудела, они вошли в шлюз между тюрьмой и вестибюлем, такой маленький, что у Клинта всегда возникала легкая клаустрофобия. Еще гудок, и они ступили на землю свободных мужчин и женщин. Лайла шла первой.

Клинт догнал ее, прежде чем она вышла во двор.

– Эта Аврора...

– Еще раз скажешь, что я не должна спать, и я закричу. – Она пыталась говорить добродушно, но Клинт видел, что его жена едва сдерживается. Видел он и морщинки у рта, выдававшие напряжение, и мешки под глазами. Лайла выбрала крайне неудачный момент для ночной смены. Если, конечно, удача имела к этому хоть какое-то отношение.

Он проводил жену до патрульного автомобиля, где ее поджидал Рид Барроуз, скрестив руки на груди.

– Ты не просто моя жена, Лайла. Когда дело касается правоохранительной системы округа Дулинг, ты – большая шишка. – Он протянул ей сложенный листок. – Возьми и сразу используй по назначению.

Лайла развернула листок. Рецепт.

– Что такое модафинил?

Он обнял ее за плечи и прижал к себе, чтобы Рид их не

услышал.

– Он от синдрома ночного апноэ.

– Я этим не страдаю.

– Нет, но он не даст тебе заснуть. Я не паникую, Лайла.

Мне нужно, чтобы ты *бодрствовала*, и всему городу это нужно.

Она напряглась под его рукой.

– Хорошо.

– И получи его как можно быстрее, пока он не закончился.

– Да, сэр. – Его настойчивость, пусть и доброжелательная, определенно ее раздражала. – А ты разберись с этой чокнутой. Если сможешь. – Она улыбнулась. – Я всегда могу залезть в шкаф с вещдоками. У нас горы маленьких белых таблеток.

Об этом он как-то не подумал.

– Буду иметь это в виду.

Она отстранилась.

– Я пошутила, Клинт.

– Я же не прошу тебя что-то там нарушать. Просто говорю... – Он вскинул руки. – Помни об этом. Мы не знаем, куда все это нас заведет.

Она с сомнением посмотрела на него и открыла водительскую дверцу.

– Если будешь говорить с Джаредом первым, скажи, что я постараюсь вернуться домой к ужину, но шансы на это близки к нулю.

Лайла села в машину, и прежде чем она подняла стекло, чтобы в полной мере насладиться прохладой кондиционера, Клинт едва не задал вопрос, несмотря на присутствие Рида Барроуза и на внезапно разразившийся невероятный кризис, который в новостях называли очень даже *вероятным*. Вопрос, который, как он полагал, мужчины задавали не одну тысячу лет: *Где ты была прошлой ночью?* Вместо этого он сказал, на мгновение почувствовав себя умником:

– Эй, милая, ты помнишь про Маунтин-Рест? Возможно, дорога до сих пор перекрыта. Не пытайся срезать.

Лайла и не моргнула, лишь ответила, да-да, конечно, помахала рукой и направила патрульный автомобиль к двойным воротам между тюремным двором и шоссе. Клинт мог лишь наблюдать за ее отъездом, уже не чувствуя себя умником.

Он вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Иви «Вы Не Сможете Даже Произнести Мое Настоящее Имя» Блэк фотографируют для тюремного бейджа. После этого Дон Питерс вручил ей постельное белье.

– По мне, ты выглядишь обдолбанной, дорогуша. Не заблуй простыни.

Хикс бросил на него резкий взгляд, но не стал раскрывать онемевший от новокаина рот. Клинт, у которого дежурный Питерс уже в печенках сидел, молчать не пожелал.

– Заткнись.

Питерс повернулся к нему.

– Не вам затыкать мне...

– Я могу подать рапорт о происшествии, – перебил его Клинт. – Неадекватная реакция. Беспричинная. Выбор за тобой.

Питерс мрачно посмотрел на него, но лишь спросил:

– Раз это ваша подопечная, куда ее отвести?

– В камеру А-десять.

– Пошли, заключенная. Тебе досталась «мягкая» камера. Повезло.

Клинт наблюдал, как они уходят. Иви несла постель, дежурный шел сзади, почти вплотную. Клинт смотрел, не дотронется ли Питер до нее, и, тот, естественно, не дотронулся. Он знал, что Клинт за ним следит.

3

Конечно, Лайла и раньше чувствовала такую усталость, только не могла вспомнить, когда именно. Что она помнила – с занятий по охране здоровья в старших классах, боже ты мой, – так это негативные последствия долгого бодрствования: замедленные рефлексy, ошибочные решения, рассеянное внимание, раздражительность. Не говоря уже о проблемах с кратковременной памятью: ты могла помнить, что тебе говорили на занятиях по охране здоровья в десятом классе, но забывала, что, твою мать, следовало делать сегодня, сейчас, в эту самую минуту.

Она свернула на стоянку у придорожного кафе «Олимпия» («СЪЕШЬ ЯИЧНЫЙ НАШ ПИРОГ – ОН ХОРОШ ДЛЯ ВСЕХ ДОРОГ», – гласил выносной щит у двери), заглушила двигатель, вылезла из салона, сделала несколько глубоких вдохов, наполняя легкие и кровь свежим кислородом. Немного помогло. Через опущенное стекло наклонилась в салон, взяла микрофон с приборного щитка, потом передумала: ей не хотелось, чтобы этот разговор услышали. Вернула микрофон на место, достала мобильник из чехла на ремне. Нажала клавишу вызова одного из дюжины номеров, заведенных в режим быстрого набора.

– Линни, как ты?

– Нормально. Прошлую ночь спала часов семь, а это больше обычного. Так что у меня все хорошо. А вот о вас я волнуюсь.

– Я в порядке, волноваться не о... – Широкий зевок не дал ей договорить, сделав окончание фразы нелепым, но она все равно сказала: – Я тоже в порядке.

– Точно? Сколько вы бодрствуете?

– Не знаю, часов восемнадцать или девятнадцать. – И чтобы унять тревогу Линни, добавила: – Прошлой ночью мне удалось вздремнуть, так что не волнуйся. – Ложь продолжала сыпаться из ее рта. Была ведь детская сказка, предупреждавшая, что одна ложь ведет к другим и ты в итоге превращаешься в попугая или кого-то еще, но вымотанный мозг Лайлы никак не мог ее вспомнить. – Забудь обо мне. Что у

нас с этой Тиффани как-ее-там, из трейлера? «Скорая» отвезла ее в больницу?

– Да. Хорошо, что они доставили ее туда рано. – Линни понизила голос. – Сейчас там дурдом.

– А где Роджер и Терри?

Линни ответила с некоторым смущением:

– Они ждали помощника окружного прокурора, но он все не приезжал, и они захотели проверить, как там их жены...

– То есть они покинули место преступления? – Поначалу Лайла пришла в ярость, которая, впрочем, схлынула к тому моменту, как она закончила фразу. Возможно, помощник окружного прокурора не приехал по той же причине, которая заставила уехать Роджера и Терри: тревога за жену. Не только больница Святой Терезы превратилась в дурдом – дурдомом стал весь мир.

– Я знаю, Лайла, знаю, но у Роджера маленькая девочка... – Если она его, подумала Лайла. Джессика Элуэй любила прыгать из постели в постель, это было известно всему городу. – И Терри тоже запаниковал, и ни один не мог дозвониться до дома. Я сказала им, что вы разозлитесь.

– Ладно, возвращай их на смену. Я хочу, чтобы они объехали все три аптечных магазина в городе и сказали фармацевтам...

«Пиноккио». Вот как называлась сказка о лгунах. И он не превратился в попугая, его нос начал расти, пока не стал длинным, как дилдо Чудо-женщины.

– Лайла? Вы на связи?

Возьми себя в руки, женщина!

– Пусть скажут фармацевтам, чтобы они с осторожностью раздавали стимуляторы, которые у них есть. Аддерол, дексамфетамин... я знаю, что есть как минимум один рецептурный аналог метамфетамина, хотя не помню названия.

– Рецептурный мет? Да ладно вам!

– Да. Фармацевты знают. Скажи им, пусть проявляют *осторожность*. Рецепты вот-вот посыплются. Они должны выдавать минимум таблеток, пока мы не поймем, что здесь происходит. Поняла?

– Да.

– И вот что еще, Линни. Строго между нами. Загляни в шкаф «Вещественные доказательства». Посмотри, есть ли у нас стимуляторы, в том числе кокаин и спид, конфискованные у братьев Грайнеров.

– Господи, вы уверены? У нас там почти полфунта боливийского кокаина! Лоуэлл и Майнард, они вот-вот пойдут под суд. Этим можно развалить дело, а ведь мы гонялись за ними *вечность*!

– Я совсем не уверена, но Клинт подкинул мне эту идею, и я не могу от нее избавиться. Проведи инвентаризацию – ничего больше. Хорошо? Никто не собирается сворачивать долларовые купюры в трубочку и нюхать. – Во всяком случае, сегодня.

– Хорошо. – Чувствовалось, что Линни потрясена.

– Кто сейчас у трейлера, рядом с которым взорвалась нарколаборатория?

– Минуточку, узнаю у Гертруды. – По каким-то причинам, не интересным Лайле, Линни называла свой компьютер Гертрудой. – Судебно-медицинские эксперты и пожарники отбыли. Меня удивляет, что так быстро.

Лайла не удивилась. У этих парней тоже были жены и дочери.

– Ага... похоже, там остаются пара АХов, тушат последние возгорания. Не могу сказать, кто именно, но у меня записано, что они выдвинулись из Мейлока в одиннадцать тридцать три. Наверняка один из них – Уилли Бурк. Вы знаете Уилли, как же без него.

АХ, аббревиатура, звучавшая как вздох, обозначала команду Автодорожных хранителей Триокружья, главным образом пенсионеров с пикапами. Пожалуй, их можно было назвать добровольными пожарными. Они часто оказывались весьма кстати в сезон лесных пожаров.

– Понятно, благодарю.

– Ты поедешь туда? – В голосе Линни слышалось разочарование, и усталость Лайлы не помешала уловить подтекст: *Учитывая происходящее вокруг?*

– Линни, будь у меня пробуждающая волшебная палочка, я бы тут же воспользовалась ею.

– Поняла, шериф. – И тут подтекст: *Не надо срывать на мне злость.*

– Извини. Просто я должна делать, что *могу*. Скорее всего, кто-то, даже целая команда, работает с этой сонной болезнью в Центре по контролю и профилактике заболеваний в Атланте. Здесь, в Дулинге, произошло двойное убийство, и мое дело – расследовать его.

Почему я объясняю все это своему диспетчеру? Потому что я устала, вот почему. И потому что это способ отвлечься и не думать о том, как мой муж смотрел на меня в тюрьме. И потому что это способ отвлечься от вероятности – на самом деле факта, Лайла, не вероятности, а факта, и имя этому факту – Шейла, – что твой муж, о котором ты так тревожишься, совсем не тот человек, которого ты вроде бы знала.

Аврора – так называли эту болезнь. Если я засну, подумала Лайла, это будет конец? Я умру? Вполне возможно, как сказал бы Клинт. Вполне, твою мать, возможно.

Добродушие, главенствовавшее в их отношениях, легкость общения по работе, за едой, в вопросах воспитания сына, удовольствие, которое доставляло каждому тело другого, – все, что повторялось изо дня в день, составляло основу их совместной жизни, рассыпалось в прах.

Она представила себе улыбающегося мужа, и у нее заныл желудок. Эта улыбка перешла к Джареду... и к Шейле тоже.

Лайла вспомнила, как Клинт отказался от частной практики, не потрудившись обсудить с ней принятое решение. Они так много вложили в подготовку его будущей работы. Выбирали не только месторасположение кабинета, но и го-

род. Остановились на Дулинге. Это был самый большой по численности населения город в регионе, в котором не было ни одной психиатрической практики. Но уже второй пациент настолько вывел Клинта из себя, что под влиянием момента он принял единоличное решение о перемене работы. И Лайла просто с ним согласилась. Она сожалела о потраченных зря усилиях, она понимала, что ухудшение финансовых перспектив потребует изменений планов на будущее, при прочих равных условиях она предпочла бы жить поближе к какому-нибудь мегаполису, а не в забытой Богом глубинке вроде Триокружья, но прежде всего она хотела, чтобы Клинт был счастлив. И Лайла просто с ним согласилась. Лайла не хотела бассейн. Она просто согласилась с принятым мужем решением. Однажды Клинт постановил, что отныне они будут пить бутилированную воду, и заставил ею половину холодильника. Она просто с ним согласилась. Теперь у нее в кармане лежал рецепт на модафинил, который, по его мнению, ей следовало принимать. И она скорее всего согласится и с этим. А может, сон – ее естественное состояние? Может, ей хочется смириться с Авророй, потому что для нее ничего особо не изменится. Вполне возможно. Кто, черт побери, знает?

Была ли Иви там прошлым вечером? Возможно ли это? Смотрела баскетбольный матч Любительского спортивного союза на площадке средней школы Кофлина, в котором высокая светловолосая девушка вновь и вновь проходила под

корзину, словно острым ножом разрезая защиту Файетта. Этим и объяснялся трипл-дабл, верно?

Вам лучше поцеловать вашего мужа перед сном. Поцелуйте его на прощание, пока у вас еще есть шанс.

Да, так, наверное, и начинают сходиться с ума.

– Линни, мне пора.

Она оборвала звонок, не дожидаясь ответа диспетчера, и вернула мобильник в чехол на ремне.

Потом вспомнила Джареда и вновь вытащила телефон. Только что она могла ему сказать, и чего суетиться? В его мобильнике был доступ в Интернет, у всех был. Наверное, Джер уже знал больше, чем она. Ее сын... по крайней мере, у нее сын, а не дочь. Сегодня этому следовало радоваться. Мистер и миссис Пак, вероятно, сходили с ума. Она отправила Джеру сообщение: после школы сразу домой, она его любит. И все.

Лайла подняла голову к небу, сделала еще несколько глубоких вдохов. Пятнадцать лет она убирала грязь после правонарушений, в основном связанных с наркотиками, и чувствовала себя вполне уверенно по части статуса и положения, чтобы понимать: она добросовестно выполнит свою работу, но лично ей нет никакого смысла добиваться правосудия ради двух убитых варщиков мета, которые так или иначе все равно поджарились бы на Великом огне жизни. И ее политическое чутье подсказывало: никто не будет требовать от нее быстрого раскрытия убийства – только не в этой панике,

вызванной Авророй. Но Иви Доу дебютировала в округе Ду-линг у трейлера рядом с лесопилкой Адамса, а Лайла считала своим долгом разобраться с Эксцентричной Иви. Она же не материализовалась из воздуха. Может, оставила неподалеку автомобиль? С регистрационным удостоверением и водительскими правами в бардачке? Трейлер находился менее чем в пяти милях от «Олимпии». Почему не съездить туда и не осмотреться? Только сначала ей требовалось сделать кое-что еще.

Лайла вошла в «Олимпию». Ни одного посетителя, обе официантки сидели в угловой кабинке и шушукались. Одна увидела Лайлу, начала подниматься, но Лайла махнула ей рукой. Гас Вирин, владелец кафе, сидел на табурете за кассовым аппаратом и читал книгу в обложке: роман Дина Кунца. Маленький телевизор у него за спиной работал без звука. Красная бегущая строка в нижней части экрана гласила: «КРИЗИС С АВРОРОЙ УСУГУБЛЯЕТСЯ».

– Я это читала. – Лайла постучала пальцем по книге. – Собака общается посредством карточек из «Скрэббла».

– Теперь ты испортила мне фсе удофольстфие. – Его акцент был густым, как кофейная подливка.

– Извини. Тебе все равно понравится. Хорошая история. А теперь, когда с литературной критикой покончено, перейдем к кофе. Мне черный. В большом стакане.

Гас подошел к кофеварке «Бунн» и наполнил большой стакан навынос. Черным кофе, как и просила Лайла. Веро-

ятно, более крепким, чем Чарльз Атлас, и таким же суровым, как покойная бабушка-ирландка Лайлы. Ее это вполне устроило. Гас надел на стакан картонку, закрыл его пластмассовой крышкой и протянул кофе Лайле. Когда та полезла за бумажником, покачал головой:

– Бесплатно, шаруф.

– Нет, за плату. – Это правило она никогда не нарушала. Даже табличку на столе поставила: «**НЕТ ЖИРНЫМ КОПАМ, КРАДУЩИМ ЯБЛОКИ**». Потому что только начини – уже не остановишься... И не забудьте про «услугу за услугу».

Лайла положила на прилавок пятерку. Гас пододвинул ее к Лайле.

– Дело не в шетоне, шаруф. Сегодня фсем шенщинам кофе бесплатно. – Он посмотрел на официанток. – Ферно?

– Да, – ответила одна и направилась к Лайле. Сунула руку в карман юбки. – И добавьте в кофе вот это, шериф Норкросс. Вкус не улучшит, зато взбодрит.

Это был пакетик порошка от головной боли «Гудис». Хотя Лайла никогда не пользовалась этим средством, она знала, что «Гудис» производят в Триокружье, наряду с бурбоном «Ребел Йелл» и картофельными оладьями в сыре. Содержимое пакетика на вид практически не отличалось от содержимого пакетов с кокаином, которые они нашли в сарае братьев Грайнеров, завернутыми в полиэтилен и спрятанными в старой тракторной крышке. Именно поэтому братья, как и многие другие наркоторговцы, подмешивали в кокаин

«Гудис». Он был дешевле слабительного «Педиа-Лакс».

– Тридцать два миллиграмма кофеина, – сказала вторая официантка. – Я уже приняла два. Не собираюсь спать, пока умники не справятся с этой гребаной Авророй. Ни в коем разе.

4

Первое – и, возможно, последнее – огромное преимущество должности единственного сотрудника службы по контролю за бездомными животными муниципалитета Дулинга состояло в отсутствии начальника. Формально Фрэнк Джиэри подчинялся мэру и городскому совету, но никто и никогда не заглядывал в его маленькую угловую комнату, с дверью в задней стене неприметного здания, в котором располагались также историческое общество, департамент рекреации и офис эксперта по оценке недвижимого имущества. Фрэнка такое положение вполне устраивало.

Он выгулял собак, успокоил их (для этого не было лучшего средства, чем собачьи куриные чипсы «Доктор Тим»), напоил, позвонил Мейси Уэттермор, волонтеру-старшекласснице, чтобы убедиться, что она придет в шесть часов, дабы снова их покормить и выгулять. Она подтвердила свой приход. Фрэнк оставил ей записку с указаниями, кому и какие нужно дать лекарства, запер дверь и отбыл. Лишь позже ему пришлось в голову, что у Мейси могут найтись более важные

дела, чем уход за несколькими бездомными животными.

Фрэнк думал о своей дочери. Снова. Утром он ее напугал. Ему не нравилось в этом признаваться, даже самому себе, но он ее напугал.

Нана. Почему-то он тревожился за нее. Не из-за Авроры, но чего-то связанного с ней. Чего именно?

Перезвоню Эл, решил он. Перезвоню, как только вернусь домой.

Но, вернувшись в маленький четырехкомнатный дом, который он снимал на Эллис-стрит, Фрэнк первым делом заглянул в холодильник. Смотреть было особо не на что: пара стаканчиков йогурта, заплесневелый салат, бутылка соуса для барбекю «Свит бэби рэй» и упаковка «Овсяного стаута дочери шахтера», высококалорийного напитка, вроде бы полезного для здоровья – раз в нем содержался овес. Он взял одну банку, и тут зазвонил мобильник. Фрэнк увидел фотографию Элейн на маленьком экране – и его посетило озарение, без которого он вполне бы обошелся: он страшился Гнева Элейн (немного), а его дочь страшилась Гнева Папули (тоже немного... он на это надеялся). Неужели на этих страхах могли строиться семейные отношения?

Я – хороший парень, напомнил он себе и нажал кнопку приема.

– Привет, Эл! Извини, не мог позвонить тебе раньше. Хотел, но возникли дела. Печальные. Мне пришлось усыпить кошку судьи Сильвера, а потом...

Элейн не собиралась отвлекаться на кошку судьи Сильвера. Она желала сразу перейти к делу. И как обычно, с самого начала резко подняла градус разговора.

– Ты чертовски напугал Нану! Премного тебе за это благодарна!

– Пожалуйста, успокойся. Я лишь сказал ей, чтобы она рисовала дома. Из-за зеленого «мерседеса».

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь, Фрэнк.

– Помнишь, когда она в первый раз отправилась развозить газеты, ей пришлось свернуть на лужайку Нидельхафтов, потому что какой-то парень за рулем большого зеленого автомобиля со звездой на капоте выехал на тротуар? Ты сказала, чтобы я не поднимал шума, и я тебя послушал. Не поднял шума.

Слова слетали с губ быстрее и быстрее, и он знал, что скоро будет просто *выплевывать* их, словно не контролируя себя. Элейн просто не понимала, что иной раз ему приходилось кричать, чтобы его услышали. Во всяком случае, в разговоре с ней.

– Кошку судьи Сильвера сбил большой зеленый автомобиль со звездой на капоте. «Мерседес». Я практически наверняка знал, кому принадлежит этот «мерседес», который едва не переехал Нану...

– Фрэнк, она сказала, что автомобиль заехал на тротуар, когда их разделяло полквартала!

– Может, и так, а может, он был ближе и она просто не хо-

тела нас пугать. Не хотела, чтобы мы запретили ей развозить газеты сразу после того, как она получила эту работу. Просто послушай, хорошо? Я не стал поднимать шума. Я много раз видел этот «мерседес» в нашей округе, но не стал поднимать шума. – Сколько раз он это повторил? И почему ему вспомнилась та песня из «Холодного сердца», которую постоянно напевала Нана, едва не сведя его с ума? Он так сильно сжал банку, что помял ее. Понял, что если не ослабит хватку, она лопнет. – Но не в этот раз. Не после того, как он раздавил Какао.

– Кого?..

– Какао! Какао! Кошку судьи Сильвера! Это мог быть мой ребенок, Элейн! Наш ребенок! Короче, этот «мерседес» принадлежит Гарту Фликинджеру, который живет у вершины холма.

– Доктору? – Похоже, Элейн включилась в разговор. Наконец-то.

– Именно. И знаешь, что я понял, когда говорил с ним? Он *обкурился*, Элейн. Еле ворочал языком.

– Вместо того чтобы обратиться в полицию, *ты поехал к нему домой*? Как в свое время пошел в школу Наны и наорал на учительницу, когда все дети – *включая твою дочь* – могли слышать твои безумные вопли?

Что ж, вываливай все грязное белье, подумал Фрэнк, еще сильнее сжимая банку. Ты всегда это делаешь. Вспомни и знаменитый удар кулаком в стену, и тот случай, когда я ска-

зал твоему отцу, что он битком набит дерьмом. Вываливай все, Элейн, все Величайшие Хиты Безумного Джиэри. И над моим гробом ты будешь рассказывать кому-то о том, как я накричал на учительницу Наны во втором классе, потому что она высмеяла научный проект Наны, и девочка рыдала в своей комнате. А когда эта история всем надоест, ты можешь вспомнить другую. Как я накричал на миссис Фентон за то, что она распыляла гербицид там, где им могла надыхаться моя дочь, катаясь на трехколесном велосипеде. Прекрасно. Выставляй меня мерзавцем, если это помогает тебе жить. Но сейчас я буду говорить ровным, спокойным голосом. Потому что не могу позволить тебе, Элейн, завести меня с пол-оборота. Кто-то должен приглядывать за нашей дочерью, и совершенно ясно, что ты для этой работы не годишься.

– Я выполнял отцовский долг. – Слишком напыщенно? Фрэнка это не волновало. – Я не стремился к тому, чтобы его арестовали за наезд на кошку. Я стремился сделать все необходимое, чтобы он никогда не сбил Нану. И если для этого пришлось его немного припугнуть...

– Скажи мне, что не стал изображать Чарльза Бронсона.

– Нет, я проявил благоразумие. – По крайней мере, это была правда. Неблагоразумие он проявил по отношению к автомобилю. Но у него не было ни малейших сомнений, что самодовольные доктора вроде Фликинджера страхуют свои автомобили по полной программе.

– Фрэнк.

– Что?

– Даже не знаю, с чего начать. Может, с вопроса, который ты не задал, увидев, что Нана рисует на подъездной дорожке.

– Что? Какого вопроса?

– «Почему ты дома, а не в школе, милая?» С *этого* вопроса.

Не в школе. Может, именно это не давало ему покоя.

– Утро выдалось таким солнечным, и я просто... подумал, что уже лето. Забыл, что на дворе май.

– У тебя совсем плохо с головой, Фрэнк. Ты так озабочен безопасностью дочери – и при этом не помнишь, что учебный год продолжается. Подумай об этом. Ты не замечал домашние задания, которые она делает у тебя дома? Тетради, в которых пишет, учебники, которые читает? Призываю в свидетели Бога и единственного Его сына Иисуса...

Он был готов вытерпеть многое – даже готов признать, что заслужил это, – но только не дерьмо с призывом в свидетели Иисуса. Единственный сын Божий не выгонял енота из-под епископальной церкви много лет тому назад и не заколачивал досками дыру. Он не зарабатывал ни на одежду, ни на еду для Наны. Не говоря уже про Элейн. Все это делал Фрэнк, и без всяких чудес.

– Прекрати, Элейн.

– Ты не знаешь, что происходит с кем-либо, помимо тебя самого. Важно только то, что злит Фрэнка сегодня. Никто ничего не понимает, и только Фрэнк знает, как и что нужно

сделать. Именно так ты смотришь на мир.

Я это выдержу. Я это выдержу я это выдержу я это выдержу но Господи Элейн какой же ты можешь быть су-кой когда захочешь.

– Она заболела?

– Ага, *теперь* мы встревожились.

– Она заболела? Да? Потому что мне она показалась совершенно здоровой.

– Она в порядке. Я оставила ее дома, потому что у нее месячные. *Первые* в жизни.

Фрэнк онемел.

– Она разволновалась, даже немного испугалась, хотя я еще в прошлом году объяснила ей, что может произойти. И ей стало стыдно, потому что кровь попала на простыни. Для первых месячных ее много.

– Она не может... – Слово застряло в горле. Он откашлялся, словно подавился едой. – Она не может *менструировать*! Господи, ей всего *двенадцать*!

– Ты думал, она навсегда останется твоей маленькой принцессой с волшебными крылышками и хрустальными туфельками?

– Нет, но... В двенадцать?

– У *меня* все началось в одиннадцать. Но речь не об этом, Фрэнк. Речь вот о чем. У твоей дочери болел живот, она была огорошена и подавлена. Она рисовала на подъездной дорожке, потому что это занятие всегда поднимало ей настро-

ение, а тут появляется ее папуля, начинает орать...

– *Я не орал!* – Банка дочери шахтера наконец не выдержала. Пена побежала по руке Фрэнка и закапала на пол.

– ...орать и дергать ее за футболку, ее любимую футболку...

Он пришел в ужас, почувствовав, что слезы щиплют глаза. После разрыва он несколько раз плакал, но в разговоре с Элейн – никогда. В глубине души он боялся, что она уловит любое проявление слабости, превратит его в фомку, которой вскрыет ему грудь, чтобы пожрать сердце. Его нежное сердце.

– Я боялся за нее. Разве тебе это не понятно? Фликинджер – алкоголик или наркоман, а то и два в одном, у него большой автомобиль, он убил кошку судьи Сильвера. Я боялся за нее. Мне пришлось действовать. *Пришлось!*

– Ты ведешь себя так, будто ты – единственный, кто когда-либо боялся за ребенка, но это не так. *Я* тоже боюсь за нее, и основная причина моего страха – ты.

Он молчал. Сказанное ею было слишком чудовищным для понимания.

– Продолжай в том же духе – и скоро мы вновь встретимся в суде, чтобы пересмотреть твои привилегии насчет общения с дочерью по выходным.

Привилегии, подумал Фрэнк. *Привилегии!* Ему хотелось выть. Вот что он получил за то, что поделился с ней своими истинными чувствами.

– Как она сейчас?

– Нормально. За обедом съела почти все, а потом сказала, что пойдет спать.

Фрэнк буквально окаменел, измятая банка выпала из руки. Вот что не давало ему покоя, совсем не вопрос, почему Нана дома, а не в школе. Он знал, как она реагирует на огорчение: идет спать. И он ее огорчил.

– Элейн... ты не смотрела телевизор?

– Что? – Она не понимала, чем вызвана такая смена темы. – Я пару раз включала «Дневное шоу» на Ти...

– Новости, Элейн! *Новости!* Это на всех каналах!

– О чем ты говоришь? Ты совсем ре...

– Поднимай ее с кровати! – проревел Фрэнк. – Если она еще не спит, поднимай ее с кровати! Немедленно!

– Ты несешь чушь...

Только это была не чушь. Хотел бы он ошибаться.

– *Не задавай вопросов, просто сделай это! Немедленно!*

Фрэнк разорвал связь и бросился к двери.

5

Джаред сидел в засаде, когда Эрик, Курт и Кент шумно протопали через лес со стороны средней школы, смеясь и бахвалясь.

– Наверняка газетная утка.

Джаред решил, что эти слова принадлежали Кенту и энту-

зиязма в его голосе поубавилось, в сравнении с разговором, который Джаред подслушал в раздевалке.

Об Авроре в школе уже знали. Девушки плакали в коридорах. Несколько парней тоже. Джаред наблюдал, как один из учителей математики, бородатый здоровяк, который носил ковбойки на кнопках и вел дискуссионный клуб, говорил двум плачущим десятиклассникам, что они должны взять себя в руки, поскольку все обязательно образуется. Преподававшая гражданское право миссис Лейфтон подошла и ткнула пальцем ему в грудь, аккуратно между двух красивых кнопок. «Тебе легко говорить! – крикнула она. – Ты ничего об этом не знаешь! С *мужчинами* этого не происходит!»

Это было странно. Более чем странно. У Джареда все это вызывало ощущения, схожие с теми, что возникали при приближении мощного грозового фронта, с тошнотворными фиолетовыми тучами, подсвеченными молниями. Но тогда мир не казался странным. Тогда мир вообще не казался миром, превращался в какое-то иное место, куда тебя внезапно забросило.

Возможность сосредоточиться на чем-то еще приносила облегчение. Хотя бы на время. На эту операцию он отправился в одиночку. Называлась она «Разоблачение трех ублюдков».

Отец рассказывал ему, что шоковая терапия – или ЭСТ²¹, как ее теперь называли – действительно была эффективным

²¹ Электросудорожная терапия.

методом лечения некоторых психически больных людей и могла оказывать паллиативное действие на мозг. Если бы Мэри спросила Джареда, чего он добивался этой миссией, он бы сказал, что это нечто вроде ЭСТ. Если бы вся школа увидела и услышала, как Эрик и его дружки потрошат жилище бедной Эсси и отпускают шуточки насчет ее буферов – а Джаред полагал, что именно этим они и займутся, – это окажет на троицу «шоковое» воздействие и сделает их лучше. Более того, другие тоже могли испытать «шок» – и стать осторожнее в выборе спутников для свидания.

Тем временем тролли практически вышли на цель.

– Если это газетная утка, то суперутка. «Твиттер», «Фейсбук», «Инстаграм» – повсюду одно и то же. Женщины ложатся спать и покрываются каким-то дерьмовым коконом. И ты сам говорил, что видел это дерьмо на старой карге. – Эти слова определенно принадлежали Курту Маклеоду, настоящему хрену.

Первым на экране мобильного Джареда появился Эрик, перепрыгивающий через груды камней на границе территории Старой Эсси.

– Эсси? Крошка? Милая? Ты здесь? Кент хочет заползти в твой кокон и согреть тебя.

Для засады Джаред выбрал заросли высокого папоротника примерно в тридцати футах от навеса. Со стороны они казались густыми, но в центре была голая земля. Нашел Джаред и несколько клочков оранжево-белой шерсти. Вероятно,

это место облюбовал какой-то зверь. Скорее всего лисица. Джаред лег, выставил айфон перед собой. Через просвет в листве нацелил камеру на Старую Эсси, которая лежала под навесом. Как и говорил Кент, что-то покрывало ее лицо, не паутина, а нечто гораздо более плотное, белая маска вроде тех, которые все уже видели в своих телефонах, в новостях и на сайтах средств массовой информации.

Одно сильно смущало Джареда: бездомная женщина была совершенно незащитной, спасибо этой чертовой Авроре. Если бы Джаред поделился с Лайлой своей версией по части ЭСТ, как бы она отреагировала на его решение заснять все на видео, вместо того чтобы остановить это безобразие? Тут его логика дала трещину. Мать учила его стоять за себя и за других, особенно девушек.

Эрик присел на корточки у навеса, рядом с белым лицом Эсси. В руке он держал палку.

– Кент?

– Что? – Кент остановился в нескольких шагах. Он растягивал ворот футболки, на его лице читалась тревога.

Эрик коснулся палкой маски Эсси, отвел руку. Нити чего-то белого свисали с палки.

– *Кент!*

– Я сказал, что? – почти взвизгнул Кент.

Эрик покачал головой, глядя на Кента, словно тот его удивил, удивил и разочаровал.

– Ты же обкончал ей все лицо.

От гогота Курта Джаред непроизвольно дернулся, шевельнув папоротники. Но никто не обратил на это внимания.

– Да пошел ты, Эрик! – Кент подскочил к манекену Эсси и дал ему хорошего пинка, отбросив на валежник.

Но этот эмоциональный взрыв не смутил Эрика.

– Но зачем ты оставил ее подсыхать? Это не кошерно, оставлять свою кончину на лице такой милой старушонки.

Курт подошел к Эрику, чтобы получше рассмотреть белую маску. Покачал головой туда-сюда, машинально облизнул губы, оценивая Эсси, будто выбирал между мятными конфетами и мармеладом.

У Джареда засосало под ложечкой. Если они попытаются причинить ей вред, ему придется что-то делать, чтобы их остановить. Вот только остановить их он *не мог*, потому что их было трое, а он – один, и то, что он задумал, не имело отношения ни к правому делу, ни к социально ориентированной ЭСТ, ни к стремлению заставить некоторых людей думать. Он лишь хотел доказать Мэри, что он лучше Эрика, но, учитывая обстоятельства, соответствовало ли это действительности? Будь он лучше этой троицы, не оказался бы сейчас в таком положении. Он бы уже сделал что-нибудь, чтобы их прогнать.

– Я дам пятьдесят баксов тому, кто ее трахнет, – сказал Курт. Повернулся к Кенту. – Любому. Деньги сразу.

– Да пошел ты. – Надувшись, Кент направился к манекену и принялся его топтать, ломая пластмассовую грудную клет-

ку.

– Только за миллион. – Эрик, который по-прежнему сидел на корточках у навеса, наставил палку на Курта. – Но за сотню я проделаю здесь дырку... – Он похлопал палкой по правому уху Эсси. – И наосу в нее.

Джаред видел, как поднимается и опадает грудь Эсси.

– Правда? За сотню? – Курта явно так и подмывало согласиться, но сто долларов были большими деньгами.

– Нет, я пошутил. – Эрик подмигнул своему другу. – Не буду заставлять тебя за это платить. Сделаю бесплатно. – Он склонился над Эсси, нацеливая конец палки, чтобы пробиться сквозь белое вещество к уху Эсси.

Джаред понимал, что должен вмешаться. Он не мог просто наблюдать и записывать происходящее на айфон, пока они так с ней поступают. Тогда почему ты не шевелишься? – спросил он себя. А его айфон, зажатый в потной руке, неожиданно выскользнул из нее и с треском упал в папоротник.

6

Даже с полностью вдавленной в пол педалью газа пикап службы по контролю за бездомными животными разгонялся только до пятидесяти миль в час. И не потому, что на двигателе стоял ограничитель мощности. Просто пикап был старый, отсчет на одометре уже пошел по второму кругу. Фрэнк несколько раз подавал заявление в городской совет с прось-

бой приобрести новый, но всегда получал один ответ: «Мы это рассмотрим».

Согнувшись над рулем, Фрэнк представлял себе, как избивает в кровь нескольких политиков маленького городка. И что он им скажет, когда они будут умолять его о пощаде? «Я это рассмотрю».

Женщин он видел везде. Одиноких – ни одной. Они собирались группами, по три или четыре, разговаривали, обнимались, некоторые плакали. Никто не смотрел на Фрэнка Джиэри, даже когда он без остановки проскакивал знаки «Стоп» и светофоры. Так, наверное, ездит обкуренный Фликинджер, подумал Фрэнк. Осторожнее, Джиэри, а то раздавишь чью-то кошку. Или чьего-то ребенка.

Но Нана! *Нана!*

Зазвонил мобильник. Он принял звонок не глядя. Это была Элейн, и она всхлипывала.

– Она спит и не просыпается, и на ее лице какая-то белая *дрянь!* Белая дрянь вроде паутины!

Он миновал трех женщин, обнимавшихся на уличном углу. Они напоминали гостей психотерапевтического шоу.

– Она дышит?

– Да... Да, я вижу, как шевелится это белое... Поднимается, а потом всасывается... Фрэнк, я думаю, оно у нее *во рту* и *на языке!* Сейчас возьму маникюрные ножницы и срежу!

Голову Фрэнка заполнил образ, такой яркий и реальный, что на мгновение улица расплылась у него перед глазами:

Сродница Сюзанна Благовест, откусывающая нос своему мужу.

– Нет, Эл, не делай этого.

– Почему?

Смотреть «Дневное шоу», а не новости во время величайшего кризиса в истории, какой же надо быть глупой? Такой, как Элейн Наттинг из Кларксберга, Западная Виргиния. Элейн во всей ее красе. Не владеющая информацией, зато всегда готовая осудить.

– Потому что это их будит, а проснувшись, они становятся безумными. Нет, не безумными, скорее бешеными.

– Ты же не хочешь сказать... Нана никогда не...

Если она сейчас – Нана, подумал Фрэнк. Сродник Благовест определенно разбудил не ту нежную и кроткую женщину, к которой, безусловно, привык.

– Элейн... дорогая... включи телевизор, и ты все увидишь сама.

– *Что же нам делать?*

Теперь ты спрашиваешь меня, подумал он. Теперь, когда тебя прижали к стене, ты спрашиваешь: «Ох, Фрэнк, что же нам делать?» Он испытал горькое, пугающее удовлетворение.

Его улица. Наконец-то. Слава Богу. Впереди дом. Все будет хорошо. Его стараниями все станет хорошо.

– Мы отвезем ее в больницу. Там уже наверняка знают, что происходит.

Лучше бы им знать. Для них же лучше. Потому что это Нана. Его маленькая девочка.

Глава 7

1

Пока Ри Демпстер сжевывала ноготь до крови, решая, закладывать ей дежурного Дона Питерса или нет, пилот «Боинга-767», выполнявшего рейс Хитроу – Джи-Эф-Кей, тремя часами ранее вылетевшего из Лондона и теперь с крейсерской скоростью двигавшегося над Атлантическим океаном, связался с диспетчером, чтобы доложить о происшествии на борту и проконсультроваться по части дальнейших действий.

– У нас три пассажирки, среди них маленькая девочка, у которых началось... Мы не понимаем, что именно. Врач на борту говорит, что это, возможно, какая-то плесень или нарыв. Они спят, по крайней мере, выглядят спящими, и врач утверждает, что все их жизненные показатели в норме, но есть опасения, что их дыхательные пути... что они будут перекрыты, поэтому, как я понимаю, он собирается...

Почему сообщение прервалось, осталось неясным. Послышался грохот, металлический скрежет, крики: «Вам сюда нельзя! Немедленно выведите их!» – и все заглушил рев вроде бы дикого зверя. Какофония продолжалась почти четыре минуты, прежде чем «Боинг-767» исчез с радаров, ве-

роятно, в момент контакта с водой.

2

Доктор Клинтон Норкросс шел по Бродвею, намереваясь поговорить с Иви Блэк; левой рукой он держал блокнот, правой – щелкал шариковой ручкой. Его телесная оболочка находилась в женской тюрьме Дулинга, но разум бродил в темноте по Маунтин-Рест-роуд и тревожился: о чем солгала ему Лайла? Или... может... о ком?

В нескольких ярдах от него, в камере второго этажа крыла Б, Нелл Сигер, заключенная № 4609198–1 женской тюрьмы Дулинга, получившая срок от пяти до десяти лет (хранение наркотиков класса В с намерением перепродажи), села на верхней койке, чтобы выключить телевизор.

Маленький телевизор с плоским экраном, толщиной с закрытый ноутбук, стоял на спинке у нее в ногах. Она смотрела выпуск новостей. Соседка Нелл по камере и – время от времени – ее любовница, Селия Фроуд, отбывшая почти половину своего срока, от года до двух (хранение наркотиков класса Д, второе правонарушение), смотрела новости со стула у единственного стального стола камеры.

– Слава Богу, – сказала она. – Не могу больше смотреть на это безумие. И что ты собираешься делать?

Нелл легла и повернулась на бок, лицом к цветному квадрату на стене, где висели в ряд школьные фотографии ее тро-

их детей.

– Ничего личного, дорогая, но я собираюсь отдохнуть. Чувствую себя совершенно разбитой.

– Ох. – Селия все поняла. – Ладно. Хорошо. Приятных сновидений, Нелл.

– Надеюсь на это. Люблю тебя. Можешь взять себе все, что захочешь, из моих вещей.

– Я тоже люблю тебя, Нелл. – Селия положила ладонь на плечо Нелл. Та потрепала сокамерницу по руке и свернулась калачиком. Селия вновь села за маленький стол и принялась ждать.

Когда Нелл начала мягко похрапывать, Селия поднялась и всмотрелась в нее. Белые нити вырастали из лица Нелл, подрагивали, падали, расщеплялись на новые нити, колыхались, словно водоросли в легком приливе. Глазные яблоки Нелл двигались под закрытыми веками. Может, ей снилось, как они вдвоем сидят на одеяле, на воле, на берегу моря? Нет, скорее всего, нет. Вероятно, Нелл снились ее дети. Она не стремилась выставлять напоказ их с Селией отношения, и ей не слишком нравилось разговаривать, но сердце у Нелл было доброе, детей она любила и постоянно им писала.

Без нее будет невероятно одиноко.

Какого черта, подумала Селия и тоже решила прилечь.

В тридцати милях к востоку от женской тюрьмы Дулинга, примерно в то время, когда засыпала Нелл, два брата сидели прикованными к скамье в суде округа Кофлин. Лоуэлл Грайнер думал об отце и самоубийстве, более предпочтительном варианте в сравнении с тридцатилетним сроком в тюрьме штата. Мейнард Грайнер думал о зажаренных на открытом огне ребрышках, которые съел несколькими неделями раньше, буквально перед арестом. Ни один из мужчин понятия не имел, что творится в мире.

Охранявшему их судебному приставу до смерти надоело ждать.

– Какого хрена! Пойду посмотрю, не заснула ли судья Уайнер на толчке. Мне не столько платят, чтобы я весь день нянчился с такими дятлами, как вы двое.

Когда Селия решала составить компанию Нелл и заснуть, когда судебный пристав входил в конференц-зал, чтобы поговорить с судьей Уайнер, когда Фрэнк Джизэри бежал по лужайке перед домом, в котором раньше жил, с единственной дочерью на руках, а выгнавшая его жена бежала следом – ко-

гда происходило все это, три десятка гражданских предприняли стихийную попытку штурма Белого дома.

Авангард, трое молодых мужчин и одна молодая женщина, на первый взгляд безоружные, начал карабкаться на забор, огораживавший Белый дом.

– Дайте нам противоядие! – крикнул один, спрыгивая на землю за забором. Тщедушный, с конским хвостом, в бейсболке «Чикаго кабс».

Десяток агентов секретной службы с пистолетами в руках быстро окружили нарушителей, но в этот самый момент вторая, куда более многочисленная толпа, собравшаяся на Пенсильвания-авеню, преодолела ограждения и тоже атаковала забор. Полицейские в защитном снаряжении кинулись на них сзади, отдирая от забора. Прогремели два выстрела, один из полицейских покачнулся и тяжело рухнул на землю. После этого началась канонада. Взорвалась граната со слезоточивым газом, клубы пепельного дыма поплыли над мостовой, укутывая бегущих мимо людей.

Микаэла Морган, в девичестве Коутс, наблюдала все это по монитору передвижной телестанции «Новостей Америки», припаркованной напротив ЦКЗ. Микаэла потеряла руки. Они заметно тряслись. Глаза чесались и слезились после трех дорожек кокаина, которые она только что вдохнула с контрольной панели через свернутую трубочкой десятидолларовую купюру.

На переднем плане репортажа из Вашингтона появилась

женщина в темно-синем платье. Примерно того же возраста, что и мать Микаэлы, с черными с проседью волосами до плеч и ниткой жемчуга на шее. Перед собой, словно горячее блюдо, женщина несла маленькую девочку; ее укутанная белым голова безжизненно болталась. Женщина смотрела прямо перед собой и шагала, пока не вышла из кадра.

– Пожалуй, еще немного нюхну. Не возражаешь? – спросила Микаэла своего техника. Он сказал ей: закидывайся (не самый удачный ответ, с учетом обстоятельств), – и протянул пакетик с белым порошком.

5

Когда разъяренная, охваченная ужасом толпа шла на штурм дома 1600 по Пенсильвания-авеню, Лайла Норкросс ехала в Дулинг. Думала она о Джареде, своем сыне, и о Шейле, его сводной сестре, дочери ее мужа. Какое необычное получилось у них семейное дерево! Не было ли какого-то сходства в очертаниях их губ, Клинта и Шейлы, в чуть приподнятых уголках рта? Была ли она лгуньей, как и ее отец? *Вполне возможно*. Была ли сейчас такой же уставшей, как Лайла, ощущала ли последствия вчерашнего бега и прыжков? Если да, у них было кое-что общее, помимо Клинта и Джареда.

Лайла задалась вопросом, а может, ей просто заснуть и выйти из игры? Так будет гораздо проще. Несколько дней назад подобная мысль просто не могла прийти ей в голову:

несколько дней назад она видела себя сильной, решительной, контролирующей ситуацию. Она когда-нибудь шла против Клинта? В свете нового озарения ей казалось, что ни разу. И до сих пор не пошла, даже когда узнала о Шейле Норкросс, девушке, носившей его фамилию, и ее, Лайлы, тоже.

Размышляя обо всем этом, Лайла свернула на Мэйн-стрит. Она не обратила внимания на желто-коричневую малолитражку, которая проскочила слева и помчалась к вершине холма, с которого только что спустилась Лайла.

За рулем малолитражки сидела женщина средних лет. Она везла свою мать в больницу Мейлока. На заднем сиденье автомобиля пожилой отец женщины – он никогда не был осторожным мужчиной, бросал детей в бассейн, делал трифlekты, ел маринованные сосиски из потемневших от времени банок на прилавках придорожных магазинов – краем скребка для льда пытался очистить лицо жены от покрывавшей его паутины.

– Она задохнется! – крикнул он.

– По радио сказали, что нельзя этого делать! – крикнула в ответ женщина средних лет, но ее отец сам решал, что можно, а чего нельзя, до конца своей жизни, и продолжил очищать лицо жены.

6

Иви была практически везде. Она была мухой в «Боин-

ге-767», ползавшей по дну высокого стакана и касавшейся лапками остатков виски с колой за секунду до того, как нос самолета коснулся поверхности океана. Мотыльком, кружившим у потолочной флуоресцентной лампы в камере Нелл Сигер и Селии Фроуд. Она была в конференц-зале окружного суда Кофлина, сидела за решеткой воздуховода, смотрела в щель блестящими черными глазами мыши. На лужайке Белого дома Иви-муравей ползла по еще теплой крови убитой девушки-подростка. В лесу, где Джаред убегал от своих преследователей, она была червем под его ногами, медленно продвигавшимся в земле, слепым и многосегментным.

Иви не сидела на месте.

Глава 8

1

Воспоминания о занятиях спортивным бегом в девятом классе нахлынули на Джареда, когда он мчался между деревьями. Тренер Дрейфорт тогда сказал, что Джаред «подает надежды».

«У меня есть планы на тебя, Норкросс, и они включают выигрыш множества блестящих медалей» – вот что сказал тренер Дрейфорт. В конце сезона на региональных соревнованиях Джаред финишировал пятым из пятнадцати участников забега на восемь километров – выдающийся результат для новичка, – но порушил планы тренера Д., уйдя из команды ради работы в комитете подготовки ежегодных школьных альбомов.

Джаред обожал последние секунды гонки, когда обретал второе дыхание, прибавлял скорость и испытывал экстаз, наслаждаясь собственной силой. Из легкой атлетики он ушел, потому что Мэри работала в комитете подготовки ежегодников. Ее избрали председателем по продажам и распространению ежегодника среди десятиклассников, и ей требовался заместитель. Преданность Джареда спортивному бегу приказала долго жить. «Запиши меня», – сказал он Мэри.

«Хорошо, но у меня два условия, – ответила она. – Первое: если я умру – а это вполне возможно, потому что сегодня я съела в столовой один из этих загадочных блинчиков с мясом, – ты займешь мое место и проследишь, чтобы мне уделили целую страницу в ежегоднике выпускников. И ты должен позаботиться о том, чтобы фотография была хорошей, а не дурацкой, какую обязательно выберет моя мать».

«Будет исполнено, – ответил Джаред и подумал: Я действительно тебя люблю. Он знал, что еще слишком молод. Он знал, что и она слишком молода. Но как он мог не влюбиться? Она была такой красивой, такой активной, но при этом держалась совершенно естественно, без всякого напряжения. – А второе условие?»

«Второе условие... – Она схватила его голову обеими руками и принялась трясти. – *Я – босс!*»

В этом Джаред тоже не увидел проблемы.

Тут он наступил на шаткий плоский камень, выступавший из земли, и вот *это* превратилось в проблему, более того, в серьезную проблему, потому что он почувствовал сдвиг и резкую боль в колене. Джаред ахнул и выставил вперед левую ногу, сосредоточившись на дыхании, как его учили на тренировках, продолжая работать локтями.

– Мы просто хотим поговорить с тобой! – проревел сзади Эрик.

– Не будь гребаным трусом! – поддакнул Курт.

Спускаясь в овраг, Джаред чувствовал, как правое коле-

но дрожит, и сквозь удары сердца в ушах и шуршание сухих листьев под кроссовками ему вроде бы слышалось какое-то щелканье. Впереди лежала Мэллой-стрит, которая шла за школой, и в просветах между деревьями мелькал желто-коричневый автомобиль. На дне оврага правая нога Джареда подвернулась, боль стала совсем дикой, как если положить руку на раскаленную конфорку, только изнутри, и он схватился за колючую ветку, чтобы подтянуться по склону.

Воздух сзади колыхнулся, словно чей-то кулак едва разминулсЯ с затылком Джареда; он услышал, как чертыхнулся Эрик, врезавшись в кого-то. Преследователи сползли в овраг. До улицы оставалось двадцать футов; Джаред различал урчание двигателя. Он успеет!

Он рванулсЯ вперед, чувствуя знакомую эйфорию, воздух в легких внезапно понес его, подталкивая и заглушая боль в травмированном колене.

И тут на краю дороги кто-то взял его за плечо и развернул к себе. Он не упал только потому, что схватилсЯ за березу.

– Дай мне твой мобильник, Норкросс. – Лицо Кента стало пунцовым, прыщи на лбу полиловели. Глаза влажно блестели. – Мы просто дурачились, ничего больше.

– Нет, – ответил Джаред. Он и не помнил, как подобрал айфон, но теперь сжимал его в руке. Колено словно раздулось.

– Да, – настаивал Кент. – Давай его сюда. – Его дружки уже спешили вверх по склону, им оставалось преодолеть еще

несколько футов.

— Вы собирались насрать в ухо старой женщины! — крикнул Джаред.

— Только не я! — Кент смахнул навернувшиеся слезы. — Я все равно бы не мог! У меня боязнь мочеиспускания на людях!

Однако ты не пытался их остановить, мог бы сказать Джаред, но вместо этого почувствовал, как сгибается рука, а кулак выстреливает в подбородок Кента с ямочкой. Он с удовлетворением услышал, как лязгнули зубы Кента.

Пока Кент валился в сорняки, Джаред сунул мобильник в карман и побежал дальше. Три болезненных прыжка привели его на желтую разделительную полосу. Он замахал руками, чтобы остановить приближавшуюся малолитражку с номерным знаком Виргинии. Джаред не заметил, что водитель развернулся на сиденье и смотрит назад. И, конечно же, не видел, что происходило на заднем сиденье малолитражки. А там ревушая, как разъяренный зверь, старуха, с лица которой свисали белые лохмотья, краем скребка для льда рвала грудь и шею своего мужа, срезавшего белую маску с лица жены. Но Джаред отметил странную, виляющую траекторию малолитражки. Он попытался уйти от столкновения и уже поздравлял себя с удачей, когда машина врезалась в него и отбросила в сторону.

– Эй! Руки прочь от моей Будки! – Ри привлекла внимание дежурной Лэмпли стуком в переднее окно Будки, что строжайше запрещалось. – Чего ты хочешь, Ри?

– Мне надо к начальнику, дежурная. – Ри говорила громко и отчетливо, хотя необходимости в этом не было: специальные пазы под панелями пуленепробиваемого стекла позволяли Ванессе Лэмпли отлично слышать. – Мне надо к начальнику, чтобы сказать ей что-то важное. Ей, и никому больше. Извините, дежурная. Это единственный способ. По-другому никак нельзя.

Ван Лэмпли приложила немало сил, чтобы обрести репутацию жесткой, но справедливой дежурной. За семнадцать лет работы в женской тюрьме Дулинга ее один раз ударили ножом и несколько раз – кулаком; ее пинали и душили, в нее бросались жидким говном, ей предлагали трахнуть себя различными способами и предметами, в том числе нереально большими или опасно острыми. Обращалась ли Ван к этим воспоминаниям во время соревнований по армрестлингу? Да, но редко, только на серьезных турнирах лиги. (Ванесса Лэмпли выступала в Тюремной лиге Огайо-Вэлли, женское отделение А.) Воспоминание о том, как ненормальная крэковая наркоманка сбросила кусок кирпича ей на голову со второго этажа крыла Б (результатом стали ушиб головы и со-

трясение мозга), кстати, помогло Ван оба раза, когда она стала чемпионкой. Грамотно направленная злость была отличным топливом.

Несмотря на этот не самый приятный опыт, она всегда осознавала ответственность, неразрывно связанную с предоставленной ей властью. Понимала, что никто не хотел попасть в тюрьму. Но некоторых приходилось сажать под замок. Это не приносило удовольствия, ни им, ни ей. А неуважительное отношение только усугубило бы ситуацию и для них, и для нее.

И хотя к Ри у нее претензий не было – бедная девочка с большущим шрамом на лбу, который говорил любому, что жизнь для нее не была легкой прогулкой, – подобные неразумные требования Ван считала неуважительными. Негоже дергать начальника, особенно в сложившейся чрезвычайной медицинской ситуации.

Ван и сама тревожилась по поводу прочитанного в Интернете насчет Авроры и приказа начальника всем остаться на вторую смену. Отправленная в карантин Макдэвид на мониторе выглядела так, будто место ей не в камере, а в саркофаге. Муж Ван, Томми, которому она позвонила домой, заявил, что с ним все будет в порядке до ее возвращения, но она ему не поверила. Томми из-за травмы тазобедренных суставов не мог ходить – и был не в состоянии поджарить себе сэндвич с сыром; до ее приезда он будет питаться маринованными огурцами из банки. Если Ван в таких обстоятельствах не те-

ряла голову, не имела права ее терять ни Ри, ни любая другая заключенная.

– Нет, Ри, придется умерить аппетиты. Можешь сказать мне или не говорить никому. Если дело действительно важное, я передам начальнику. И почему ты прикоснулась к моей Будке? Черт побери, ты знаешь, что это запрещено. Мне что, отметить в рапорте твое плохое поведение?

– Дежурная... – По другую сторону пуленепробиваемого стекла Ри умоляюще сложила руки. – Пожалуйста, я не лгу. Случилось что-то неправильное, совсем неправильное, и это нужно остановить. Вы – женщина, пожалуйста, поймите меня. – Теперь она заламывала руки. – *Как женщина*. Хорошо?

Ван Лэмпли пристально оглядела заключенную, которая стояла на приподнятой бетонной площадке перед Будкой и умоляла дежурную, словно у них было что-то общее, помимо двух Х-хромосом.

– Ри, ты нарываешься. И я не шучу.

– Я бы не стала врать ради призов! Пожалуйста, поверьте мне. Это касается Питерса, и дело серьезное. Начальник должна знать.

Питерс.

Ван потеряла мощный правый бицепс, как делала всегда, если вопрос требовал размышлений. На бицепсе был вытатуирован могильный камень с надписью «ТВОЯ ГОРДОСТЬ», а под надписью – согнутая рука. Это был символ всех соперников, которых она победила: костяшки прижаты к столу,

спасибо за поединок. Многие мужчины избегали состязаться с ней. Боялись оконфузиться. Ссылались на тендинит плеча, травму локтя и т. д. «Не стала бы врать ради призов» – выражение любопытное, но в некотором смысле уместное. Дон Питерс был из тех, кто врал ради призов.

«Если бы я не вывихнул плечо, когда подавал в бейсбольной команде в старших классах, то справился бы с тобой в два счета, Лэмпли», – однажды объяснил ей этот маленький говнюк за пивом в «Скрипучем колесе».

«Кто бы сомневался, Донни», – ответила она.

Большой секрет Ри скорее всего будет пустышкой, но... Дон Питерс. Жалобы на него шли потоком, и да, понять их в полной мере могла только женщина.

Ван подняла чашку кофе, о которой забыла. Содержимое давно остыло. Ладно, пожалуй, она проводит Ри Демпстер к начальнику. Не потому, что Ванесса Лэмпли вдруг смягчилась. Просто ей требовался горячий кофе. В конце концов, неизвестно, когда закончится ее смена.

– Хорошо, заключенная. На этот раз пусть будет по-твоему. Возможно, я совершаю ошибку, но я это сделаю. Надеюсь, ты хорошенько подумала.

– Подумала, дежурная, подумала. Я думала, думала и думала.

Лэмпли вызвала Тига Мерфи, чтобы тот заменил ее в Будке. Сказала, что ей нужно чуток передохнуть.

Питерс стоял у «мягкой» камеры, привалившись к стене, и пролистывал страницы на мобильнике. Уголки скривившегося рта опустились вниз.

– Придется тебя побеспокоить, Дон, – Клинт ткнул подбородком в дверь камеры, – но мне нужно с ней поговорить.

– Никакого беспокойства, док. – Питерс выключил мобильник, и на его губах заиграла дружелюбная улыбка, такая же фальшивая, как и настольные лампы от «Тиффани», продававшиеся на блошином рынке, который раз в две недели проводился в Мейлоке.

Правда состояла в другом: а) дежурный не имел права заглядывать в мобильник, находясь на посту в разгар смены; и б) Клинт не один месяц пытался добиться перевода Питерса или его увольнения. Четверо заключенных пожаловались доктору на сексуальные домогательства со стороны Питерса, но только в его кабинете, на условиях конфиденциальности. Ни одна не пожелала говорить для протокола. Они боялись последствий. Большинство этих женщин многое знали о последствиях, как в стенах тюрьмы, так и за ее пределами.

– Значит, у Макдэвид та же фигня, да? Что в новостях? Тогда почему это должно касаться меня? Все, что я вижу, говорит, что это женская болезнь. Однако врач здесь вы.

Как Клинт и предупреждал Коутс, полдесятка ее попыток

связаться с ЦКЗ окончились безрезультатно: в трубке раздавались короткие гудки.

– Я знаю не больше твоего, Дон, и да, насколько мне известно, пока нет ни одного случая заражения мужчины этим вирусом, или как там его называть. Мне нужно поговорить с арестованной.

– Конечно, конечно.

Питерс отомкнул верхний и нижний замки, отодвинул засовы, включил рацию.

– Дежурный Питерс, впускаю дока в камеру А-десять, прием. – Он настежь распахнул дверь.

Прежде чем пропустить Клинта в камеру, Питерс нацелил палец на арестованную, которая сидела на покрытой губчатым материалом койке у дальней стены.

– Я буду здесь, поэтому не советую пытаться причинить вред доктору. Это ясно? Мне не хочется применять к тебе силу, но в случае необходимости я применю. Ты меня поняла?

Иви не смотрела на него. Она полностью сосредоточилась на своих волосах и расчесывала их пальцами в поисках узелков.

– Поняла. Приятно иметь дело с таким джентльменом. Ваша мать должна вами гордиться, дежурный Питерс.

Питерс застыл в дверях, пытаясь решить, а не смеются ли над ним? Разумеется, мать им гордилась. Он служил на переднем крае борьбы с преступностью.

Прежде чем он смог определиться, Клинт похлопал его по плечу.

– Спасибо, Дон. Теперь дело за мной.

4

– Мисс Блэк? Иви? Я доктор Норкросс, штатный психиатр этого заведения. Вы достаточно спокойны, чтобы поговорить? Для меня важно понять, в каком вы психическом состоянии, как себя чувствуете, понимаете ли, что происходит, есть ли у вас какие-то вопросы или опасения.

– Конечно. Давайте поболтаем. Заводите шарманку.

– Как вы себя чувствуете?

– Вполне неплохо. Правда, мне не нравится, как здесь пахнет. Какой-то устойчивый химический запах. Я привыкла к свежему воздуху. Дитя природы, можно сказать. Люблю бриз. Люблю солнце. Землю под ногами. Музыку небесных сфер.

– Ясно. Тюрьма может давить. Вы ведь понимаете, что вы в тюрьме? Это исправительное учреждение для женщин, расположенное в городе Дулинг. Вам пока не предъявлено обвинение, вы не осуждены и находитесь здесь ради вашей же безопасности. Вы понимаете все, что я говорю?

– Да. – Она прижала подбородок к груди и понизила голос до шепота: – Но этот парень, дежурный Питерс. Вы ведь знаете о нем, да?

– Знаю о нем что?

– Он берет то, что ему не принадлежит.

– Что вы имеете в виду? Что именно он берет?

– Я лишь поддерживаю разговор. Я думала, вы этого хотите, доктор Норкросс. Не мне вас учить, но разве вы не должны сидеть так, чтобы я вас не видела?

– Нет, это в психоанализе. Давайте вернемся...

– *«Главный вопрос, на который нет ответа, и я тоже не могу ответить на него, несмотря на тридцать лет исследования женской души, заключается в следующем: “Чего хочет женщина?”»*

– Фрейд, да. Первопроходец психоанализа. Вы читали о нем?

– Я думаю, большинство женщин, если вы их спросите и если они будут с вами предельно откровенны, скажут: они хотят вздремнуть. И возможно, серьги, которые подойдут ко всему, а так, разумеется, не бывает. В любом случае сегодня большие распродажи, док. После пожара. Я знаю один трейлер. Он немного поврежден, в стене небольшая дыра, но заделать ее – пара пустяков, и я уверена, вы можете получить его бесплатно. Что скажете?

– Вы слышите голоса, Иви?

– Не совсем. Скорее сигналы.

– И как звучат эти сигналы?

– Как гудение.

– Как мелодия?

– Как мотыльки. Для этого нужен особый слух.

– То есть мои уши для того, чтобы слышать гудение мотыльков, не годятся?

– Боюсь, что нет.

– Вы помните, что нанесли себе травму в патрульном автомобиле? Ударились лицом о решетку? Почему вы это сделали?

– Да, я помню. Я это сделала, потому что хотела попасть в тюрьму. В эту тюрьму.

– Интересно. Почему?

– Чтобы увидеть вас.

– Я польщен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.